प्रा(ल(ड)
526
7.530

91(С18)
Б26

ВИКТОРЪ БАРТЕНЕВЪ.

НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРО-ЗАПАДѢ СИБИРИ.

СИБИРЯКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

Очерки Обдорскаго края.

966!

II 718201
КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА-КОЛЛЕКТОР
Инв. №

ОИ.

18 МАР 1923

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія М. Ф. Пайкина, Невскій пр., д. № 82.
1896.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Мая 1896 года.

Содержаніе.

I. Общій очеркъ природы и населенія Обдорска.—Черты обще-сибирской жизни, замѣчаемыя въ Обдорскѣ: характеръ администраціи, ябедничество.—Сравненіе Обдорска съ другими поселеніями дальняго Сѣвера.—Домашняя обстановка, одежда, пища.—Вліяніе инородцевъ на языкъ Обдорянъ: сюсюканье.—Просвѣщеніе: списокъ періодическихъ изданій, выписываемыхъ въ Обдорскѣ.—Библіотека, ея значеніе для руссификаціи края.

II. Русскіе.—Браки съ инородцами.—Юридическое положеніе русскаго населенія на инородческой землѣ.—Занятія: рыболовство, торговля.—Русское оленеводство.—Общественный кабакъ и его значеніе.—Расхищеніе шайтановъ.—Замѣчанія о нравственности Обдорянъ.

III. Зыряне. Характеръ и физическій типъ.—Домашній бытъ.—Малограмотность при желаніи учиться.—Хищничество.—Солидарность и ея стадный характеръ.—Рутинность пріемовъ торгово-промышленной дѣятельности.—Зырянскій вопросъ: полезное значеніе осѣдлыхъ зырянъ и вредное—кочующихъ.—Гостепріимство, благодарность.—Браки съ русскими.

IV. Инородцы: Самоѣды, Остяки, Нахса-мар-яхъ. — Языкъ. Вопросъ о вымираніи инородцевъ.—Отсутствіе точныхъ статистическихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса.—Причины вымиранія: психическія причины; экономическая эксплуатація; болѣзни.

V. Самоѣды. — Оленеводство и охота. —Эксплуатированіе богатыми Самоѣдами своей-же братіи.—Приспособленность быта Самоѣдовъ къ жизни въ тундрѣ.—Пьянство.

VI. Остяки.—Ихъ закабаленность.—Рыболовство.—Гоньба.—Убогость домашней обстановки.—Юрты зимнія и лѣтнія.—Артели.

VII. Христіанство среди Остяковъ.—Миссія и миссіонерское училище. Проектъ школы для Остяцкихъ дѣтей и ея значеніе.

VIII. Религія Остяковъ.—Шаманизмъ.—Разница между древними и современными религіозными понятіями Остяковъ.—Понятіе о грѣхѣ.—Загробный міръ.—Необходимость „этнографическихъ станцій“.—Шаманы.—Чудеса.—Ворожба.—Тѣсная связь вѣрованій Остяковъ съ

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА-КОЛЛЕКТОР

ихъ міровозрѣніемъ и условіями жизни.—Идолы и ихъ значеніе.

IX. Взглядъ Остяковъ на крещеніе.—Смѣсь язычества и православія.—Вліяніе крещенія на нравственность дикарей вообще и въ частности на Остяковъ.

X. Обычаи Остяковъ. — Общественныя празднества.—Родъ.—Образъ.—Черты ихъ уголовнаго права: наказанія, очистительная присяга.—Профессоръ А. И. Якобій въ Обдорскѣ и его дѣятельность. — Сообщеніе „Русск. Вѣд." о мѣрахъ принятыхъ въ помощь Остякамъ.

XI. Кругооборотъ Обдорской жизни въ продолженіи года.—Замѣчанія о климатѣ.—Масляница въ Обдорскѣ.—Обдорская весна.—Бѣлыя ночи.—Начало рыболовнаго сезона „Вонзь идетъ!"—Прибытіе Тоболяковъ.—Рыбный промыселъ.—Тундра лѣтомъ и осенью.—Возвращеніе съ промысловъ.—Прибытіе пароходовъ.—Свистокъ парохода подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ.—Сдача рыбы и прижимки со стороны Тоболяковъ.—Зима.—Ѣзда на собакахъ.—Тундра зимой.—Сравнительная таблица температуры въ Обдорскѣ и въ Петербургѣ. Сѣверныя сіянія.

XII. Свадьба въ Обдорскѣ.—Свадебныя пѣсни.—Святки.—Маскированье.—Вечера, хороводы, пѣсни.

XIII. Обдорская ярмарка.—Внѣшній видъ ярмарки.—Ловля Самоѣдовъ.—Толмачи.—Скупка пушнины на дому у обывателя. — Угощенье. — Преобладаніе торговли въ кредитъ —Сравненіе съ Сурутской ярмаркой.—Цѣны на пушнину.

XIV. Развитіе концентраціи торгово-промышленной дѣятельности въ Обдорскѣ. Причины концентраціи въ торговлѣ пушниной и въ рыбопромышленности.—Артельное рыболовство, какъ желательный исходъ для мелкихъ промышленниковъ.—Попытки поднять артель на Мурманскомъ берегу.—Артель Латышей на Западной Двинѣ.

XV. Рабочій вопросъ въ Обдорскѣ.—Необходимость промысловой инспекціи.—Какъ отразится концентрація на техникѣ рыбнаго дѣла, на положеніи рабочихъ и на положеніи Обдорскаго населенія?—Толки въ Обдорскѣ объ устройствѣ артели изъ Русскихъ и Остяковъ.—Необходимость этого дѣла для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ Обдорской жизни.—Заключеніе.

БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

За послѣднее время Обдорскъ довольно часто упоминается въ нашей періодической печати, то по поводу поѣздки туда проф. Якобія съ цѣлью выясненія причинъ вымиранія инородцевъ (Остяковъ и Самоѣдовъ), то по случаю попытокъ проложить путь по Оби и Обской Губѣ въ Ледовитый Океанъ. Большинство читателей вѣроятно имѣетъ самыя смутныя понятія объ этомъ забытомъ уголкѣ Россіи.

Обдорскъ, самое имя котораго довольно зловѣще звучитъ въ ушахъ русскаго интеллигентнаго человѣка, часто рисуется какой-то голой скалой на берегу Ледовитаго Океана.

Малоизвѣстность этого своеобразнаго края, возбуждающаго теперь нѣкоторую долю общественнаго вниманія, заставляетъ меня думать, что предлагаемые „очерки“, составленные послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ Обдорскѣ, будутъ прочтены не безъ нѣкотораго интереса.

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА-КОЛЛЕКТОР

I.

Общій очеркъ природы и населенія Обдорска.—Черты общесибирской жизни, замѣчаемыя въ Обдорскѣ: характеръ администраціи, ябедничество.— Сравненіе Обдорска съ другими поселеніями дальняго Сѣвера.—Домашняя обстановка, одежда, пища.—Вліяніе инородцевъ на языкъ Обдорянъ: сюсюканье.— Просвѣщеніе: списокъ періодическихъ изданій, выписываемыхъ въ Обдорскѣ.—Библіотека, ея значеніе для руссификаціи края.

Обдорскъ или оффиціально село Обдорское Березовскаго округа Тобольской губерніи находится почти подъ самымъ Сѣвернымъ Полярнымъ Кругомъ, на р. Полуѣ, недалеко отъ впаденія его въ Обь. Это послѣдній населенный пунктъ на сѣверѣ въ приобскомъ краѣ, послѣдній шагъ русской колонизаціи. Дальше по Оби встрѣчаются только юрты остяковъ и самоѣдовъ и очень рѣдкія постройки кое-кого изъ русскихъ торговцевъ, забирающихся верстъ на 300 и болѣе внизъ по Оби. Обдорскъ расположенъ въ смѣшанной полосѣ тундры и лѣсовъ, значеніе которой по всему сѣверу Россіи характеризуются проф. Якобіемъ, какъ мѣсто зимовки инородческихъ оленьихъ стадъ и передовыхъ пунктовъ русской осѣдлости. Дики и непривлекательны окрестности Обдорска: кругомъ бугристая моховая тундра съ изрѣдка встрѣчающимися перелѣсками, состоящими изъ корявой низкорослой березы, лиственницы, ели. По берегамъ рѣкъ много кустовъ тальника.

Собственно близь Обдорска лѣса нѣтъ вовсе:

что и было, то давно вырублено и обнаженная тундра служитъ первымъ печальнымъ свидѣтелемъ раззоренія всего этого края.

Невысокія, жалкія деревья можно встрѣтить лишь за 7—10 верстъ отъ села. Дровяной-же лѣсъ, хотя и не высокаго качества встрѣчается верстъ за 40 отъ села къ Юго-Востоку вверхъ по теченію Полуя. Еще дальше по Полую можно найти и строевой лѣсъ, но его мало и далеко ѣздить, поэтому большая часть Обдорска сдѣлана изъ барочнаго лѣса. Верстъ за 300 южнѣе Обдорска встрѣчается уже кедръ, а Березовъ (480 верстъ отъ Обдорска) стоитъ среди прекраснаго кедроваго лѣса, но нужно проѣхать къ Югу еще около 700 верстъ, чтобы встрѣтить полосу, гдѣ возможно земледѣліе—это уже на Иртышѣ. Огородничество въ Обдорскѣ почти невозможно, хотя одинъ изъ жителей имѣетъ на южномъ склонѣ берега Полуя небольшой огородикъ, гдѣ поспѣваетъ нѣкоторое подобіе картошки и рѣпы. Въ Березовѣ огородничество вполнѣ возможно и имъ занимаются многіе. Изъ ягодъ въ Обдорскѣ вызрѣваютъ: морошка (въ большомъ количествѣ), черника, голубица, брусника и княжника. По южнымъ склонамъ рѣчныхъ береговъ иногда встрѣчается красная смородина, рябина, калина, шиповникъ. Сѣнокосовъ довольно мало: сѣно косятъ преимущественно по островкамъ и отмелямъ рѣкъ, заливаемымъ во время весенняго половодья.

Попадается иногда трава и среди тундры въ низменныхъ мѣстахъ. Довольно высокая (по поясъ) и по Обдорскому даже роскошная трава ростетъ по южнымъ склонамъ рѣчныхъ береговъ; но тамъ неудобно косить.

Такимъ образомъ скотоводство возможно и многіе жители держатъ коровъ и лошадей.

Основанный въ началѣ XVII стол. казаками покорителями Сибири, Обдорскъ долгое время существовалъ какъ крѣпость, служившая оплотомъ и убѣжищемъ для русскихъ удальцовъ. Съ половины XVIII вѣка стали сюда пріѣзжать купцы на ярмарку. Тогда очевидно завязались уже торговыя сношенія съ инородцами. Не скоро инородецъ научился довѣрять русскому. Разсказываютъ, что первоначально торговля производилась такимъ образомъ: русскіе купцы перевозили на другую сторону Полуя товары и раскладывали ихъ по берегу, а сами отъѣзжали прочь.

Самоѣды съ своей стороны клали свои товары рядомъ съ тѣми, которые они желали вымѣнять. Если русскій купецъ былъ доволенъ, то онъ подъѣзжалъ и бралъ самоѣдскій товаръ, а свой оставлялъ въ обмѣнъ.

Мало по малу самоѣды убѣждались, что ихъ не ограбятъ и тогда возникали непосредственныя мѣновыя сношенія. Въ концѣ XVIII в. крѣпость въ Обдорскѣ упразднена и для управленія назначенъ гражданскій комиссаръ, впослѣдствіе переименованный въ земскаго засѣдателя. Съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія стали въ Обдорскѣ поселяться Русскіе на постоянное жительство. Но все-же до половины столѣтія, Обдорскъ оживалъ разъ въ годъ, въ Январѣ, когда на ярмарку съѣзжались купцы. Въ остальное время года большую часть строеній составляли пустые амбары, гдѣ только во время ярмарки кипѣла торговля. Въ 60-тые годы въ Обдорскѣ не насчитывалось и 200 жителей.

Около этого времени стали появляться ижемскіе зыряне, играющіе въ настоящее время большую роль въ Обдорской жизни. Въ 1865 г. въ Обдорскѣ жило всего 6 зырянъ, да и тѣ не имѣли постоянной осѣдлости, а жили на квартирахъ у

БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

русскихъ временно. Съ 70-хъ годовъ зыряне начинаютъ селиться въ Обдорскѣ на постоянное жительство, а затѣмъ стали брать приговоры у инородцевъ на мѣста для водворенія.

Такихъ зырянъ окончательно укрѣпившихся въ Обдорскѣ теперь семей 6—7. Всѣхъ-же зырянъ, проживающихъ въ Обдорскѣ теперь добрая треть населенія.

Если подъѣзжать къ Обдорску по Оби, а затѣмъ по Полую, то еще издали можно увидѣть этотъ городокъ, красиво и бойко расположенный на крутомъ и высокомъ мысу, выдающемся въ Полуй. Всего виднѣе двѣ церкви, изъ которыхъ одна каменная недавно построена и освящена въ 1894 году. Многія строенія расположены на берегу подъ горою, другія лѣпятся по откосу. На видномъ мѣстѣ будка съ инструментами для метеорологическихъ наблюденій.—Обдорская Метеорологическая станція учрежденная лѣтъ 15 тому назадъ Главной Физической Обсерваторіей и содержимая на средства Морскаго Министерства. По переписи, произведенной въ Ноябрѣ 1891 года Обдорскимъ врачемъ Я. И. Зальмунинымъ всего жителей оказалось 876 человѣкъ, изъ которыхъ 459 мужчинъ и 417 женщинъ. По своему этнографическому составу они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Русскихъ	378
Зырянъ	290
Остяковъ	95
Самоѣдовъ	103

Поляковъ, евреевъ и татаръ по 1.

Такимъ образомъ русскіе являются преобладающею по численности народностью, хотя и составляютъ меньше половины всѣхъ другихъ инс-

родческихъ племенъ, взятыхъ вмѣстѣ. По мѣсту рожденія Обдоряне распредѣляются такъ:

Родившихся въ Обдорскѣ и Обдорскомъ участкѣ	494
Въ Архангельской губерніи (зыряне) . . .	216
„ Березовѣ.	70
„ Тобольской губерніи.	69
„ Европейской Россіи.	25
„ другихъ Губерн. Сибири	2

Такимъ образомъ населеніе Обдорска, первоначально составившееся изъ пришельцевъ, въ настоящее время большею частью состоитъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ Только зыряне являются сравнительно новымъ элементомъ, значительное большинство этого энергичнаго и богато одареннаго племени принадлежитъ къ сравнительно недавнимъ выходцамъ изъ своей родины—Архангельской губерніи.

Главнымъ и почти единственнымъ представителемъ власти въ Обдорскѣ является земскій засѣдатель (вродѣ нашего станового). Затѣмъ мѣстное управленіе инородцами лежитъ на обязанности обдорской-остяцко-самоѣдской-инородческой управы, во главѣ которой стоитъ волостной старшина вмѣстѣ съ „ватажными“ старшинами отъ отдѣльныхъ инородческихъ родовъ. При управѣ писарь изъ русскихъ. Имѣется еще казенный магазинъ, изъ котораго выдается въ ссуду инородцамъ: мука́, порохъ и свинецъ. Въ прежнія времена казенные магазины были настоящимъ золотымъ дномъ для завѣдующихъ или вахтеровъ. Еще и теперь въ Березовскомъ краѣ можно встрѣтить много почтенныхъ старцевъ, бывшихъ когда-то вахтерами, а теперь мирно проживающихъ съ довольно хорошими для того края средствами (тысячъ 10—20 руб.).

Теперь эти злоупотребленія значительно сократились: я по крайней мѣрѣ за 4 года своего пребыванія въ Обдорскѣ ни одного факта подобнаго рода не знаю. Да и вообще нужно замѣтить, что репутація сибирской администраціи, какая сложилась у насъ въ обществѣ, довольно преувеличена, по крайней мѣрѣ говоря о настоящемъ времени и о губерніяхъ лежащихъ ближе къ Россіи. Конечно всевозможныя злоупотребленія мѣстной администраціи, взятки и т. д. и теперь имѣютъ мѣсто, и было-бы крайней наивностью предположить, что ничего подобнаго нѣтъ. Но человѣкъ, проживший болѣе или менѣе продолжительное время въ Сибири, не встрѣтитъ теперь тѣхъ картинъ наглаго и безнаказаннаго обиранія обывателей, которыя несомнѣнно имѣли мѣсто въ прежнія времена.

Въ общемъ нѣтъ большой разницы между Сибирью и остальной Россіей. Составъ сибирской администраціи постепенно улучшается. Хотя удаленность отъ центровъ и является условіемъ благопріятствующимъ для злоупотребленій, но, съ другой стороны въ Сибири есть стороны жизни, не дающія имъ слишкомъ развиваться. Дѣло въ томъ, что сибирскій обыватель „зубастѣе“ россійскаго и болѣе можетъ за себя постоять; кромѣ того сибирякъ всегда можетъ найти „писаку“, который съумѣетъ настрочить „каку хошь кляузу. Въ Сибири во всякомъ захолустномъ городишкѣ вы встрѣтите достаточное количество лицъ, практически знакомыхъ съ порядками и законами.

Лица эти рекрутируются главнымъ образомъ изъ числа уголовныхъ ссыльныхъ. Типъ сибирскаго ябедника безспорно крайне антипатичный.

Ябедникъ дѣйствуетъ, конечно, изъ чисто своекорыстныхъ мотивовъ и готовъ строчить доносы и кляузы каждому, кто ему заплатитъ.

Трудно сказать, однако-же, что дѣятельность подобныхъ лицъ была-бы всегда безусловно вредной. Конечно, въ массѣ случаевъ ябедникъ вредитъ. Прежде всего не хорошо уже то, что ябедникъ строчитъ тому, кто болѣе можетъ дать и слѣдовательно является защитникомъ интересовъ богатой части населенія въ ущербъ бѣднякамъ. Если-же доносъ возникаетъ по личной иниціативѣ ябедника, то онъ вызывается какой либо личной обидой на того или другаго чиновника. При этомъ допосы основаны большей частью на чисто формальныхъ придиркахъ. Рѣдко случается, чтобы ябедникъ вникалъ въ дѣйствительныя нужды мѣстнаго края и съ этой точки зрѣнія обличалъ начальство передъ закономъ. Обыкновенно онъ придирается къ какимъ либо формальнымъ упущеніямъ, не вникая въ суть дѣла. Поэтому очень часто бываетъ, что доносы градомъ сыплются на администраторовъ энергичныхъ и не мирволящихъ мѣстной плутократіи, тогда какъ администраторъ бездѣятельный и не задѣвающій мѣстныхъ воротилъ живетъ спокойно. Къ этому необходимо прибавить, что кляузники часто обманываютъ невѣжественное населеніе, не обладающее достаточными юридическими свѣдѣніями и часто даже безграмотные. Это приходилось наблюдать и въ Обдорскѣ, гдѣ съ самоѣда иногда брали 10, 15 рублей за написаніе такого прошенія, которое никакого смысла не имѣло. Тѣмъ не менѣе при извѣстныхъ условіяхъ (слабое развитіе гласности, отсутствіе земскихъ учрежденій, дореформенный судъ, удаленность края отъ культурныхъ и административныхъ центровъ и и проч.) приходится сказать, что и сибирскій ябедникъ приноситъ иногда извѣстнаго рода пользу. Ябедникъ во всякомъ случаѣ является приспособленнымъ орудіемъ для отстаиванія правъ обывателя:

въ его лицѣ общество получаетъ защитника и наблюдателя за дѣйствіемъ администраціи. Ябедничество развилось въ Сибири вслѣдствіи того что, условія тамошней жизни представляли къ тому довольно благопріятную почву: зажиточность населенія и его сравнительная независимость и бойкость, обиліе злоупотребленій, а также обиліе личностей, прошедшихъ огонь, воду и мѣдныя трубы. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, какія-бы то ни было законодательныя стѣсненія злу не помогутъ и ябедниковъ не искоренятъ: это явленіе Сибирской жизни можетъ исчезнуть только съ устраненіемъ тѣхъ условій, которыя его породили. Часто съ ябедниками борятся административными мѣрами, въ виду того, что вести дѣло противъ нихъ судебнымъ порядкомъ обыкновенно бываетъ невозможно или неудобно.

Конечно въ этихъ случаяхъ бываютъ ошибки и недоразумѣнія. Какъ на яркій и любопытный примѣръ подобныхъ „недоразумѣній“ приведу случай близко мнѣ знакомый.

Года четыре тому назадъ въ Обдорскъ былъ сосланъ нѣкто К-ій мѣщанинъ В. Сосланъ онъ былъ по настоянію мѣстной К-ой администраціи, представившей В., какъ человѣка вреднаго вообще, а въ частности возмущавшаго крестьянъ распространеніемъ ложныхъ слуховъ по поводу помощи голодающему населенію (это было въ голодный годъ). Вслѣдствіе этого къ нему примѣнена была административная высылка въ Обдорскъ, срокомъ на 3 года. Правъ-ли былъ В. или виноватъ—рѣшать не берусь, т. к. знакомство мое съ его прошлымъ до пріѣзда его въ Обдорскъ основывалось на его собственныхъ разсказахъ. Какъ-бы тамъ ни было, но мѣстная администрація торжествовала, избавившись отъ непріятнаго для нея лица. Казалось, можно-бы

и успокоиться, „упекли человѣка на край свѣта въ тундры и ладно“. Но видно В. ужъ очень насолилъ кому нибудь, только рѣшили еще начать противъ него преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ по тому-же дѣлу! Было произведено слѣдствіе, а затѣмъ дѣло передано въ К-ій Окружной Судъ. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло заочно приговорилъ В. къ трехъмѣсячному тюремному заключенію за распространеніе ложныхъ слуховъ и проч. Это было непростительной „ошибкой“ со стороны чиновныхъ враговъ В.! Получивъ уже въ Обдорскѣ этотъ приговоръ, столь неожиданно присуждавшій его ко второму наказанію за одно и тоже преступленіе и, по его выраженію, такъ сказать „сдиравшій съ одного вола двѣ шкуры“, В. немедленно подалъ апелляцію въ Тобольскій Губернскій судъ. Въ этой апелляціи В. блестяще и неотразимо опровергъ всѣ взводимыя на него обвиненія и указывалъ на различныя неправильности дѣлопроизводства. Тобольскій Губернскій Судъ отмѣнилъ приговоръ К. Суда. Тогда В. подалъ прошеніе на Высочайшее Имя въ которомъ, прилагая оправдательный приговоръ Тобольскаго Суда, отрицавшій наличность преступленія, просилъ освобожденія и отъ ссылки въ Обдорскъ. Просьба В. была уважена и онъ былъ освобожденъ отъ надзора съ правомъ вернуться обратно въ К-ій Округъ. Такимъ образомъ уѣздная администрація, благодаря своей излишней мстительности, сама-же разрушила свое дѣло. Фактъ довольно характерный.

Пора однако вернуться къ Обдорску. Обдорскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поселеній, которыя Сибирскими остряками называются иногда „сѣверными столицами“.

Дѣйствительно многія Сѣверо-Сибирскія мѣстечки какъ-то: Средне-Колымскъ, Туруханскъ,

Верхоянскъ, Обдорскъ являются административными и культурными центрами территорій, равныхъ по пространству иному Средне-Европейскому государству: (въ Обдорскомъ участкѣ одинъ полуостровъ Ялмалъ между Обской губой и Карскимъ моремъ имѣетъ около 1000 верстъ по направленію съ Юга на Сѣверъ).

Въ силу отдаленности этихъ пустынныхъ территорій вся жизнь концентрируется и тяготѣетъ къ главному мѣстечку въ данной мѣстности. Большинство жителей имѣетъ самое смутное понятіе объ остальномъ мірѣ и совершенно чуждо его интересовъ. Къ сожалѣнію нужно сказать, что и „остальной міръ“ съ своей стороны мало интересуется нашими отдаленными окраинами.

Если сравнить Обдорскъ съ прочими „сѣверными столицами“, вродѣ Туруханска и Средне-Колымска, то ему безусловно прійдется отдать предпочтеніе. Мнѣ приходилось читать описанія Туруханска и Средне-Колымска (послѣдняго въ работахъ Рябкова и Діонео): Обдорскъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше: населеніе многочисленнѣе, богаче и развитѣе. Въ Средне-Колымскѣ напр. люди живутъ въ маленькихъ домикахъ, безъ плиты въ одну комнату—въ Обдорскѣ же, въ такихъ лачугахъ обитаютъ только Остякъ и бѣднѣйшая часть русскаго населенія. Значительная часть избъ въ Обдорскѣ имѣютъ по нѣсколько комнатъ, съ крашеными полами, со стѣнами оклеенными обоями, съ зеркалами и картинками-олеографіями; на окнахъ цвѣты; есть мягкая мебель, только мало приходится видѣть комодовъ и шкафовъ, которые замѣняются сундуками и ящиками. Эти ящики крашенные, окованные и покрытые коврами, придаютъ комнатѣ Обдорянина какой-то старинный колоритъ.

Въ Средне-Колымскѣ нѣтъ бань и жители живутъ въ грязи, какъ Остяки въ Обдорскѣ. Значительная-же часть русскаго и нѣкоторая часть Зырянскаго населенія одѣвается и живетъ чисто; баня необходимая потребность каждаго русскаго и Зырянина. Въ Средне-Колымскѣ жители, представляющіе какую-то помѣсь русскихъ, якутовъ и юкагировъ, почти поголовно безграмотны и невежественны до того, что не знаютъ названій даже Сибирскихъ городовъ, что-же касается „россійскихъ“, то они считаютъ напр. Одессу, Кіевъ особыми государствами. Въ Обдорскѣ этого нѣтъ: значительная часть русскаго населенія, сохранившая чистоту крови (браки съ инородцами крайне рѣдки) грамотна.

Въ Обдорскѣ имѣются двѣ школы: сельское, училище и миссіонерское.

При сельскомъ училищѣ два года тому назадъ учреждена библіотека, существованіе которой вызвано кромѣ общепросвѣтительныхъ задачъ, еще необходимостью поддерживать русскій языкъ въ населеніи, живущемъ постоянно среди инородцевъ моногущемъ постепенно одичать, какъ это и случилось напр. во многихъ поселеніяхъ Якутской Области.

Однако жизнь среди массы инородческаго населенія успѣла до извѣстной степени повліять и на Русскихъ. Русскіе усвоили себѣ инородческій зимній костюмъ, зимой вмѣсто шубъ обыкновенно малицы—это рубашка изъ оленьяго мѣха шерстью внутрь съ капюшономъ и рукавичками. На малицу одѣвается еще сорочка изъ какой нибудь матеріи, для того, чтобы сохранить мездру отъ снѣга и дождя (оленьи шкуры мѣстной выдѣлки боятся сырости).

Малица—прекрасный костюмъ для Обдорскаго

718201

климата: сужу по собственному опыту, такъ какъ всѣ четыре года, которые я прожилъ въ этой мѣстности, я другаго зимняго костюма не носилъ. Малица довольна легка, нисколько не стѣсняетъ движеній и прекрасно защищаетъ тѣло отъ холода, особенно, если ее подпоясать. Малицы носятъ и мужчины и женщины и, такъ, какъ остается открытымъ одно лицо, то издали или сзади, только по походкѣ, можно отличить, какого пола человѣкъ идетъ. Въ дорогѣ или въ большіе морозы, сверху малицы надѣваютъ еще „гусь“ *). Гусь шьется такого-же покроя, какъ и малица, только мѣхомъ наружу и изъ болѣе грубыхъ шкуръ. Человѣкъ въ гусѣ напоминаетъ нѣсколько медвѣдя и вообще, имѣетъ какой-то дикій, для непривычнаго взгляда видъ.

На ноги зимой надѣваютъ мѣховыя пимы **) шерстью наружу; подъ пимы иногда еще „чижи“— мѣховые чулки шерстью внутрь. Пимы— прекрасно защищаютъ отъ холода и при этомъ необыкновенно легки, не жмутъ ноги—ходишь точно въ чулкахъ. Пимы часто шьютъ пестрыя, для чего подбираютъ куски шкуръ различнаго цвѣта и прошиваютъ ихъ цвѣтнымъ сукномъ. Теперь мода на слишкомъ пестрыя пимы прошла и шьютъ больше всего темнаго мѣха и лишь кругомъ ступени вставляютъ бѣлую полоску. Подошва пимовъ дѣлается или изъ шкурокъ съ оленьихъ лбовъ, или изъ „щетокъ“. (жесткій мѣхъ изъ подъ копытъ).

Иногда поверхъ малицы, вмѣсто гуся, надѣваютъ „парку“. Парка это тотъ-же гусь только щегольской; она шьется изъ тонкихъ оленьихъ шкуръ, большею частью снѣжно-бѣлаго цвѣта, при чемъ

*) Гусь въ Архангельской губ. называется „совикомъ“.
**) „Пимами“ въ Сибири называютъ валенки и вообще зимнюю теплую обувь.

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАТЕЛЬ
Инв. №

вшиваются куски другихъ цвѣтовъ, а также разноцвѣтное сукно. Узоры получаются очень оригинальные и красивые. Вообще я рѣдко видалъ другой зимній костюмъ, который былъ-бы красивѣе парки.

Особенно красивы зырянскія парки, дѣлаемыя съ большимъ вкусомъ *).

Конечно всѣ эти вещи пригодны только при Обдорскомъ климатѣ; впрочемъ мнѣ кажется, что малица могла-бы употребляться въ Россіи, какъ зимній костюмъ для дѣтей. Дѣти часто простуживаются и поэтому ихъ кутаютъ во всевозможные платки, шарфы и шубки.

Но все это стѣсняетъ ребенка, мѣшаетъ ему свободно играть и рѣзвиться и, въ концѣ концовъ, не всегда предохраняетъ отъ простуды, а иногда даже способствуетъ ей. Вотъ тутъ малица была-бы чистымъ спасеніемъ. Нисколько не стѣсняя движеній, малица въ тоже время представляетъ непроницаемую для холода и вѣтра оболочку, равномѣрно покрывающую тѣло.

Какая разница между Обдорскими дѣтьми, которыя зимой цѣлые дни проводятъ на воздухѣ, играя и рѣзвясь, какъ спигири и напр. Петербургскими, которыя, закутанныя въ невозможный „цивилизованный“ костюмъ, изображаютъ изъ себя какихъ-то неповоротливыхъ маленькихъ истукановъ. Дѣтскую малицу въ Обдорскѣ можно достать за

*) Стоютъ всѣ эти вещи сравнительно недорого: малица 10—25 руб. Обыкновенная хорошая малица стоитъ рублей 20. Гусь отъ 4 до 30 руб. смотря по тому, изъ какого матеріала шьется гусь. Если изъ шкуры взрослаго оленя (простой, мохнатый Самоѣдскій гусь) то цѣна 3—5 руб. Потоньше 6. 8—10 руб. Бѣлый Зырянскій гусь 15—30 руб. Парку хорошую дешевле 30 рублей не найти, бываютъ и въ 50 рублей. Пимы стоятъ отъ 1 рубля до 3 руб. 50 коп., иногда и дороже. Самоѣдскія пимы иногда продаются и въ Петербургѣ. Въ сапожныхъ магазинахъ въ Гостинномъ дворѣ пару пимовъ можно купить рублей за 12. Привозятъ ихъ Архангельскіе Зыряне.

6—8 рублей. Пересылка обойдется недорого, да можно покупать и въ Москвѣ у пріѣзжающихъ туда Ижемскихъ Зырянъ.

Мѣстныя условія отразились и на пищѣ жителей. Тамъ ѣдятъ очень часто сырую и мерзлую рыбу и мерзлое сырое оленье мясо. Рыбу ѣдятъ лѣтомъ сырую свѣжую, а зимой мерзлую. Сырая свѣжая, мнѣ не особенно нравилась, да и многимъ другимъ также: всетаки чувствуется, нѣсколько непріятный вкусъ, да и хруститъ на зубахъ довольно скверно; кромѣ того, есть опасность получить солитера, которымъ страдаютъ многіе жители изъ русскихъ и зырянъ. (Остяки солитера не знаютъ вовсе, не смотря на то, что лѣтомъ иногда почти ничего другого не ѣдятъ, кромѣ сырой рыбы). Мнѣ не приходилось пробовать нашей „россійской“ рыбы въ сыромъ видѣ, но говорятъ, что обдорская гораздо вкуснѣе, особенно нельма, мукунъ, сырокъ. Недурна и осетрина; только вотъ щука не годится— невкусная, да и глистовъ больно много; хотя ѣдятъ и ее.

За то мерзлая рыба хороша безусловно и ее ѣдятъ всѣ, даже новопріѣзжіе. Мерзлую рыбу стругаютъ ножомъ и получаются стружки восхитительнаго бѣловато-перламутроваго цвѣта. Такую стружку берутъ рукой за одинъ конецъ, а другой ловятъ ртомъ, а рыба такъ и таетъ во рту и похрустываетъ на зубахъ! Особенно хороша нельма. Осетрина нѣсколько жирна, но все-же не противна; зато икра осетровая мерзлая не соленая—прекрасна, лучше паюсной *). Оленину тоже ѣдятъ мерзлой: она очень мягка и нѣжна; поэтому прекрасно раскусывается и просто таетъ во рту. Это

*) Приготовленная-же икра въ Обдорскѣ нехороша: ее не умѣютъ, какъ слѣдуетъ очищать отъ пленокъ и т. п.

очень питательная и удобоваримая пища: ею многіе лѣчатся отъ каттара желудка. Особенно хорошъ костный мозгъ оленій, но еще лучше мерзлыя почки. Съ виду онѣ очень некрасивы, но надо разгрызть этотъ грязноватый комокъ кровянистаго жира, чтобы восчувствовать всю его прелесть. Употребленіе оленины въ сыромъ видѣ, отчасти объясняется дороговизной овощей и, вообще, приправъ къ жареному и вареному мясу. Кромѣ того, оленина вообще не годится вареная, да и жареная тоже не особенно вкусна, такъ что лучше всего ѣсть сырую.

Иногда ѣдятъ и свѣжую оленину, не мерзлую, но это рѣдко, такъ какъ въ самомъ Обдорскѣ оленей не бьютъ, а привозятъ туда мясо мерзлыми тушами.

Постоянное общеніе съ инородцами, повело къ тому, что почти всѣ Обдоряне хорошо говорятъ по остяцки и по самоѣдски. Остяки-же, вообще, очень плохо понимаютъ по русски, а самоѣды вѣчно кочующіе въ тундрѣ, и вовсе не знаютъ, русскаго языка. Русскіе иногда говорятъ по остяцки и между собой; встрѣчаются и такіе, которые, почти, забыли родной языкъ и совсѣмъ одичали, но это рѣдко, да и вообще господство инородческихъ языковъ въ Обдорскѣ слабѣе, чѣмъ напр. въ Якутской области. Между прочимъ, въ языкѣ Обдорянъ есть одна особенность, которая замѣчается во всѣхъ сѣверно-сибирскихъ поселеніяхъ. Многіе изъ природныхъ Обдорянъ произносятъ вмѣсто *ш* —*с*., а вмѣсто *ж* —*з*.; иногда наоборотъ: наприм. «узе наси присли» (уже наши пришли) «бѣднязки плохо зивутъ» «поймалъ ерса» (ерша). Точно также затрудняетъ ихъ *ч*: «посолъ къ цорту», а нѣкоторыхъ *р*, *л*: « то и дѣё» (то и дѣло), «тли любля» (три рубля). Вслѣдствіе этого языкъ кореннаго Обдорянина напоминаетъ какое-то дѣтское сюсюканье. Это сюсюканье

идетъ по всему сѣверу Сибири, постепенно усиливаясь по направленію къ востоку: въ Обдорскѣ оно еще слабо и осмѣивается большинствомъ, въ Туруханскомъ краѣ (по р. Енисею) оно сильнѣе, и наконецъ въ Колымскомъ краѣ (крайній сѣверо-востокъ Сибири) достигаетъ полнаго господства. Объясняется это явленіе, вѣроятнѣе всего, вліяніемъ инородческихъ языковъ. Остяки, по крайней мѣрѣ, сильно сюсюкаютъ и, вообще, ихъ говоръ имѣетъ какой-то слюнявый характеръ.

Образованное общество Обдорска, очень малочисленно: засѣдатель, писарь, нѣсколько священниковъ, изъ которыхъ одинъ приходскій и трое миссіонерскихъ, докторъ, фельдшеръ, акушерка и учитель сельской школы. Затѣмъ, кое-кто изъ мѣстныхъ купцовъ и рыбопромышленниковъ. Кромѣ того, есть еще элементъ случайный: административно-ссыльные изъ интеллигентной молодежи.

Всего перебывало съ конца 70 годовъ, таковыхъ человѣкъ 15. Выгодной стороной Обдорскаго края служитъ то, что туда почти не ссылаютъ уголовныхъ преступниковъ. Вслѣдствіе этого типъ *варнака* и *шпанки*, составляющій бичъ для всей Сибири, Обдорску почти неизвѣстенъ. Поэтому тяжкія преступленія, какъ-то: убійства, грабежи и т. п. въ Обдорскѣ вовсе не имѣютъ мѣста. Вы можете совершенно спокойно уходить за окраину села въ какое угодно время, не опасаясь быть ограбленнымъ или убитымъ, чего отнюдь нельзя сказать о другихъ, болѣе культурныхъ частяхъ Сибири.

Благодаря нѣкоторой зажиточности извѣстной части населенія, а также отсутствію развлеченій и обилію досуга, въ Обдорскѣ выписывается сравнительно довольно много періодическихъ изданій. *)

*) Приведу списокъ за два года 1893 и 1894.

Толстые журналы выписываются или читаются, по крайней мѣрѣ, преимущественно интеллигенціей, но на другія изданія, подписываются и промышленники и даже зыряне. Зырянъ, выписывающихъ періодическія изданія, человѣка четыре. Выписываютъ они больше «Сибирскій Листокъ» и разныя иллюстрированныя изданія. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, подписывался на «Вѣстникъ Рыбопромышленности», единственный по всему Березовскому краю подписчикъ на это изданіе. Онъ же выписалъ для Обдорской библіотеки «Вѣстникъ Воспитанія» и «Русскую Школу». Библіотека въ Обдорскѣ теперь довольно бѣдная, да большихъ требованій, тутъ и предъявлять нельзя. Большинство книгъ дѣтскія

Названія	Число экземпляровъ. 1893 г.	1894 г.
1. Русская Мысль.	2	1
2. Русское Богатство.	1	2
3. Вѣстникъ Европы.	1	1
4. Сѣверный Вѣстникъ.	1	1
5. Міръ Божій	—	1
6. Вѣстникъ Рыбопромышленности . . .	1	—
7. Душеполезное Чтеніе	1	—
8. Восточное Обозрѣніе.	1	—
9. Сибирскій Листокъ	6	7
10. Нива	3	9
11 Живописное Обозрѣніе.	2	4
12. Иллюстрированный Міръ.	1	—
13. Родина.	2	—
14. Ремесленная Газета.	1	1
15. Недѣля.	1	—
16. Сѣверъ.	2	1
17. Свѣтъ.	1	—
18. Вѣстникъ Краснаго Креста	1	—
19. Тобольск. Губерн. Вѣдомости, (часть неоффиціальная)	2	2
20. Епархіальн. Вѣдомости.	1	1
21. Сельскій Вѣстникъ	2	2
22. Правительственный Вѣстникъ	1	1
23. Церковныя Вѣдомости	1	1
24. Сынъ Отечества	.	1
25. Русская Школа	—	1
26. Вѣстникъ Воспитанія	—	1
А всего экземпляровъ. . . .	35	38

и затѣмъ беллетристика, при чемъ отсутствуетъ большинство нашихъ классиковъ: нѣтъ Л. Толстаго, Тургенева, Островскаго, Гончарова, Салтыкова, Гоголя и мн. др. Большая часть книгъ, для взрослыхъ, состоитъ изъ романовъ—приложеній къ иллюстрированнымъ изданіямъ. Всего больше выдачъ приходится на дѣтей—учениковъ, изъ нихъ громадный % составляютъ зыряне. Благодаря этому, библіотека имѣетъ значеніе преимущественно для руссификаціи края. Зырянскія дѣти школьнаго возраста, почти, всѣ читаютъ и пишутъ по русски въ противоположность своимъ родителямъ, почти сплошь безграмотнымъ и довольно плохо владѣющимъ русскимъ языкомъ. Изъ четырехъ Зырянъ выписывающихъ иллюстрированныя изданія, двое дѣлаютъ это для своихъ дѣтей.

II.

Русскіе.—Браки съ инородцами. Юридическое положеніе русскаго населенія на инородческой землѣ. Занятія: рыболовство, торговля.—Русское оленеводство. —Общественный кабакъ и его значеніе.—Расхищеніе шайтановъ.—Замѣчанія о нравственности Обдорянъ.

Населеніе Обдорскаго края состоитъ изъ четырехъ народностей: Русскихъ, Зырянъ, Остяковъ, и Самоѣдовъ. Русскіе и большая часть Зырянъ, живетъ въ Обдорскѣ и только лѣтомъ промышленники уѣзжаютъ на низовья Оби для рыбнаго промысла. Почти на половинѣ разстоянія, отъ Обдорска до Березова лежитъ село Мужи, населенное Зырянами. Остяки живутъ по берегамъ Оби и ея притоковъ. Ихъ юрты раскинуты въ видѣ небольшихъ поселеній на разстояніи отъ 20 до 70 верстъ одна отъ другой и встрѣчаются внизъ по Оби почти до самой Обской

Губы, гдѣ, впрочемъ, больше уже самоѣдскихъ поселеній. Самоѣды, за исключеніемъ сравнительно немногихъ, потерявшихъ оленей и перешедшихъ къ рыболовству, кочуютъ по тундрѣ со стадами своихъ оленей, а въ Январѣ пріѣзжаютъ въ Обдорскъ на ярмарку и для «*положенія*» ясака. Инородческія юрты и чумы стоятъ и въ Обдорскѣ, но эта бѣднѣйшая часть народа—раззоренный инородческій пролетаріатъ. Скажемъ о каждой изъ этихъ народностей. Собственно о русскомъ населеніи намъ уже приходится говорить въ разныхъ мѣстахъ, и потому ограничимся немногими дополненіями.

Русскіе составляютъ немного менѣе половины всего населенія. Подавляющее большинство ихъ (почти всѣ)—коренные Сибиряки, сохранившіе притомъ чистый великорусскій типъ. Смѣшенія съ инородцами въ томъ краю крайне рѣдки. Я знаю не болѣе 4-хъ случаевъ браковъ русскихъ съ инородцами, при чемъ есть одна небольшая особенность: нѣтъ ни одного случая брака русскаго мущины съ самоѣдкой или остяткой. Наоборотъ, въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ, какіе бывали, всегда русскія женщины выходили замужъ за инородцевъ. Какъ извѣстно, обыкновенно, бываетъ на оборотъ: при столкновеніи культурнаго племени съ дикимъ, если возникаютъ смѣшанные браки, то женятся, обыкновенно, цивилизованные мущины на дикихъ женщинахъ, между тѣмъ, какъ женщины культурнаго племени, какъ болѣе консервативный элементъ своего народа, рѣже выходятъ замужъ за дикарей. Въ Обдорскѣ — наоборотъ. Дикость мѣстныхъ инородцевъ и отталкивающая ихъ неопрятность (особенно Остяковъ), а также ихъ бѣдность служитъ препятствіемъ тому, чтобы русскіе мущины брали себѣ женъ изъ инородокъ. Что касается женщинъ, то болѣе бѣдныя иногда выходятъ за тѣхъ остяковъ,

которые успѣли выбиться изъ своей обычной обстановки, разбогатѣть, научиться какому нибудь ремеслу и вообще цивилизоваться. По этому такія семьи всегда живутъ въ русской бытовой обстановкѣ.

Дѣти всегда считаются русскими, хотя и инородцы по отцу. Мущина всегда имѣетъ больше возможности выйти въ люди, чѣмъ женщина, а для остяка выйти въ люди значитъ обрусѣть. Обрусѣвши и бросивши остяцкое житье, онъ, естественно, стремится взять жену изъ той среды, въ которую попалъ. Что касается внѣ брачныхъ сношеній, то здѣсь конечно дѣло происходитъ наоборотъ: русскіе мущины съ остятками; это, однако, бываетъ не такъ часто и не оказываетъ, конечно, вліянія на типъ русскаго населенія, потому что дѣти считаются остяками.

Значительная часть русскаго населенія—это бывшіе Березовскіе казаки. Въ 1881 году Березовское казачество было уничтожено и казаки должны были приписаться къ мѣстнымъ обществамъ или образовать новыя. Такимъ путемъ возникло Обдорское сельское общество, ядро котораго составляютъ бывшіе Березовскіе казаки. Обдорскіе крестьяне не получили надѣльной земли и пользуются только правомъ усадебной осѣдлости, на каковое они должны брать приговоръ въ Остяцко-Самоѣдской Инородческой Управѣ, у мѣстнаго инородческаго общества. Приговоръ этотъ стоитъ различно, смотря потому, какое мѣсто и подъ какую постройку, а иногда смотря по зажиточности лица. Въ среднемъ цѣна рублей 50. Если крестьянинъ продастъ кому нибудь свой домъ, то покупщикъ долженъ брать новый приговоръ. Многіе изъ Зырянъ, живущихъ въ Обдорскѣ, берутъ приговоры у инородцевъ, но не приписываются къ сельскому русскому обществу. Вслѣдствіе весьма обостренныхъ отношеній между

русскими и зырянами, Обдорское сельское общество, очень часто, возбуждаетъ ходатайства о выдвореніи Зырянъ, какъ поселившихся въ селѣ безъ согласія сельскаго общества. На это Зыряне возражаютъ, что никакого согласія и никакой приписки къ сельскому обществу не требуется въ Обдорскѣ, такъ какъ сами Русскіе живутъ не на своей землѣ, а на инородческой; слѣдовательно достаточно согласія инородцевъ, что и выражается приговоромъ Инородческой Управы. Во всякомъ случаѣ создается не совсѣмъ желательное положеніе вещей: число Зырянъ изъ году въ годъ увеличивается, а между тѣмъ въ Обдорскѣ они, какъ-то, съ боку—припеку: въ сельское общество ихъ избѣгаютъ принимать, а приписываться къ инородцамъ тоже нельзя. Отъ инородцевъ они могутъ получать только приговоры на усадебную осѣдлость: этого достаточно для торгово-промышленной дѣятельности, но не даетъ права и возможности принимать участія въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ. Зыряне не составляютъ общество, у нихъ нѣтъ своихъ старостъ, они, слѣдовательно, не несутъ никакихъ мѣстныхъ сборовъ и не участвуютъ на сельскомъ сходѣ. Вся земля находится во владѣніи инородцевъ и остальное населеніе, чтобъ воспользоваться, (напр.), рыболовными угодьями, должно арендовать ихъ.

Пользованіе сѣнокосами до сихъ поръ обыкновенно безплатное, хотя иногда и бываютъ случаи, что вотчинникъ —инородецъ требуетъ платы за право покоса. Сами инородцы сѣна не косятъ и скота (кромѣ оленей, не ѣдящихъ ничего, кромѣ моха) не держатъ.

Вслѣдствіе этого, Обдоряне не разъ возбуждали передъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ ходатайства о надѣленіи ихъ рыболовными

и сѣнокосными угодьями изъ земель инородцевъ, ссылаясь между прочимъ на то, что Русскіе, живущіе по верхней части Оби начиная съ Березова, имѣютъ свои земли. Дѣйствительно Сургутскіе и Березовскіе Остяки, совсѣмъ почти, лишены рыболовныхъ угодій и потому влачатъ самый жалкій образъ жизни (особенно въ Сургутѣ). Поэтому, домогательства Обдорянъ могутъ съ перваго взгляда возбуждать опасенія за участь, и безъ того обиженныхъ судьбой, Остяковъ. Это и служило, конечно, причиной отрицательныхъ отвѣтовъ на ходатайства Обдорянъ. На самомъ дѣлѣ, это вопросъ довольно спорный и его пожалуй возможно рѣшить такъ, что и волки будутъ сыты и овцы цѣлы. Дѣло въ томъ, что по Оби внизъ отъ Обдорска есть очень много рыболовныхъ мѣстъ, которыхъ Остяки, за ихъ сравнительной малочисленностью, сами эксплуатировать не могутъ и сдаютъ въ аренду, преимущественно, богатымъ Тобольскимъ купцамъ — рыбопромышленникамъ. При этомъ Остяки получаютъ самую ничтожную плату въ силу того, что они совершенно закабалены неоплатными долгами (какъ объ этомъ еще будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). Какъ образовались эти угодья, слишкомъ обширныя для того, чтобы вотчинники могли-бы ихъ сами эксплоатировать?

Дѣло въ томъ, что Остяки владѣютъ своими землями на родовомъ началѣ: вся земля подѣлена между отдѣльными родами, члены которыхъ пользуются родовой землей совмѣстно. Вслѣдствіе разныхъ причинъ (эпидемическихъ болѣзней и друг.,) инородцы вымираютъ (хотя, вообще говоря, вымираніе инородцевъ считается спорнымъ, но объ этомъ послѣ). Случается, что изъ многочисленнаго раньше рода, останется всего двѣ, три души, владѣющія громадными пространствами и притомъ, получающія самый

ничтожный доходъ, благодаря кабалѣ у Тоболяковъ. Вотъ изъ этихъ-то латифундій и можно было-бы произвести надѣленіе, какъ Обдорскихъ крестьянъ, такъ и болѣе бѣдныхъ инородцевъ. Пострадали-бы въ сущности только крупные рыбопромышленники, въ рукахъ которыхъ фактически находятся Остяцкія земли.

Занятія русскихъ Обдорянъ, состоятъ въ рыболовствѣ и торговлѣ съ Самоѣдами (скупка у Самоѣдовъ пушнины и перепродажа ея тобольскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Январѣ въ Обдорскъ на ярмарку). Объ этихъ главныхъ занятіяхъ Обдорянъ, я потомъ скажу особо. Кромѣ этого, почти, никакихъ другихъ заработковъ у русскихъ нѣтъ.

Кустарная промышленность совсѣмъ не развита. Даже не вяжутъ сѣтей и, почти, не дѣлаютъ никакихъ рыболовныхъ принадлежностей. Все это привозится изъ Тобольска, гдѣ изготовляется крестьянами кустарями Тобольскаго Округа. Лодки, необходимыя для рыболовной ловли, различныхъ видовъ: неводники (большая рыболовная лодка), бадьяповки, городовушки пришлавляются выше по Оби, отъ села Самаровскаго и другихъ мѣстъ на Югѣ, Березовскаго Округа. Изъ кустарныхъ промысловъ, существующихъ въ Обдорскѣ, можно отмѣтить шитье бродней и хлѣбопеченье. Бродни — это большіе рыболовные сапоги, шьютъ ихъ безъ подметокъ и каблуковъ изъ очень толстой кожи; въ сапогъ кладутъ толстую стельку изъ соломы. Бродни бываютъ обыкновенно во всю ногу. Ихъ обильно смазываютъ дегтемъ и рыбьимъ жиромъ, а иногда вымачиваютъ въ смолевой водѣ. Обувь эта употребляется при неводьбѣ; но многіе ходятъ въ нихъ вмѣсто сапогъ. Хороши при охотѣ по мокрымъ мѣстамъ. Подобная-же обувь на Сѣверѣ Архангельской губерніи, гдѣ тоже раз-

вито рыболовство называется бахилами.(*) Кромѣ того многіе занимаются печеніемъ хлѣба. Печеный хлѣбъ требуется для инородцевъ. Торговля съ ними почти исключительно мѣновая и печеный хлѣбъ является однимъ изъ средствъ обмѣна. За печеніе берутъ 10—12 к. съ пуда. изъ другихъ подобныхъ занятій можно упомянуть еще о вязаньи колыданныхъ сѣтей—это сѣти, употребляемыя при ловлѣ рыбы особымъ снарядомъ—колыданомъ—остяцкаго изобрѣтенія—нѣчто вродѣ сачка, только большихъ размѣровъ и съ нѣкоторыми усовершенствованіями. Затѣмъ нѣкоторые шьютъ шапки и треухи изъ оленьихъ шкуръ, а также выдѣлываютъ шкурки и шьютъ изъ нихъ шубы и дохи.

Впрочемъ большая часть этихъ работъ производится Остяками и Зырянами: они выдѣлываютъ шкуры и шьютъ болѣе грубыя виды зимней одежды: малицы, гуси и проч. Болѣе-же тонкая работа (шапки, шубы и дохи) исполняются исключительно русскими и притомъ женщинами. Но такихъ мастерицъ всего двѣ на весь Обдорскъ. Такъ, что Обдорскъ, главнымъ образомъ, поставляетъ пушнину въ сыромъ видѣ, а обдѣлывается и шьется она въ другихъ мѣстахъ. (**)

---

*) Цѣна пары бродней около 3 р. 50 к. Три рубля стоитъ матеріалъ (2 руб. кусокъ коневой кожи для передковъ и 1 руб. передки изъ толстой кожи) и 40—70 коп. за шитье. Шитьемъ бродень занимается въ Обдорскѣ человѣкъ 20—25 и то въ видѣ подсобнаго промысла. Всего вышивается въ годъ до 500 паръ.

**) Очень красивы шапки изъ пѣшекъ. Пѣшкой называется олепій теленокъ. Шапки эти шьются съ отложными козырьками и ушами. Недостатокъ ихъ тотъ, что пѣшечій мѣхъ довольно скоро выгораетъ отъ солнца и тогда становятся очень некрасиваго рыжевато-бураго цвѣта. Цѣна такой шапки 2 руб. 50 к.—3 руб. Шапки шьютъ и изъ оленьихъ лапъ; тѣ менѣе красивы, зато дешевле; стоютъ около 1 рубля Въ Обдорскѣ шьютъ и дохи. Доха—это шуба, крытая, вмѣсто сукна, оленьимъ мѣхомъ, такъ называемымъ неплюемъ (неплюй—мѣхъ молодаго оленя). Для дохъ подбирается неплюй съ короткой шерстью. этотъ мѣхъ очень красивъ: сѣровато-бураго цвѣта, глянцевитый, нѣ-

Значительная часть жителей держитъ скотъ: коровъ и лошадей. Скотъ этотъ привозный и ничѣмъ особенно не отличается отъ своихъ болѣе южныхъ сородичей, кромѣ развѣ большей мохнатости. Лѣтомъ скотина пасется безъ пастуха, по тундрѣ, и сама, обыкновенно, возвращается домой въ свое время. Пастуха и трудно было-бы держать, такъ какъ, при рѣдкости пастбищъ, скотъ разбредается по большому пространству. Охранять его нечего: волки близъ села не встрѣчаются, особенно лѣтомъ, они всѣ ходятъ въ тундрѣ за оленьими стадами, а людей, которые воровали-бы скотъ, въ Обдорскѣ нѣтъ, да и некуда угнать: село одно во всемъ краю. Лошади употребляются только зимой, когда на нихъ возятъ воду (преимущественно).

Кое-кто изъ русскихъ побогаче обзаводились оленями. Начало русскаго оленеводства обыкновенно совпадало съ какой нибудь эпидеміей среди Самоѣдовъ. Когда тифъ или оспа произведутъ свое опустошительное дѣйствіе по чумамъ кочевниковъ, то, нерѣдко, остаются безхозяйныя стада оленей, которыя расхищаются иногда Самоѣдами-же, а часто и Русскими и Зырянами. Роль эпидеміи иногда выполнялъ голодъ, дороговизна предметовъ, необходимыхъ для Самоѣдовъ; тогда можно скупать оленей за безцѣнокъ. Русскіе заводили оленей исключительно подобными способами. При этомъ никогда не одинъ русскій самъ оленей въ тундрѣ не пасъ, а нанималъ пастуха—самоѣда, а самъ жилъ въ Обдорскѣ и получалъ доходы. Пастьба оленей—спеціальность Самоѣда. Иногда говорятъ о томъ, что это племя вымираетъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что вымп-

сколько напоминающій плюшъ. Посредственная доха на крестовативокомъ мѣху (крестоватикъ—лѣтній песецъ) стоитъ около 100 рублей Доха очень красива, — относится къ предметамъ роскоши, тепла и сравнительно легка.

раніе Самоѣдовъ приведетъ къ прекращенію оленеводства, а слѣдовательно къ полному раззоренію всего края.

Къ числу немаловажныхъ источниковъ дохода слѣдуетъ упомянуть объ Обдорскомъ общественномъ кабакѣ. Кабакъ этотъ открытъ въ 1889 году и теперь даетъ Обдорянамъ довольно порядочный доходъ. Раньше кабака не было и водку приходилось привозить изъ Березова. Привозили не только для собственнаго употребленія, но и для продажи.

Противозаконная торговля виномъ была очень распространена: почти въ каждомъ домѣ былъ кабакъ. Многіе нажились на этомъ дѣлѣ, да и какъ не нажиться! Водку разбавляли водой, иногда на половину; сдабривали ее купоросомъ и табакомъ, и продавали по рублю бутылку. Продавали, конечно, главнымъ образомъ, инородцамъ. Тогда большинству Обдорянъ жилось довольно хорошо. Между прочимъ приходилось слышать отъ купцовъ:—«у насъ тогда товаръ въ лавкахъ не залеживался: у всякаго тогда водились деньжонки, ну, понятно, и торговля шла бойко. Теперь не то: открыли кабакъ, всѣ самоѣды оттуда водку берутъ, а частнымъ образомъ водкой никто не торгуетъ, стало быть и денегъ у покупателя меньше».

Многіе попадались, платили штрафы и отсиживали въ «каталашкѣ» за недозволенную винторговлю. Попадались, конечно, только бѣдные, богатые-же прекрасно устраивали свои дѣлишки, какъ это и водится повсемѣстно. Наконецъ съ 1889 года, Обдорское сельское общество открыло свой кабакъ. Много пришлось возиться имъ съ этимъ дѣломъ: трудно было найти людей, которые съумѣли-бы вести общественное дѣло, а также необходимый капиталъ. Собственно денежныхъ людей въ Обдорскѣ не мало, но многіе боялись риска. Нако-

нецъ дѣло наладилось и пошло въ ходъ и стало давать довольно порядочные барыши. Изъ доходовъ кабака Обдорское сельское общество уплачиваетъ теперь всѣ государственные налоги и сборы, содержитъ школу, больницу, которая построена года четыре тому назадъ на добровольныя пожертвованія. Кромѣ того, каждый годъ бываютъ еще остатки, которые дѣлятся между членами сельскаго общества. Остатки не слишкомъ великіе: рублей 20—30 на душу, но все таки—хлѣбъ. Обдоряне часто жаловались на своихъ довѣренныхъ, завѣдывавшихъ кабакомъ. Довѣренные, по всей вѣроятности, дѣйствительно, наживались. Если мы видимъ, что общественный пирогъ повсемѣстно на земномъ шарѣ возбуждаетъ аппетитъ въ тѣхъ лицахъ, которыя близко къ нему приставлены, то странно было-бы ожидать, что этого не будетъ въ Обдорскѣ! Виноваты, прежде всего, сами Обдоряне, которые не умѣютъ вести путемъ общественнаго дѣла, установить контроль и т. п. Отношенія ихъ къ своимъ довѣреннымъ, отзывались иногда нѣкоторою неблагодарностью: все таки люди старались, хлопотали и съумѣли поставить дѣло, какъ слѣдуетъ, отчего выиграли и сами Обдоряне, и чего прочіе жители сдѣлать-бы не съумѣли. Да и злоупотребленія были вовсе ужъ не такъ велики.

Отъ открытія кабака пострадали, прежде всего, лица, которыя занимались корчемствомъ. Больше всего Зыряне, какъ народъ, вообще, болѣе подвижной и оборотистый. Объ этомъ, конечно, никто не станетъ жалѣть; но по поводу кабака часто возникаетъ другой вопросъ—весьма существенный: какъ отразилась «реформа» на инородцахъ? Въ общемъ мнѣ кажется, что открытіе кабака принесло нѣсколько болѣе вреда, чѣмъ пользы. Правда, теперь инородцы получаютъ водку лучшаго качества, безъ купороса

и т. п.; водка теперь дешевле, но зато больше соблазна. Прежде трудно было достать: опасно, а теперь стоитъ только спуститься подъ гору, гдѣ такъ заманчиво видиѣется красная вывѣска, а вечеромъ, какъ звѣздочка, блеститъ огонекъ, гостепріимно приглашающій всѣхъ жаждущихъ. Кромѣ того, раньше нельзя было достать водки меньше, чѣмъ на полтинникъ: (изъ за *такой* мелочи никто не станетъ рисковать), а теперь въ кабакѣ дадутъ и на гривенникъ. Поэтому, чуть только получитъ Остякъ хоть гривенникъ, сейчасъ и въ кабакъ. Прежде, Остяку надо было копить до полтинника или чаще даже рубля, а тѣмъ временемъ представится необходимость купить чего нибудь полезнѣе водки. Пьянство въ общемъ усилилось, хотя и не въ очень большомъ размѣрѣ. Корчемство пало очень сильно, хотя и не прекратилось совсѣмъ, какъ не прекратилось оно и повсемѣстно въ Россіи, по деревнямъ. И теперь торгуютъ, только уже въ тундрѣ: повезетъ человѣкъ нѣсколько партъ съ водкой и разъѣзжаетъ по самоѣдскимъ чумамъ. Торгуютъ теперь сами самоѣды. Развозятъ водку и лѣтомъ по рыболовнымъ станкамъ, хотя не особенно много. Прекратить этого почти невозможно.

Какъ-то разъ я встрѣтилъ одного человѣка, бывшаго между прочимъ на рыболовныхъ мѣстахъ Мурманскаго берега и онъ мнѣ сказалъ, что теперь, благодаря бдительности администраціи, тамъ совершенно изчезла продажа рома норвежцами; я, конечно, только улыбнулся въ отвѣтъ на подобное заявленіе.

Бывалъ въ прежнее время еще одинъ источникъ обогащенія, довольно оригинальный. Это ограбленіе Остяцкаго или Самоѣдскаго «шайтана». Шайтаномъ называютъ въ Сибири инородческихъ идоловъ, а также тѣ амбарчики, которые ставятся подъ охраной идола и наполнены разнымъ добромъ. Кочующій

инородецъ не всегда имѣетъ возможность возить съ собой все свое имущество; вотъ онъ и оставляетъ свои драгоцѣнности шайтану. Для этого въ глухомъ мѣстечкѣ тундры ставится идолъ и при немъ строится амбарчикъ. Сторожей нѣтъ, но сами инородцы никогда не посягнутъ на кражу этихъ вещей, какъ и, наприм. Новозеландецъ никогда не нарушитъ «табу». Кажется вещи иногда и прямо жертвуются божеству.—Такое-же значеніе храмовъ мы знаемъ и въ античномъ мірѣ. Многіе Русскіе и особенно Зыряне, чаще шныряющіе по тундрѣ, завладѣвали имуществомъ шайтановъ и богатѣли. Часто находили тамъ очень дорогіе мѣха: соболей, чернобурыхъ лисицъ, голубыхъ песцовъ.

По перечисленнымъ мною способамъ наживы, читатель можетъ, пожалуй, составить себѣ довольно невыгодное мнѣніе объ Обдорянахъ.

Мнѣ было-бы очень жалко, если-бы такъ случилось. Сравнивая Обдоряпина и вообще Сибиряка съ крестьянами и мѣщанами Европейской Россіи, я всегда отдамъ предпочтеніе первымъ передъ послѣдними. Уровень умственнаго и нравственнаго сибирскаго населенія, насколько я могъ замѣтить, выше общерусскаго. Обдоряпинъ, какъ и вообще Сибирякъ, выглядитъ какъ-то осмысленнѣе и благороднѣе. Особый отпечатокъ кладетъ на Обдорянъ жизнь въ пустынѣ и при большой рѣкѣ, на которой страшно разражаются бури. Извѣстно, что опасность и рискъ, среди которыхъ приходится жить населенію, способствуетъ какому-то облагораживанію его типа. Есть также что-то освѣжающее и возвышающее въ необъятномъ просторѣ и раздольѣ пустыни. Въ Сибири, вообще меньше той обывательской пошлости, отъ которой тошнитъ въ провинціальной Россіи. Рѣже можно встрѣтить и факты дикаго и суевѣрнаго невѣжества. Въ Сибири никогда не принимали

за слугъ Антихристовыхъ статистиковъ и лицъ, помогающихъ голодающему населенію. Факты, вродѣ саратовскихъ и астраханскихъ безпорядковъ, тоже почти невозможны. Если въ Сибири чаще бываютъ поразительныя злодѣйства, то это случаи болѣе или менѣе единичные и неимѣющіе значенія для характеристики массы. Объясняются подобные случаи присутствіемъ уголовныхъ ссыльныхъ.

Да и чтоже такого особеннаго въ тѣхъ способахъ наживы, которые, за исключеніемъ развѣ корчемства, были удѣломъ довольно незначительнаго числа лицъ? Расхищеніе пайтановъ, расхищеніе вымороченыхъ оленьихъ стадъ, покупка за безцѣнокъ по случаю крайней необходимости продавца и т. п.—да это сталъ-бы дѣлать каждый средній обыватель, подъ какой-бы широтой онъ не родился. Человѣкъ всегда и вездѣ ищетъ возможности—пріобрѣсти какъ можно больше при наименьшей растратѣ труда.

Перейдемъ теперь ко второй народности—Зырянамъ.

КОСТРОМСКАЯ
Центр. Научная Библиотека

III.

Зыряне. Характеръ и физическій типъ.—Домашній бытъ.—Малограмотность при желаніи учиться. Хищничество.—Солидарность и ея стадный характеръ.—Рутинность пріемовъ торгово-промышленной дѣятельности.—Зырянскій вопросъ: полезное значеніе осѣдлыхъ зырянъ и вредное кочующихъ.—Гостепріимство, благодарность.—Браки съ русскими.

Ижемскіе Зыряне или просто Ижемцы, какъ они себя обыкновенно называютъ—всѣ выходцы изъ Печерскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Тамъ они, въ количествѣ приблизительно 20-ти тысячъ, живутъ главнымъ образомъ по р. Ижмѣ (отчего и мѣстность ихъ обыкновенно зовется Ижмой), а также по р.

Печерѣ. Образовалось тамъ поселеніе первопачально въ XVI столѣтіи, когда появились русскіе выходцы изъ Великаго Новгорода. Потомъ туда пришли вологодскіе Зыряне и смѣшались съ Русскими. Отъ этого смѣшенія и образовались Ижемскіе Зыряне. Преобладающій элементъ однако зырянскій, это видно изъ того, что ижемцы говорятъ по зырянски, хотя съ большою примѣсью русскихъ словъ. Типъ ихъ въ общемъ финскій, но есть и великорусскія черты. Ижемцы рослый, здоровый и красивый народъ. Большинство носитъ окладистыя, великорусскія бороды. Лица румяныя съ живымъ и наглымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ. Женщины довольно красивы: бѣлыя и румяныя; хотя непріятно поражаетъ ихъ животная красота. Въ этомъ отношеніи выгодно отличаются лица обдорскихъ русскихъ дѣвушекъ обыкновенно съ милымъ и благороднымъ выраженіемъ. У себя на родинѣ Зыряне занимаются земледѣліемъ, держатъ коровъ, а, приблизительно, съ половины текущаго столѣтія, стали пріобрѣтать оленей и выходить съ ними къ сѣверу, въ тундру. Многіе занимаются торговлей: возятъ оленьи шкуры для выдѣлки замши въ Москву и въ Нижній, оленье мясо, рыбу, куропачьи крылышки. Неблагопріятныя условія Ижемскаго края, а также необыкновенная плодовитость этого племени заставили ихъ двигаться дальше и вотъ они перешли Уральскій хребетъ и въ довольно значительномъ количествѣ разселились по всему Березовскому округу. Были единичныя попытки Зырянъ, переселяться изъ Березовскаго Округа въ Алтайскій Горный Округъ. Въ Обдорскъ, Зыряне пріѣзжали сначала для торговли, а потомъ стали селиться для постояннаго жительства и ведутъ образъ жизни подобный Русскимъ, т. е., лѣтомъ ѣздятъ на рыбную ловлю, а зимой скупаютъ пушнину, у Самоѣдовъ. Обдорскому краю из-

вѣстны еще Зыряне кочующіе, и пріѣзжіе для торговли. Постоянно живущихъ въ Обдорскѣ около 300 человѣкъ. Кочующіе Зыряне ходятъ круглый годъ съ оленями по тундрѣ, наравнѣ съ самоѣдами, только оленей у нихъ больше, да обыкновенно они держатъ работниковъ Самоѣдовъ. Кочующихъ Зырянъ въ Обдорскомъ участкѣ сравнительно немного—не болѣе 20—25 чумовъ. Что касается до пріѣзжающихъ изъ Ижмы, то ихъ тоже не особенно много.

Зыряне привозятъ съ собою разнаго рода товары: топоры ижемской работы, которые считаются очень хорошими для рубки дровъ, особенно зимой, ящики для нартъ, въ которыхъ кочевники возятъ свое имущество, арканы (называемые въ Обдорскѣ по Остяцки: тынзянъ). плетенные изъ коровыхъ ремней, разнаго рода деревянную посуду.

Но главная операція ихъ—это поставка оленьяго мяса для Обдорска.

Какъ только станетъ Обь въ серединѣ или концѣ Октября, такъ оленеводы пріѣзжаютъ съ Сѣверо-Запада къ Обдорску и привозятъ мерзлую оленину. Ихъ тутъ ждутъ съ нетерпѣніемъ. Стосковавшіяся за лѣто, по мясѣ, жители, жадно набрасываются на лакомое блюдо и раскупаютъ по тушамъ.

Зыряне очень энергичный, предпріимчивый и работящій народъ. Большинство изъ нихъ знаетъ какое нибудь ремесло; среди ихъ много плотниковъ, есть столяры, кузнецы, печники. Главный-же ихъ конекъ-это торговля. Зырянъ зовутъ часто «сѣверными жидами», и они, отчасти, оправдываютъ свое прозваніе. «Народъ экспертъ», какъ выражаются въ Обдорскѣ о Зырянахъ, характеризуя ихъ пронырливость. Но къ еврейской пронырливости у зырянъ присоединяется еще и любовь, и способность къ тяжелому физическому

труду. Физически, зыряне очень сильный и здоровый народъ. Съ дѣтскаго возраста они постоянно на воздухѣ. По улицамъ Обдорска, постоянно видишь зырянскихъ ребятишекъ, играющихъ въ разныя игры, рѣзвящихся и бѣгающихъ, оживленныхъ и шумныхъ. Зыряне большіе любители оленьяго спорта. Когда они пріѣзжаютъ въ Обдорскъ, то начинаются настоящіе бѣга по всѣмъ улицамъ. Цѣлыми вереницами несутся зыряне на легкихъ нартахъ, запряженныхъ обыкновенно четверкой оленей, оглашая морозный воздухъ пронзительнымъ уханьемъ и крикомъ. Съ длиннымъ шестомъ (хорей) въ лѣвой рукѣ, держа единственную возжу въ правой и, полустоя на полозѣ съ лѣвой стороны, зырянинъ составляетъ, какъ-бы одно цѣлое съ нартой и оленями, и несется какъ птица. Ѣзда на оленяхъ дѣйствительно очень пріятна, духъ захватываетъ, когда нарта летитъ, иногда прямо по цѣльному снѣгу безъ дороги; только одно неудобство—забрасываетъ всего снѣгомъ изъ подъ копытъ, да крѣпче держаться надо, если не привыкъ, а то слетишь на поворотѣ. Домашній бытъ зырянъ, подходитъ къ быту великорусскаго крестьянства. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ русской; только лѣтомъ иногда, вмѣсто сапогъ, носятъ чирки—родъ башмаковъ изъ оленьихъ кисовъ (кисы—шкура съ оленьихъ ногъ). Зимой, носятъ малицы, которыя отличаются бѣлой опушкой вокругъ лица. Женщины носятъ русскіе сарафаны, а головы обвертываютъ цвѣтнымъ (большей частью краснымъ) платкомъ, который у дѣвушекъ концами спускается на затылкѣ, какъ косы, а у бабъ плотно обвязанъ кругомъ. Красный сарафанъ, отличаетъ зырянку отъ русской: въ Березовскомъ округѣ всѣ женщины ходятъ въ платьяхъ городскаго покроя.

Избы зырянъ, домашнее убранство, посуда почти тѣже, что и у русскихъ.

Только разница въ томъ, что зыряне живутъ очень грязно и неряшливо, въ прямую противоположность съ Обдорянами—русскими, которые напротивъ отличаются своей опрятностью и чистотой: старательно, „очихаютъ“ свои дома, бѣлятъ потолки и печи, скоблятъ до бѣла полы и вообще много хлопочутъ по своей „домашности“. Слова „зырянское житье“, „по зырянски“ употребляются русскими хозяйками, какъ синонимъ неряшливости и неопрятности. Здоровью зырянъ много вредитъ непомѣрное пьянство, которому предаются иногда и женщины; въ этомъ отношеніи, мѣстное русское населеніе, которое тоже не прочь бываетъ выпить („мы около воды зивемъ, намъ безъ этого нельзя“) все таки выгодно отличается своей сравнительною трезвостью.

Женщины—зырянки зато никогда не курятъ. Какъ я уже упоминалъ, типъ зырянина очень близко подходитъ къ великорусскому.

Присутствіемъ русской крови это врядъ-ли можно объяснить: не такъ ея много въ жилахъ Ижемца, если судить потому, что господствующій языкъ племени зырянскій и говоръ совершенно особенный—нараспѣвъ (*), не имѣющій ничего общаго съ нашимъ. Вѣроятно это сходство произошло отъ того, что обѣ народности, впродолженіи цѣлыхъ столѣтій, жили въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ. Такъ, всякій, кому

(*) Впрочемъ въ пользу великорусскаго элемента много говорятъ фамиліи Зырянъ: Рочевъ (рочъ—по зырянски русскій), Чупровъ, Коневъ, Самодуровъ, Сметанинъ, Витязевъ. Большинство фамилій—именныя: Онуфріевъ, Терентьевъ, Филиповъ и т. д.—эти послѣднія могутъ быть у каждаго инородца. Но какимъ образомъ появились, перечисленныя въ началѣ, напр. Витязевъ—отъ русскаго слова вышедшаго изъ употребленія?

приходилось видѣть, наприм., Мордву съ ея рослымъ населеніемъ, съ окладистыми, сивыми бородами, навѣрное приходилъ къ мысли, что народъ этотъ этнографически финскій, что видно изъ его языка, но, по своей физической организаціи, представляетъ скорѣй, просто одну изъ отраслей великорусскаго племени.

Точно также и зыряне. Въ самомъ дѣлѣ, великоросъ-сѣверянинъ болѣе подходитъ на зырянина или мордвина, чѣмъ, наприм., на малоросса, не говоря уже о прочихъ славянахъ, особенно южныхъ. Съ другой стороны—зырянинъ, по своему внѣшнему облику и фигурѣ, ближе къ великороссу, чѣмъ къ чухонцу, остяку и эстонцу.

Духовное развитіе зырянъ оставалось до сихъ поръ, въ полномъ пренебреженіи. Грамотность среди ихъ ничтожна. Школъ на Ижмѣ очень мало, да и учатъ тамъ довольно курьезно: учителя сами не знаютъ по русски, а учатъ читать и дѣйствительно выучиваютъ читать по русски, причемъ ни они сами, ни ученики не понимаютъ того, что читаютъ; „какъ съумасшедшіе“, по выраженію одного зырянина, разсказывавшаго мнѣ, какъ учили его самого читать, не останавливаясь на знакахъ препинанія „на проходъ“. У ижемскихъ зырянъ почти нѣтъ своихъ пѣсенъ и сказокъ и никакихъ преданій, чѣмъ они отличаются отъ остяковъ и самоѣдовъ, обладающихъ нѣкоторымъ эпосомъ.

Пѣсень очень мало и только обрядовыя, протяжныя и заунывныя, какъ похоронныя причитанія, которыя у нихъ очень въ ходу. Въ Обдорскѣ они перенимаютъ довольно скоро русскія пѣсни, особенно мѣстныя. Въ Обдорскѣ-же они посылаютъ ребятишекъ въ школу.

Тамъ учителя были все окончившіе Омскую

учительскую семинарію и дѣло преподаванія было поставлено хорошо. Учитель, бывшій при мнѣ, человѣкъ очень преданный своему дѣлу и завѣдывавшій, между прочимъ, библіотекой, говорилъ, что большинство учениковъ, которымъ онъ выдаетъ книжки—зыряне. Учатся они тоже хорошо, и большіе любители церковнаго пѣнія. Зыряне, просвѣщенные Св. Стефаномъ Великопермскимъ, очень религіозны, строго соблюдаютъ посты и усердно посѣщаютъ церковь. Если они что нибудь читаютъ, особенно у себя на Ижмѣ, такъ это книги духовнаго содержанія. Во многихъ избушкахъ, даже несмотря на безграмотность и незнаніе русскаго языка, вы найдете какое нибудь житіе Святыхъ, свято хранимое, а иногда и читаемое вслухъ, какимъ нибудь рѣдкимъ грамотѣемъ. Когда зырянинъ заходитъ въ домъ, то прежде чѣмъ поздороваться, онъ долго усердно молится на образа.

Между русскими и зырянами въ Обдорскѣ существуетъ довольно сильный антигонизмъ, объясняемый столкновеніемъ экономическихъ интересовъ: зыряне являются конкуррентами русскихъ въ ихъ торговыхъ дѣлахъ съ инородцами. Въ лицѣ зырянъ, Обдоряне встрѣтили предпріимчивыхъ, ловкихъ и не брезгливыхъ въ нравственномъ отношеніи, соперниковъ. Въ дѣлѣ „облапошиванія“ инородца, зыряне, положительно, превосходятъ русскихъ и сами инородцы относятся къ зырянамъ хуже, чѣмъ къ русскимъ. Зыряне, наприм., часто воруютъ у инородцевъ оленей и что придется.

Къ этому нужно еще прибавить, что зыряне отличаются замѣчательнымъ духомъ солидарности. Они оказываютъ другъ другу дѣятельную помощь и поддержку. Русскіе-же Обдоряне, этимъ похва-

литься не могутъ.—„Народъ у насъ несогласный, никакого дѣла у насъ нельзя сообща устроить“, приходилось часто слышать. Да и дѣйствительно—даже въ такихъ пустякахъ, какъ, наприм., масляничныя или рождественскія увеселенія и то не могутъ люди не поссориться, и даже не разодраться. На масляницѣ, Обдоряне устраиваютъ горы для катанья (катушки).

Чтобы, кажется, составить стоило одну большую компанію, тогда можно будетъ построить катушку всѣмъ на удивленіе Такъ нѣтъ! непремѣнно надо перессориться и разбиться на отдѣльныя, маленькія группы. Кромѣ того, среди русскихъ рѣзче чувствуется антигонизмъ, между богатыми и бѣдными. Конечно, отсутствіе сплоченности у русскихъ не составляетъ, пожалуй, ничего особенно худаго. Если хотите, это указываетъ даже на болѣе высокую ступень развитія. сравнительно съ чисто стадною солидарностью зырянъ. Антигонизмъ, между богатымъ купечествомъ съ одной стороны и Обдорскими бѣдняками съ другой—указываетъ на болѣе сознательное отношеніе къ экономическимъ и общественнымъ явленіямъ. Точно также раздоры, которые часто возникаютъ по различнымъ дѣламъ частнаго характера, указываютъ на болѣе развитую индивидуальность, на большее развитіе личности, а иногда и нравственнаго чувства. Бывали случаи. когда компанія Обдорской молодежи, исключала кого нибудь изъ своей среды за безнравственный поступокъ. Часто среди Обдорянъ, возникалъ негодующій ропотъ, по поводу какого нибудь возмутительнаго происшествія: тогда начинались ссоры и раздоры. Конечно въ большинствѣ случаевъ несогласность русскихъ въ Обдорскѣ, возникала на почвѣ личныхъ интересовъ и на почвѣ,

такъ называемой, россійской безалаберности. Но все-же, во всемъ этомъ есть жизнь или, по крайней мѣрѣ, зародыши сознательной, разумной человѣческой жизни; а этого почти не замѣчается въ сплоченномъ однородномъ стадѣ зырянъ. У зырянъ, очень слабъ антигонизмъ между богатыми и бѣдными. Отношенія между тѣми и другими носятъ такъ называемый патріархальный характеръ. Бѣдняки, съ благоговѣніемъ относятся къ разжирѣвшему и, иногда ихъ эксплуатирующему богатѣю, который въ свою очередь платитъ имъ, яко-бы покровительственнымъ добродушіемъ.

Личныхъ несогласій и раздоровъ между зырянами меньше, но эта тишина и спокойствіе стада, исключительно поглощеннаго процессами жеванія и пищеваренія, и сплоченнаго только для взаимной помощи, исключительно матеріальнаго характера. Конечно—братство есть идеалъ человѣческихъ отношеній; но дѣло въ томъ, что разумному, настоящему братству, обыкновенно предшествуетъ періодъ индивидуализма, когда человѣческая личность старается освободиться изъ подъ гнета авторитета патріархальной стадности. Въ этотъ переходный критическій періодъ, мы замѣчаемъ часто разнаго рода неурядицы и якобы паденія общинности. Но это, чисто временное явленіе, періодъ броженія, задача котораго—сформировать и очистить личность для установленія настоящихъ человѣчески—братскихъ отношеній. Я не знаю, что будетъ изъ зырянскихъ дѣтей, когда онѣ станутъ взрослыми;—зырянскія дѣти школьнаго возраста, повидимому смышленнѣе русскихъ; но, если сравнить, напр. молодежь русскую съ молодежью зырянскою въ Обдорскѣ, то предпочтеніе нужно дать русской, у которой умственные запросы го-

раздо сильнѣе. Быть можетъ зырянамъ, отчасти, мѣшаетъ въ умственномъ развитіи обычай раннихъ браковъ, принятый среди этого племени—патріархальнаго и чувственнаго. Какъ только парень достигнетъ 18-ти лѣтъ, его немедленно женятъ, а затѣмъ плодовитый зырянинъ, обростаетъ дѣтьми и погружается въ семейныя дѣла и въ наживу, необходимую для дѣтишекъ. Его уже не потянетъ къ книжкѣ или въ пріятельскую компанію.

У русскихъ—же въ Обдорскѣ, браки заключаются сравнительно поздпѣе. Какъ бы, впрочемъ, мы не относились ко всѣмъ этимъ свойствамъ зырянъ,—несомнѣнно, что это племя является серьезнымъ соперникомъ для русскаго населенія.

Многіе предполагаютъ, что со временемъ, Зыряне станутъ господами по всей низовой Оби.

Въ настоящее время, зырянамъ до этого далеко еще; замѣчательно, что они, будучи вполнѣ приспособлены къ мѣстной «самоѣдской» торговлѣ, не рѣшаются до сихъ поръ пуститься въ болѣе крупныя торгово-промышленныя предпріятія, которыя находятся исключительно въ рукахъ русскихъ.

Русскіе купцы и торгующіе крестьяне Обдорска, ѣздятъ на Ирбитскую ярмарку, куда отвозятъ пушнину, и гдѣ въ свою очередь, закупаютъ разные товары, доставляемые потомъ, лѣтомъ на баржахъ внизъ по Оби, или осенью на пароходахъ, приходящихъ за рыбой изъ Тобольска.

Кромѣ того, многіе изъ русскихъ, вмѣсто того, чтобы продавать свою рыбу тобольскимъ купцамъ въ Обдорскѣ, сами отправляютъ ее въ Тобольскъ, нанимая для того пароходы. Одинъ обдорянинъ, въ прошломъ году, самъ купилъ себѣ пароходъ. Русскіе, расширяя свою торговлю, ставятъ ее на правильную ногу, заводятъ торговое счетоводство, интересуются требованіями отдаленныхъ рынковъ

и промышленныхъ районовъ, имѣющихъ для нихъ значеніе. Мнѣ приходилось слышать отъ русскихъ, разговоры о рыбопромышленности въ Астрахани и другихъ мѣстахъ. о Лейпцигѣ, какъ о заграничномъ рынкѣ для пушнаго товара, о сравнительной выгодности закупки мануфактурныхъ издѣлій въ Москвѣ, а не на Ирбитской ярмаркѣ. Значительный интересъ возбуждаютъ предпріятія А. М. Сибирякова, ищущаго и прокладывающаго новые торговые пути, на Сѣверѣ, а также и другія попытки въ томъ-же родѣ, наприм. изслѣдовать путь по Обской Губѣ, въ Ледовитый Океанъ, для торговыхъ сношеній съ Англіей и Норвегіей. Вообще, русскіе купцы, довольно чутко прислушиваются ко всему, что можетъ такъ или иначе, отразиться на ихъ дѣлахъ: къ колебаніямъ цѣнъ, новымъ обложеніямъ, проведенію Сибирской желѣзной дороги. Много разговоровъ возбуждало ходатайство Тобольской Городской Думы, о проведеніи желѣзной дороги отъ Тюмени до Тобольска. Что-же касается зырянъ, то они успѣшно конкурируя съ русскими въ мелкихъ операціяхъ, съ Самоѣдами рѣдко возвышаются до болѣе крупныхъ дѣлъ, гдѣ приходится выходить за предѣлы Березовскаго округа. Исключенія составляютъ только нѣкоторые богатые Зыряне, живущіе постоянно на Ижмѣ и только иногда пріѣзжающіе въ Обдорскъ. Эти ѣздятъ и въ Нижній и даже въ Москву, доставляя туда оленьи шкуры, крылья куропатокъ (идущія на дамскія шляпки), мясо и рыбу. Говорятъ, Зыряне пріѣзжаютъ даже въ Петербургъ съ рыбой и мясомъ. Какъ курьёзъ, сообщу кстати, что нѣкоторые изъ Зырянъ пріѣзжаютъ въ Петербургъ подъ видомъ Самоѣдовъ, становятъ чумъ на Невѣ и катаютъ желающихъ на оленяхъ. Я самъ, когда еще былъ мальчишкой, не разъ прокатывался по 5 коп. за кругъ, не

КОСТРОМСКАЯ Центр. научная библиотека

думая конечно, о томъ, что когда-нибудь придется такъ близко познакомиться съ этими прелестями. Насколько, впрочемъ, я могу довѣриться смутнымъ воспоминаніямъ отдаленнаго дѣтства, тогда это были кажется настоящіе Самоѣды. Главной операціей вышеупомянутыхъ заѣзжихъ Ижемскихъ купцовъ—это скупка оленьихъ шкуръ. Шкуры отправляются въ сыромъ видѣ (иногда срѣзываютъ шерсть) на Имжу, цѣлыми обозами. Тамъ ихъ подвергаютъ нѣкоторой выдѣлкѣ, послѣ чего ихъ, въ видѣ грубой замши, везутъ въ Нижній или въ Москву, а оттуда за-границу, гдѣ окончательно выдѣлывается прекрасная замша, которая, въ видѣ перчатокъ и т. п., возвращается и въ Россію. Изъ шерсти, полученной при очисткѣ—оленьей шкуры, набиваются иногда подушки, часто-же она просто выбрасывается.

Но всѣ эти торговыя операціи, заходящія за предѣлы постояннаго мѣстожительства, носятъ, до извѣстной степени, рутинный, традиціонный характеръ. Конечно, это отчасти объясняется низкимъ уровнемъ образованія Зырянъ, которые начинаютъ цивилизоваться, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Подождемъ и увидимъ, что сдѣлаетъ новое поколѣніе, которое теперь съ такимъ успѣхомъ учится въ школѣ. *).

Уже и теперь среди Зырянъ выдаются личности, отличающіеся стремленіемъ къ образованію.

Между прочимъ единственный подписчикъ на „Вѣстникъ рыбопромышленности“ въ этомъ рыболовномъ краю—Зырянинъ И. А. Рочевъ. Онъ-же

*) Около года тому назадъ въ газетахъ, было извѣстіе объ открытіи школы для Зырянъ на Печорѣ или на Усѣ—не помню хорошенько. Обдорскіе зыряне очень сочувственно отнеслись къ этому факту, особенно по тому, что, судя по значительной суммѣ, ассигнованной на школу, видно, что на нее обращено большое вниманіе.

и фотографъ-любитель, снимающій теперь типичныхъ инородцевъ, а иногда и интересныхъ русскихъ. Ему приходилось также ѣздить по торговымъ дѣламъ въ Нижній.

Постараемся теперь отвѣтить на вопросъ о желательности зыряновaго элемента, въ низовомъ краю. Для русскихъ они безусловно нежелательны. Но, само собой разумѣется, этого еще мало для того, чтобы начать ихъ выдворять или вообще стѣснять; развѣ только, если провозгласить принципъ: „Россія для русскихъ" и поставить зырянскій вопросъ, также, какъ (нѣкоторыми публицистами) поставленъ у насъ еврейскій вопросъ.

Но другое дѣло, какъ отражается дѣятельность Зырянъ на мѣстныхъ инородцахъ. Если Зыряне дѣйствительно являются раззорителями Самоѣдовъ и Остяковъ, то ихъ конечно нужно какъ нибудь окоротить.

На основаніи четырехлѣтнихъ наблюденій, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Мнѣ кажется, необходимо строго различать двѣ категоріи Зырянъ по ихъ торгово-промышленной дѣятельности: Зырянъ осѣдлыхъ (торговцевъ и рыболововъ) и Зырянъ кочующихъ (оленеводовъ). Что касается первыхъ, то они большаго вреда не приносятъ. Если они и «объегориваютъ» дикарей, то немногимъ только больше Русскихъ. Постоянно, живя въ Обдорскѣ; Зыряне даже отчасти полезны для инородцевъ, такъ какъ, скупая у нихъ пушнину, подымаютъ на нее цѣну.

Совсѣмъ другое дѣло—Зыряне, какъ оленеводы. Кочующій Зырянинъ раззоряетъ и Самоѣда и тундру. Значеніе Зырянъ-оленеводовъ для тундры Архангельской губерніи уже достаточно выяснено. Между прочимъ, профессоръ А. И. Якобій, въ своей книгѣ «о причинахъ вымиранія инородческихъ

племенъ» объясняетъ, какъ Зыряне раззорили Большеземельскую тундру. Дѣло въ томъ, что олень питается ягелемъ (особый родъ моха). Ягеля вовсе не такъ много въ тундрѣ и съ нимъ надо обращаться умѣючи. Срѣзанный до самого корня ягель, отростаетъ очень медленно; нужно не менѣе 20-ти лѣтъ, чтобы онъ вновь сталъ годенъ въ пищу скоту. Самоѣды—прирождённыя оленеводы, знаютъ это и никогда не даютъ оленю застаиваться подолгу на одномъ мѣстѣ. Зыряне-же, сравнительно недавно ставшіе заниматься оленеводствомъ и притомъ, какъ промысломъ для наживы, ведутъ дѣло самымъ хищническимъ образомъ. Громадныя стада ихъ подолгу застаиваются на одномъ мѣстѣ и, не только выѣдаютъ весь ягель до корня, но еще вытаптываютъ мѣсто, такъ —что оно походитъ на вспаханное поле. На тоже самое, жалуются и Самоѣды Обдорскаго участка. Обдорскіе Самоѣды съ ужасомъ и омерзеніемъ передаютъ то чувство, которое возбуждаетъ въ нихъ видъ обезображенной, опустошенной отъ ягеля тундры.

Но вѣдь земля находится во владѣніи инородцевъ? спроситъ читатель, такъ чего-же они пускаютъ Зырянъ, если они портятъ тундру? Да, земля самоѣдская. Но дѣло въ слѣдующемъ:

Земля, болѣе или менѣе подѣлена между отдѣльными родами, преимущественно по берегамъ Оби. Извѣстному роду принадлежитъ береговая полоса и полоса, неопредѣленной длины отъ берега, ограниченная линіями, перпендикулярными къ берегу. Ростовая земля такимъ образомъ представляетъ длинную теряющуюся въ неопредѣленной дали тундры, полосу, идущую въ перпендикулярномъ направленіи отъ береговой линіи. Право, исключительнаго пользованія землей на практикѣ, ограничивается только береговой полосой, гдѣ находятся

рыболовныя пески, на которыхъ только и ловятъ рыбу члены даннаго рода. Что-же касается до тундровой полосы, то тутъ, строго говоря, нѣтъ даже никакихъ ограниченій для охоты (постановки капкановъ и стрѣлъ).

Что-же касается до пасьтбы оленей, то по условіямъ оленеводства (о которыхъ будетъ сказано ниже) никакія ограниченія и немыслимы: оленей пасутъ по всей тундрѣ, не разбирая чья земля.

Тѣмъ не менѣе, номинально, земля числится за тѣмъ, или другимъ родомъ. Пустить чужаго человѣка пасти оленей на своей землѣ, каждый родъ можетъ и дѣйствительно пускаетъ, беря плату по 5 коп. съ оленя. Зырянинъ всегда можетъ найти инородца, который согласится на такое условіе, а разъ онъ получилъ такое право, то, по условіямъ техники оленеводства, валяетъ со своимъ стадомъ на проходъ по всей тундрѣ отъ береговъ Ледовитаго Океана до верховьевъ Полуя. Неумѣнье инородцевъ отстаивать свои права и ихъ запуганность довершаетъ дѣло.

Въ сущности они имѣли-бы право. встрѣтивъ въ тундрѣ кочующаго Зырянина, прогнать его или, по крайней мѣрѣ, подать на него жалобу, если онъ пасетъ на землѣ не того рода, у котораго онъ купилъ себѣ право. Въ Архангельской губерніи есть извѣстная граница въ тундрѣ, за которую, по закону, Зырянинъ со стадомъ забраться не можетъ.

Такъ вотъ, относительно оленеводовъ,еще можно-бы сдѣлать кое-какія ограниченія. Хотя, конечно, тогда Обдоряне лишились-бы жирнаго мяса откормленныхъ зырянскихъ оленей.

Самоѣдское мясо далеко не такъ жирно, да его не много привозятъ Самоѣды, такъ—какъ мало бьютъ (или точнѣе «дупатъ») скота—всего тушъ 30—50 самоѣдскаго мяса въ годъ. Зыряне-же

привозятъ до тысячи. Къ числу свойствъ зырянскаго племени, нужно прибавить еще ихъ гостепріимство и благодарность за оказанныя услуги или за хорошее къ нимъ отношеніе. Зырянинъ, которому вы сдѣлали что-нибудь доброе, просто не знаетъ, какъ и чѣмъ выразить свою благодарность и никогда не поскупится, хотя въ тоже время при случаѣ, васъ-же надуетъ. Затѣмъ, Зыряне очень любятъ слушать разсказы про далекіе края и чужихъ людей, но особенно любятъ они, когда описываютъ какія нибудь ловкія мошенническія продѣлки. Подвиги Картуша или Ваньки-Каина, заставляютъ хохотать ихъ до слезъ. И часто бываетъ, что едва смолкнетъ гомерическій смѣхъ, по поводу повѣтствованія о подвигѣ Ваньки-Каина, кто нибудь изъ присутствующихъ, иногда почтенный старецъ, начнетъ съ большимъ юморомъ разсказывать про какую нибудь свою продѣлку съ явнымъ оттѣнкомъ хвастовства, своей ловкостью и умомъ.

Не смотря на враждебныя отношенія между Русскими и Зырянами, браки между этими племенами довольно часты, особенно за послѣднее время. При этомъ, замѣчается обычное явленіе при смѣшеніи двухъ племенъ, изъ которыхъ одно господствующее и болѣе культурно, а другое сравнительно подчиненное и некультурное; именно Русскіе мущины женятся на Зырянкахъ, а не наоборотъ. Я не припомню случая, чтобы Русская дѣвушка вышла за Зырянина. Да и дѣйствительно— выйти за Зырянина, значитъ подчиниться «Зырянскому житью», т. е. зырянской неопрятности и необиходности. Да и въ семьѣ Зырянъ, всѣ говорятъ по зырянски, а языкъ этотъ сравнительно мало распространенъ. Женятся на Зырянкахъ, обыкновенно русскіе, изъ болѣе бѣдныхъ, гдѣ

меньше разницы въ бытовой обстановкѣ, и гдѣ больше цѣнится здоровая работница, какою несомнѣнно является Зырянка.

Русскіе и Зыряне являются господствующимъ элементомъ Обдорскаго края, въ противоположность инородцамъ: Остякамъ и Самоѣдамъ. По своему экономическому положенію и быту, Русскіе и Зыряне, до извѣстной степени, сливаются въ одну общую массу. Русификація Зырянъ и смѣшанные браки всё болѣе, и болѣе, содѣйствуютъ этому сліянію.

Теперь перейдемъ къ инородцамъ Обдорскаго края. Мы дадимъ самый общій очеркъ ихъ современнаго положенія, не вдаваясь въ подробности чисто этнографическаго характера.

IV.

Инородцы: Самоѣды, Остяки, Няхсамар-яхъ.—Языкъ. Вопросъ о вымираніи инородцевъ.—Отсутствіе точныхъ статистическихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса.—Причины вымиранія: психическія причины; экономическая эксплуатація; болѣзни.

Инородцы Обдорскаго края—Самоѣды и Остяки. Есть еще какой-то небольшой народецъ, котораго Остяки, а съ ними и мѣстные русскіе, зовутъ Няхсамар—яхъ (яхъ—по Остяцки—люди, народъ). Народецъ этотъ очень немногочисленный и совершенно неизслѣдованный, открытъ впервые недавно, а именно въ прошломъ 1894 году зимой проф. А. И. Якобій вмѣстѣ съ Обдорскимъ уроженцемъ И. П. Росляковымъ (совмѣстно съ которымъ я работалъ надъ составленіемъ Остяцкой грамматики) ѣздили

изслѣдовать рѣчку Надымъ, впадающую въ Обскую Губу, верстъ на 100 ниже устья Оби. Ѣздили они туда для осмотра мѣстности съ цѣлью устроить миссіонерскій пунктъ, по возможности изолированный отъ развращающихъ культурныя вліянія на Остяковъ. Спустившись по Оби и проѣхавъ по Обской Губѣ до устья рѣки Надыми, они поднялись вверхъ по этой рѣкѣ на довольно значительное разстояніе, по направленію къ Ю.-В. и тутъ встрѣтили этотъ Няхсамаръ—яхъ. По внѣшнему виду этотъ народъ ничѣмъ почти не отличается отъ Самоѣдовъ, только немного смуглѣе и съ болѣе рѣзко выраженнымъ монгольскимъ типомъ, но въ языкѣ—громадная разница. Языкъ Няхсамаръ—яхъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ Самоѣдскимъ, ни съ Остяцкимъ, даже звуки, общій характеръ языка совершенно особенные.

Въ тоже время это, навѣрное, и не Тунгусы. Тунгусы, хотя рѣдко, но все таки пріѣзжаютъ въ Обдорскъ изъ Туруханскаго края. Фактъ, столь недавняго открытія цѣлаго народца, довольно недурно иллюстрируетъ наше отношеніе къ жизни окраинъ.

Самоѣды—племя монгольское; Остяки—финское. Это отражается на языкѣ обѣихъ племенъ, неимѣющаго между собой ничего общаго.

Даже не знающія ни по Остяцки, ни по Самоѣдски, могутъ отличить эти языки уже по одному говору: Самоѣдскій говоръ звучный, рѣзкій, грубый, часто встрѣчается *р*, и разные гортанные звуки. Говоръ Самоѣда до того дикъ и такъ мало въ немъ человѣческаго, что просто удивляешься тѣмъ Русскимъ, которые выучиваются объясняться съ этими истинными сынами тундры. Остяцкій говоръ, наоборотъ, протяжный, мягкій, изобилующій шипящими и свистящими звуками,

что придаетъ языку какой-то слюнявый характеръ. Но, не смотря на то, что народы эти принадлежатъ къ различнымъ расамъ, вы, встрѣтивъ на улицѣ инородца, не отличите, кто онъ: Остякъ или Самоѣдинъ. И по одеждѣ, и, по чертамъ лица, оба племени въ Обдорскомъ краѣ очень схожи между собой. Вѣроятно это произошло отъ физіологическаго смѣшенія (смѣшанные браки довольно часты), а можетъ быть и отъ долговременнаго пребыванія въ однихъ и тѣхъ-же географическихъ условіяхъ. Остяки верховскіе, т. е., живущіе южнѣе Березова къ Тобольску и Сургуту, уже отличаются отъ Обдорскихъ. Тамъ совершенно ясно выраженъ финскій типъ. Проѣзжая по Остяцкимъ юртамъ около Самаровскаго (село Самаровское находится при впаденіи Иртыша въ Обь), я былъ просто пораженъ сходствомъ этихъ—южныхъ Остяковъ съ нашими чухнами. Точно также, будучи недавно въ Юрьевѣ, я нашелъ большое сходство Остяковъ съ Эстонцами *).

Монгольскій типъ: скошенные глаза, широкія скулы, смуглый цвѣтъ лица, довольно слабо выраженъ у Самоѣдовъ. У нихъ рѣдки, такія типично монгольскія лица, какъ напр. у Калмыковъ. Лица, Обдорскихъ инородцевъ, я нахожу, въ общемъ, довольно красивыми; блестящіе каріе глаза, довольно правильныя черты, и густой румянецъ по довольно бѣлому лицу—особенно у женщинъ. На Самоѣд-

*) Сходство есть и въ языкѣ. Напр.: разъ, два, три, четыре—по Остяцки: итъ, катнъ, холымъ, ниль; а по Эстонски: итъ, какъ, кольмъ, нель—почти тоже самое. Былъ со мной въ Юрьевѣ такой случай: спросилъ я у Эстонца: гдѣ глазная клиника?—Не понимаетъ ни по русски, ни по нѣмецки. Тогда я показываю на свои глаза. Онъ догадался и спросилъ: сильма клиникъ?—„Да, да, сильма“, сказалъ я, вспомнивъ, что по Остяцки глазъ—сэймъ и заговорилъ съ нимъ по остяцки, но больше мы другъ друга уже не могли понимать.

скихъ дѣтей, когда онѣ въ мохнатыхъ гусяхъ, просто можно залюбоваться: онѣ напоминаютъ маленькихъ бѣлыхъ медвѣжатъ. Толстый, мохнатый гусь, закрываетъ все тѣло маленькаго дикаря и изъ этого бѣлаго пушистаго покрова выглядываетъ только раскраснѣвшееся, свѣжее личико съ блестящими черными глазенками. Самоѣды, когда имъ живется хорошо, представляютъ изъ себя очень здоровый, сильный народъ. Конечно, когда инородецъ опустится и сопьется, то, въ своихъ грязныхъ, изорванныхъ лохмотьяхъ съ изуродованнымъ морозомъ и пьянствомъ (а иногда, хотъ довольно и рѣдко, и сифилисомъ) лицомъ, онъ производитъ ужасное впечатлѣніе, чего-то нечеловѣческаго. Особенно ужасны старики и старухи—нищіе. Не даромъ о нихъ говорится: остяцкая рожа.

Часто говорятъ о вымираніи инородцевъ и потому, невольно возникаетъ вопросъ, объ инородцахъ Обдорскихъ. Несомнѣнно, что раньше, Самоѣдовъ на Обдорскую ярмарку пріѣзжало больше, чѣмъ теперь. Но все это—указанія старожиловъ, довольно неопредѣленныя и голословныя. Точныхъ статистическихъ данныхъ не имѣется. Исчисленія ясачныхъ душъ и данныя ревизій не годятся, такъ, какъ были сдѣланы уже давно. Записи церковныхъ книгъ, тоже не могутъ дать никакого отвѣта на движеніе инородческаго населенія. Во первыхъ—не всѣ инородцы крестятъ своихъ дѣтей и сами далеко не всѣ крестятся. Во вторыхъ, почти никогда, ни одинъ инородецъ не погребается по православному обряду. Такимъ образомъ, церковныя книги могутъ дать довольно приблизительныя свѣдѣнія о рождаемости и равно никакихъ о смертности. Основываясь, исключительно, на довольно неопредѣленныхъ показаніяхъ мѣстныхъ жителей

и на кое-какихъ донесеніяхъ врачей и мѣстной администраціи (по поводу какой нибудь эпидеміи), можно всетаки предположить, что число инородцевъ скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается. Очень важный вопросъ о причинахъ этого уменьшенія, такъ—какъ, не зная причинъ, мы не можемъ и бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ.

Вообще, приводятъ слѣдующія объясненія: во первыхъ, приходится слышать указанія на какія-то неопредѣленныя психическія вліянія цивилизаціи на дикарей, въ силу которыхъ, послѣднія какъ-то сами собой, ступневываются и пропадаютъ. Во вторыхъ—и чаще всего, дѣлаются вполнѣ опредѣленныя указанія на такія дѣйствія цивилизаціи, какъ спаиваніе, истребленіе, закабаленіе и, вообще, эксплуатированіе довѣрчивыхъ и невѣжественныхъ дикарей, представителями болѣе культурнаго народа. Въ третьихъ, указываютъ на дѣйствіе эпидемическихъ болѣзней, особенно, страшныхъ при отсутствіи медицинской помощи и негигіеническихъ условій жизни.

Что касается перваго рода причинъ вымиранія, то, глядя на житье Самоѣдовъ, мнѣ не разъ приходило въ голову, что, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ возникнуть такое психическое состояніе, которое приведетъ къ вымиранію, если не прямо, то косвенно, заставляя инородца пьянствовать и такимъ образомъ, ставя его на путь алкоголизма. Это, пожалуй, можетъ быть при такой культурѣ, которая, разъ сложившись въ опредѣленную форму, недопускаетъ уже дальше никакого прогресса.

Между тѣмъ, народъ сталкивается съ высшей культурой, онъ видитъ картины лучшей жизни, онѣ дразнятъ его воображеніе и манятъ его впередъ; но идти туда онъ не можетъ, по условіямъ своей жизни.

На этой почвѣ можетъ развиться хандра, а затѣмъ пьянство. Это часто приходило мнѣ въ голову, глядя на Самоѣдовъ. Жизнь кочевника отлилась въ извѣстныя формы и никакой прогрессъ тутъ невозможенъ: вся бытовая обстановка Самоѣда идеально приспособлена къ тундрѣ.

Никакое другое жилище, кромѣ чума, какъ онъ есть, для тундры не годится. Всѣ мельчайшія подробности одежды, утвари, упряжки оленей, доведены до возможнаго совершенства. Самъ Эдиссонъ не могъ-бы выдумать ничего практичнѣе для тундры, чѣмъ оленья нарта, въ смыслѣ легкости и прочности. Въ то-же время, житье въ тундрѣ не даетъ возможности какимъ нибудь умственнымъ занятіямъ: читать и писать очень трудно въ дымной атмосферѣ чума, освѣщеннаго только костромъ по серединѣ его. Да и къ чему Самоѣду читать, вѣдь знаніе и наука, только тогда могутъ оказать благодѣтельное вліяніе на цѣлый народъ, когда онѣ даютъ ему что-нибудь полезное и практически примѣнимое. Если какой нибудь Самоѣдъ случайно попадаетъ въ условія цивилизованной жизни, напр. его отдадутъ въ духовное училище, или въ фельдшерскую школу, (какъ тому неоднократно бывали примѣры) то онъ, неизбѣжно, порываетъ со своими родичами, становится русскимъ священникомъ, или фельдшеромъ. Для своего народа онъ пропадаетъ совсѣмъ, даже роднаго языка онъ не знаетъ, уступая, въ этомъ отношеніи, любому русскому Обдорянину, прекрасно говорящему по Самоѣдски. Я даже считаю, что брать дѣтей изъ Самоѣдовъ и Остяковъ, для того, чтобъ давать этимъ отдѣльнымъ личностямъ профессіональное образованіе, совершенно излишне. Къ чему въ самомъ дѣлѣ искусственно создавать профессіональную интеллигенцію изъ членовъ нищей расы, когда подъ ру-

кой есть раса болѣе для того пригодная? Ну, что толку въ томъ, что такой-то фельдшеръ, такой-то псаломщикъ, будетъ изъ Самоѣдовъ? разъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на своихъ соотечественниковъ, да и самъ, по большой части, плохъ. Большинство Самоѣдовъ, перенесешихъ въ другія условія жизни, заболѣваютъ отъ чахотки. Извѣстно, что вообще кочевники, никогда не болѣющіе чахоткой у себя въ степи, склонны къ этой болѣзни, разъ попадутъ въ другія условія. Привыкшіе къ жизни на открытомъ воздухѣ, они хуже переносятъ ядъ легочнаго дыханія. Да и пьяницы они выходятъ въ большинствѣ случаевъ. «Остяцкая кровь сказывается» говорятъ въ подобныхъ случаяхъ Обдоряне.

Такимъ образомъ, прогрессъ для всего племени, въ цѣломъ, почти невозможенъ. А между тѣмъ, Самоѣду приходится сталкиваться съ лучшею жизнью, которая, однако, для него не доступна. При такихъ условіяхъ, можетъ развиться подавленное, психическое состояніе, которое, неизбѣжно осложнясь алкоголизмомъ, можетъ пожалуй привести и къ вымиранію.

Мнѣ кажется поэтому, что каждый дикій народъ, которому природа ставитъ предѣлы развитія, не минуемо долженъ погибать, разъ онъ сталкивается съ цивилизаціей.—Конечно, это все только предположенія, и потому обратимся къ условіямъ самоѣдской жизни, болѣе уловимымъ и осязаемымъ.

Большинство, (въ томъ числѣ проф. Якобій) указываетъ на обираніе инородцевъ русскими, какъ на главную причину ихъ вымиранія. Дѣйствительно, Самоѣдовъ и Остяковъ, порядкомъ таки, пощипывали, особенно въ прежнія времена (теперь-то они значительно поумнѣли). Такъ какъ всѣ операціи торговли съ инородцами составляютъ ком-

мерческую тайну, (и не въ одномъ Обдорскѣ) то учесть размѣры этой эксплуатаціи довольно трудно. Несомнѣнно, что та кабала, въ которой находится значительная часть Остяковъ, сильно отражается на ихъ экономическомъ благосостояніи и что тѣ ободранныя тѣни, которыя часто шатаются по селу, являются результатомъ русско-зыряпской эксплуатаціи. Ниже, когда намъ придется говорить объ экономической жизни Обдорска, мы коснемся еще и торговлѣ съ инородцами. Пока ограничимся слѣдующими замѣчаніями: 1) несомнѣнно, что острый періодъ обиранія инородцевъ прошелъ. Теперь лишь, въ видѣ рѣдкаго исключенія, возможны такіе факты, какъ обмѣнъ за папушу табаку въ 5 коп.—оленьей шкуры въ 2 руб., что, сплошь и рядомъ, случалось прежде. Въ настоящее время, мѣновыя сдѣлки (торговля въ Обдорскѣ—главнымъ образомъ мѣновая) совершаются уже на почвѣ большой или меньшей, эквивалентности обмѣниваемыхъ вещей Ограбленія шайтановъ, расхищеніе оленьихъ стадъ, присвоеніе себѣ цѣнныхъ вещей, ввѣренныхъ инородцами на храненіе (одинъ Обдорянинъ составилъ себѣ цѣлое состояніе именно этимъ путемъ), кража у богатаго самоѣда, иногда нѣсколькихъ сотенъ рублей и т. д. все это отошло уже въ область исторіи *).

Изъ подобнаго рода сдѣлокъ еще уцѣлѣли выгодныя покупки, на почвѣ предварительныхъ, обильныхъ возліяній, что бываетъ теперь довольно рѣдко, и источникомъ наживы и обогащенія, никоимъ образомъ, служить не можетъ. Въ общемъ, теперь Обдорскіе торговцы берутъ не большій % прибыли. чѣмъ повсемѣстно въ Россіи, если брать непо-

*) За мое время, былъ одинъ случай, увоза оленьихъ роговъ съ священнаго Остяцкаго мѣста для продажи.

средственно мѣновыя сдѣлки, не основанныя на предварительномъ закабаленіи. Инородца теперь уже не такъ легко надуть, какъ прежде.—„Обдорскъ раньше точно, что былъ золотымъ дномъ", часто приходится слышать,—„но теперь, это золотое дно провалилось и прежнихъ „дивидентовъ" мы теперь и не видимъ. 2) Само русское населеніе поставлено въ крайне неблагопріятныя условія. Большинство мелкихъ и среднихъ промышленниковъ находятся въ кредитной зависимости отъ крупныхъ Обдорскихъ торговцевъ и отъ Тобольскихъ купцовъ, такъ что, если они и обдираютъ помаленьку инородцевъ, то винить ихъ нельзя въ сущности, такъ, какъ не умирать-же имъ самимъ съ голоду. Экономическая дѣятельность современнаго Обдорянина уже не имѣетъ своей цѣлью наживу и обогащеніе, а лишь добываніе себѣ насущнаго хлѣба. „Не до жиру, быть-бы живу—по нынѣшнимъ временамъ". 3) Если, тѣмъ не менѣе, инородцы, главнымъ образомъ Остяки, и страдаютъ отъ эксплуатированія, то это зло есть преимущественно наслѣдіе прошлаго. Наслѣдіе это состоитъ въ неоплатной задолженности значительной части Остяковъ и нѣкоторой части Самоѣдовъ. Инородецъ, обыкновенно, ведетъ дѣло съ однимъ Обдорянином, у котораго онъ, обыкновенно, забираетъ товаръ (хлѣбъ, чай, табакъ, сукно, топоры, котлы, ножи и проч.), а самъ взамѣнъ приноситъ ему рыбу и шкуры. Беретъ инородецъ, когда ему нужно, а самъ приноситъ иногда черезъ полгода, когда наловитъ рыбы, или добудетъ звѣря. При безграмотности инородцевъ, долгъ записывается однимъ Обдяниномъ. Остякъ-же часто и самъ не знаетъ, сколько онъ долженъ. Расчетъ, такимъ образомъ, часто производится примѣнительно къ совѣсти Обдянина, или къ состоятельности Остяка.

Часто бываетъ такъ: возьметъ инородецъ товару на 100 рублей; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ приноситъ Обдорянину своего товару на 75 руб., Обдорянинъ говоритъ, что Остякъ ему долженъ не 100, а 125 руб. Такимъ образомъ, по уплатѣ, (вещами конечно) 75-ти рублей, Остякъ все еще остается долженъ 50 руб. Если подобныя отношенія тянутся нѣсколько лѣтъ подрядъ, если ссуда и уплата производятся по мелочамъ, при колеблющейся оцѣнкѣ товара, въ которомъ иной инородецъ и толку-то мало знаетъ, то легко себѣ представить, что инородецъ совсѣмъ запутается и позабудетъ, сколько онъ долженъ. Отъ значительной части инородцевъ, при подобнаго рода вопросахъ, получался отвѣтъ: «почемъ я знаю».

Когда въ головѣ инородца все окончательно перепутывается, то устанавливаются между нимъ и русскимъ тѣ отношенія, которыя часто называются патріархальными. Тутъ нѣтъ ни записей, ни росписокъ, ни, какой-бы то ни было бухгалтеріи и т. п. выдумокъ и плодовъ тлетворной цивилизаціи. Все дѣлается по просту, на совѣсть.

— Бери у меня, что тебѣ нужно, радушно обращается къ Остяку Обдорянинъ, а ты, съ своей стороны, неси ко мнѣ, сколько можешь!» Долгъ отца переходитъ къ сыну и т. д. И сколько-бы Остякъ не уплачивалъ, все остается и даже наростаетъ его безконечный долгъ. Многіе, особенно Самоѣды, перестаютъ платить, но тогда они лишаются кредита, не только у своихъ прежнихъ патроновъ, но и у другихъ. Самоѣду легче уйти, ибо онъ кочевникъ и звѣроловъ; свой товаръ—пушнину онъ всегда продаетъ за наличныя деньги; а вотъ Остяку плохо. Остякъ—рыболовъ. А рыбу не такъ-то удобно хранить и перевозить какъ пушнину. Рыбу, надо сбыть, по возможности, на мѣстѣ ея улова, поскорѣй, ну, а

кому-же её сбудешь на мѣстѣ, какъ не своему благодѣтелю, арендующему тутъ-же песокъ? Вотъ и продаютъ Остяки мѣрнаго (12 вершковъ) муксуна за 5 коп., а иногда и дешевле. Иногда рыбопромышленникъ арендуетъ песокъ не столько для того, чтобы самому ловить, сколько для того, чтобы имѣть возможножность, сидя тутъ-же на мѣстѣ, скупать Остяцкую рыбу по дешевой цѣнѣ. И нужно сказать, что безъ этихъ операцій, большинство мелкихъ и среднихъ рыбопромышленниковъ, совсѣмъ раззорились-бы, такъ какъ сами они, большей частью, берутъ все необходимое у купцовъ въ кредитъ, на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Хотя съ другой стороны, они, отчасти, и сами теряютъ на своей рыбѣ. Дѣло въ томъ, что дешевле 16—18 коп. нельзя продавать напр. соленаго, мѣрнаго, муксуна (мѣстная порода рыбъ — главный элементъ рыботорговли *) иначе, какъ себѣ въ убытокъ. Между тѣмъ, какъ слишкомъ выгодная покупка рыбы у закабаленныхъ Остяковъ, (по 5 к. штука) страшно понижаетъ цѣну ея, при сдачѣ Тоболякамъ. Бываетъ, что цѣна падаетъ до такой степени (до 12—13 коп. за муксуна), что промышленникъ продаетъ себѣ въ убытокъ, и только тотъ и спасается, у кого много должниковъ Остяковъ. Поэтому, правильное рыболовство, почти невозможно, и тотъ, кто хочетъ ловить рыбу своими силами, неминуемо долженъ раззориться, особенно, если онъ самъ въ лапахъ у кулака.

На почвѣ задолженности Остяковъ, возможны разнаго рода ухищренія для ихъ объегориванія. Напримѣръ, Обдорянинъ, споконъ вѣку, сидитъ на пескѣ одного и того-же вотчинника—Остяка и ловитъ рыбу, за самую ничтожную арендную плату. По за-

*) Въ Петербургѣ теперь цѣна муксуна—свѣжаго мерзлаго 30 к. за фунтъ т. е. около 2 руб. штука.

кону, больше, чѣмъ на 4 года, арендовать песковъ у Остяковъ нельзя. Поэтому, черезъ каждые 4 года, нужно заключать новый контрактъ. Въ видѣ арендной платы, дается, иногда, до смѣшнаго низкая цѣна—рублей 5, а то, такъ просто бутылка водки; а въ контрактѣ пишется сумма рублей въ 30. Контракты съ Остяками недѣйствительны безъ подписи 4 человѣкъ посторонних. Но такихъ всегда можно достать, сколько угодно. Такимъ образомъ, условіе съ формальной стороны безукоризненно. Бываютъ случаи, что Остякъ, недовольный такой сдѣлкой, возьметъ, да и отдастъ свой песокъ другому, за высшую плату, какой дѣйствительно стоитъ мѣсто. Само собой разумѣется, что вторая сдѣлка судомъ не признается правильной и первоначальный арендаторъ возстановляется въ своихъ правахъ, основанныхъ на законномъ (съ внѣшней стороны) основаніи. Конечно, бываютъ случаи, когда инородцы (особенно Самоѣды) не платятъ своихъ долговъ (тѣмъ болѣе, что взыскать судебнымъ порядкомъ, такіе долги невозможно) и страдаютъ Русскіе, но такіе случаи не часты, да притомъ, въ концѣ концовъ, Русскій наверстаетъ свой убытокъ.

Однимъ словомъ, въ настоящее время, инородцы терпятъ, благодаря прежде сложившимся условіямъ; непосредственные-же, такъ сказать, свѣжіе обманы, бываютъ, сравнительно, рѣже. Примѣняя къ данным явленіямъ понятія научной соціологіи, можно сказать, что Остяки и Самоѣды страдаютъ, главнымъ образомъ, отъ русской *культуры*, а не отъ русской *активности* *).

*) Подъ *активностью* разумѣются (у Южакова) человѣческія силы и способности, непосредственно дѣйствующія. Подъ *культурой*-же—результаты работы этихъ силъ, при взаимодѣйствіи силъ внѣшней природы. Культура представляетъ изъ себя какъ-бы отложенія человѣческой дѣятельности во внѣшнемъ мірѣ, а также и въ формахъ отношеній между людьми. Культура можетъ быть и мате-

Замѣчу еще разъ, что все вышеизложенное не можетъ заставить отнестись насъ съ особеннымъ осужденіемъ къ Обдорянамъ, сравнительно съ прочими людьми.

Читатель, сколько нибудь знающій жизнь, согласится, что Обдорянинъ, эксплуатирующій инородца, ничѣмъ не хуже, напримѣръ, скупщика Европейской Россіи, обирающаго кустарей, ничѣмъ не хуже любаго лавочника и т. д. У насъ, часто, кричатъ о вопіющихъ безобразіяхъ, совершающихся на отдаленныхъ окраинахъ. При повѣркѣ однако выходитъ, что тоже самое дѣлается и вездѣ. Поэтому, странно осуждать Обдорянъ за то, что и они слѣдуютъ общей тенденціи всей жизни.

Обратимся теперь къ третьей изъ вышесказанныхъ причинъ вымиранія инородцевъ, а именно къ вліянію эпидемическихъ и другихъ болѣзней. Инородцы страдаютъ преимущественно слѣдующими болѣзнями: возвратный тифъ, дифтеритъ, оспа, глазныя болѣзни, сифилисъ, чесотка, иногда цынга. Всего губительнѣе дѣйствуютъ: тифъ и оспа. Тифъ, неоднократно, производитъ страшныя опустошенія; послѣ одной эпидеміи, лѣтъ семь тому назадъ, инородческое населеніе, замѣтно, порѣдѣло и врачъ, часто заходя въ чумъ, находилъ тамъ одни трупы. Точно также много народу губила и оспа. Инородцы, только съ недавняго времени, начинаютъ обращаться къ врачу за прививкой и вообще за помощью. Но, обыкновенно, они лечатся у своихъ шамановъ. Быв-

---

ріальная (экономическое благосостояніе страны, капиталъ) и духовная (религія, обычаи, законодательство и т. п., продукты, работы предшествующихъ поколѣній). Иллюстрируя эти отвлеченныя понятія, данными Обдорскихъ соціальныхъ отношеній, можно сказать, что, въ прежнія времена, Остякъ терпѣлъ отъ русской активности, проявлявшейся въ фактахъ непосредственнаго обмана и ограбленія; теперь же, Остякъ терпитъ больше отъ русской Обдорской *культуры*, т. е., отъ исторически сложившихся экономическихъ формъ (кабала).

КОСТРОМСКАЯ
Центр. Научная Библиотека

шій объѣздной Обдорскій врачъ Зальмунинъ, разсказывалъ мнѣ, что во время своихъ поѣздокъ по чумамъ и юртамъ, инородцы, узнавъ, что онъ врачъ, предлагали ему денегъ за то, чтобы онъ ихъ не лечилъ и оставилъ въ покоѣ. Относительно причинъ, объясняющихъ такое недовѣрчивое отношеніе къ врачамъ, мнѣ пришлось слышать такого рода разсказъ. Не такъ давно, въ Южной части Березовскаго Округа, былъ фельдшеръ, отправлявшійся иногда по Остяцкимъ юртамъ прививать оспу. Бралъ онъ съ собой нѣсколько большихъ ножей, самаго устрашительнаго вида и точилку. Пріѣхавъ и остановившись въ юртѣ, онъ велитъ собраться всему населенію вмѣстѣ съ дѣтьми, а самъ достаетъ ножи и начинаетъ точить ихъ съ видомъ, необѣщающимъ ничего хорошаго. Присутствующіе Остяки съ ужасомъ смотрятъ на эти грозныя приготовленія, и можно себѣ представить, какая кутерьма подымается, когда эскулапъ объявляетъ, что онъ сейчасъ будетъ «прививать оспу» и привьетъ ее такъ, что послѣ того человѣкъ уже болѣть не станетъ. Остяки, конечно несутъ ему шкурокъ и денегъ, чтобы избавиться отъ его «врачебной» помощи.

Въ самомъ Обдорскѣ, во время эпидеміи дифтерита, многіе жители отказывались подчиняться требованіямъ врача, по части дезинфекціи.

Вслѣдствіе чего, врачъ задумалъ прочесть нѣсколько популярныхъ лекцій о заразныхъ болѣзняхъ и о необходимости предупредительныхъ мѣръ, противъ ихъ распространенія. Но, на поданное имъ Г. Попечителю Западно-Сибирскаго Округа прошеніе, онъ получилъ отказъ. Попечитель нашелъ чтеніе такихъ лекцій «неудобнымъ». И только годъ спустя, когда въ Тобольской губерніи свирѣпствовала холера, была прочтена тѣмъ-же врачемъ (Я. И. Зальмунинымъ) превосходная популярная лекція,

выслушенная Обдорянами съ большимъ интересомъ и вызвавшая съ ихъ стороны, принятіе разнаго рода мѣръ. Лекція эта была прочтена, исключительно съ разрѣшенія мѣстной администраціи.

Часто встрѣчаются глазныя болѣзни, вслѣдствіе нечистоты и дымной атмосферы въ жилищахъ, а также яркаго свѣта весной при почвѣ сплошь покрытой снѣгомъ. Отъ нечистоты тоже весьма часто развивается чесотка и другія накожныя болѣзни. Цынга встрѣчается сравнительно рѣдко. Что касается сифилиса, то распространено мнѣніе о страшномъ развитіи этого бича на нашихъ сѣверныхъ окраинахъ. Мнѣніе это до извѣстной степени преувеличено. Количество лицъ, обезображенныхъ этою болѣзнью, не много больше, чѣмъ у насъ по деревнямъ. Недавно, прибывшій въ Обдорскъ докторъ Нейбертъ, отрицалъ сифилитическое происхожденіе язвъ во многихъ случаяхъ, гдѣ таковое признавалось раньше и объяснялъ эти язвы волчанкой или же разными накожными болѣзнями вслѣдствіе нечистоплотности.

Инородцы, почти вовсе не страдаютъ: чахоткой, зубной болью, глистами. Простудныя и гастрическія заболѣванія довольно рѣдки.

Случаи психическихъ разстройствъ тоже довольно рѣдки. Точно также вовсе не встрѣчается *умиранье*, о которомъ такъ часто приходится слышать въ Восточной Сибири среди Якутовъ. Иногда у Остяковъ бываютъ галлюцинаціи: они видятъ чертей. Чертъ, обыкновенно является въ пустынномъ мѣстѣ въ видѣ человѣка, одѣтаго какъ и всѣ, съ красными глазами, внезапно появится, захохочетъ и исчезнетъ.

Подведемъ теперь итоги по вопросу о вымираніи инородцевъ. Прежде всего, необходимо замѣтить, что, за отсутствіемъ текущей регистраціи движенія

населенія, вопросъ этотъ не допускаетъ полнаго и удовлетворительнаго рѣшенія.

Извѣстно, только, что инородцевъ, прежде было больше, чѣмъ теперь. Но продолжается-ли и въ настоящее время, уменьшеніе инородческихъ племенъ Обдорскаго края —навѣрное сказать нельзя. Причинами, вредно вліяющими на Самоѣдовъ и Остяковъ, несомнѣнно являются ихъ бѣдственное экономическое положеніе, вслѣдствіе эксплуатаціи, и эпидемическія болѣзни (главнымъ образомъ тифъ и оспа). Относительно эксплуатаціи слѣдуетъ повторить, что первоначальный острый періодъ уже прошелъ и въ настоящее время инородцы терпятъ меньше.

V.

Самоѣды.—Оленеводство и охота.—Эксплуатированіе богатыми Самоѣдами своей-же братіи.—Приспособленность быта Самоѣдовъ къ жизни въ тундрѣ.—Пьянство.

Обдорскіе инородцы, раздѣляются на кочевниковъ и рыболововъ. Большинство кочевниковъ—Самоѣды, большинство рыболововъ—Остяки. Кочевники живутъ гораздо лучше рыболововъ: кромѣ оленеводства, которое само по себѣ дастъ значительныя выгоды, они занимаются еще охотой на пушнаго звѣря. Только въ томъ случаѣ, если Самоѣдъ раззорится и потеряетъ своихъ оленей, онъ переходитъ къ рыболовству, которое такимъ образомъ, является вторичной формой экономической культуры, своего рода прибѣжищемъ инородческаго пролетаріата. Самоѣды, кочуютъ съ оленями по одному и тому-же опредѣленному направленію: весной, они идутъ на Сѣверъ къ берегамъ Ледовитаго Океана, гдѣ лѣтомъ прохладнѣе и олени менѣе страдаютъ отъ комаровъ,

мошекъ и паутовъ (оводовъ). Осенью, стада оленей сами поворачиваютъ на Югъ къ Обдорску и дальше на Юго-Востокъ къ верховьямъ р. Полуя въ смѣшанную полосу тундры и лѣсовъ. Здѣсь кочевникъ и его олени не такъ страдаютъ отъ морозовъ и бурановъ, да и больше топлива. Самоѣды раздѣляются на: Каменную Самоядь (Камень-Уральскія горы), кочующую лѣтомъ къ Карскому Морю, и Низовую Самоядь, кочующую къ Тазовской Губѣ. По пути Самоѣды ставятъ капканы для звѣрей (лисицъ, песцовъ, россомахъ, волковъ). Мнѣ говорили, что капканы каждый можетъ ставить, гдѣ угодно, и брать изъ капкана можетъ всякій, даже изъ чужаго.

Лѣтомъ охотятся также и на дикаго оленя въ тундрѣ, а по берегамъ Океана промышляютъ и бѣлаго медвѣдя, шкуры котораго приходилось видѣть въ Обдорскѣ (цѣна не выдѣланной шкуры отъ 40 до 70 руб.).

Промыселъ этотъ вовсе не такой опасный, какъ можетъ показаться. Завидя человѣка, звѣрь встаетъ на заднія лапы и ждетъ. Самоѣдъ подходитъ и стрѣляетъ ему подъ лѣвую лопатку. Если охотникъ и промахнется (Самоѣды вообще прекрасные стрѣлки) и медвѣдь кинется на него, то нужно бросить ему мохнатый гусь. Медвѣдь съ остервенѣніемъ начинаетъ рвать гусь, а тѣмъ временемъ охотникъ успѣетъ зарядить ружье другой разъ.

Ружья, большею частію старыя кремневыя, хотя попадаются иногда даже скорострѣльныя. Остались въ употребленіи еще и луки, большіе (въ ростъ человѣка). Нужна большая сила и умѣнье, чтобы спустить стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ (раньше были костяные) и оперенную съ другого конца.

Стрѣла около $1^1/_2$ аршина длиной.

*

Изъ лука можно убить даже медвѣдя. Въ настоящее время луки употребляются больше взамѣнъ капкановъ. Большой лукъ настораживаютъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ проходятъ звѣри. Звѣрь задѣваетъ за веревку привязанную къ тетивѣ, и стрѣла спускается. Стрѣлы употребляются раздвоенныя въ видѣ вилки и зазубренныя. Лукъ, ставится большихъ размѣровъ и сила удара очень велика. Если человѣкъ случайно напорется на такое приспособленіе, то результатомъ является смерть или увѣчье на всю жизнь. Но такіе случаи бываютъ очень рѣдко, такъ какъ луки ставятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ люди рѣдко ходятъ. Въ Обдорскѣ, есть впрочемъ, одна женщина, которой стрѣла раздробила голень и она охромѣла.

На морѣ промышляютъ моржей и морскихъ зайцевъ (родъ тюленя). Ихъ бьютъ для жира (ворвань) и для ремней. Моржевые ремни очень толсты, но не такъ прочны, (скоро перегораютъ) какъ заячьи. отличающіеся необыкновенною прочностью.

Во время своихъ кочевокъ, Самоѣды очень часто находятъ мамонтовые клыки, которые они потомъ привозятъ на ярмарку въ Обдорскъ.

Итакъ, всю жизнь проводятъ Самоѣды, кочуя по тундрѣ. Въ началѣ Ноября, какъ только станутъ рѣки, Самоѣды подходятъ къ Обдорску и идутъ въ лѣсистую мѣстность верховьевъ р. Полуя на зимовку. Въ Январѣ они являются въ Обдорскъ на ярмарку и для положенія ясака. Ясакъ, должны представлять ватажные старшины, каждый со своей ватаги, (Самоѣды раздѣляются на нѣсколько родовъ, каждый родъ имѣетъ свое названіе; Русскіе, зовутъ Самоѣдскій родъ—ватагой). При сборѣ ясака, старшины (выбираемые Самоѣдами изъ своей среды на три года) часто эксплуатируютъ своихъ сородичей: напр. внесетъ старшина ясакъ за бѣднаго Самоѣдина 7 р.

съ души, а потомъ требуетъ съ него вдвое. Вообще, нужно отдать должное Самоѣдамъ, что они тоже не прочь эксплуатировать свою братію. Самоѣды и водкой торгуютъ, и отдаютъ въ ростъ. За одного оленя, отданнаго въ долгъ, Самоѣдъ требуетъ двухъ. Бытъ Самоѣдовъ, ихъ жилища, пища, домашняя обстановка были уже много разъ описаны и потому не буду объ этомъ говорить. Замѣчу только, что ихъ обстановка вовсе не такъ негигіенична, какъ это можетъ показаться. Объ одеждѣ я уже говорилъ. Одежда прекрасно приспособлена къ климату и условіямъ жизни въ тундрѣ. Малицу и Пимы съ чижами Самоѣды надѣваютъ обыкновенно на голое тѣло. Животъ и верхняя часть ногъ защищается еще кожанными штанами. Я самъ иногда носилъ малицу на голое тѣло и нахожу это довольно удобнымъ: испарина не остается на тѣлѣ и на бѣльѣ (потому, что и бѣлья-то нѣтъ) и вообще какъ-то легко себя чувствуешь. Самоѣды довольно опрятны: пріѣхавъ на мѣсто стоянки и разбивъ чумъ, они на ночь одѣваютъ другую одежду, а старую —выколачиваютъ на морозѣ, чтобъ избавиться отъ насѣкомыхъ. Оттого у Самоѣдовъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ у Остяковъ, которые спятъ въ томъ-же платьѣ, что и днемъ носятъ. и буквально обсыпаны вшами; на иного Остяка противно смотрѣть, особенно, когда онъ занятъ охотой на этихъ насѣкомыхъ, разгрызая ихъ зубами и даже съѣдая. Пища Самоѣда тоже хороша: сырое мясо и рыба очень полезны для здоровья и вкусны. Оленья кровь, которую пьютъ Самоѣды, рекомендуется, какъ средство отъ чахотки. Жилища Самоѣдовъ—чумы, какъ извѣстно представляютъ конусообразную палатку съ отверстіемъ на верху для дыма. Чумъ покрывается -лѣтомъ тиской (берястяннымъ ковромъ, а зимой—пюгой (ковромъ изъ оленьей шкуры). Чумъ прекрасно вентилируется и въ немъ

никогда не бываетъ затхлаго и спертаго воздуха. Неудобство чума —дымъ, который иногда наполняетъ его весь, хотя чаще онъ только сверху. —

Да еще то, что когда горитъ костеръ, то около него жарко, а подальше къ краю чума —холодно. Впрочемъ, если туда подложить побольше шкуръ, то не дуетъ. и сидѣть, даже лежать, довольно тепло и удобно. Неудобства эти неособенно, впрочемъ, велики; мнѣ приходилось иногда сидѣть въ чумѣ, разъ даже ночевать, и я нахожу, что тамъ довольно хорошо. Да и много-ли времени приходится оленьщику проводить въ чумѣ: большая часть жизни проходитъ на открытомъ воздухѣ въ ѣздѣ. Къ холоду Самоѣды привыкаютъ съ самаго дѣтства: ребятишекъ они возятъ съ собой въ особыхъ ящичкахъ, куда кладутъ спеленатыми. Надо ѣхать—положатъ ящичекъ съ ребенкомъ на нарту и привяжутъ его ремнемъ, чтобъ не свалился по дорогѣ; а пріѣхали въ домъ—поставятъ куда нибудь въ уголокъ.

Вообще, если Самоѣдъ живетъ обезпеченно т. е. имѣетъ достаточно оленей, да порядочный промыселъ пушнаго звѣря, то онъ всегда здоровъ, какъ быкъ и не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ вырожденія или вымиранія.

Самоѣды и Остяки всѣ большіе любители водки. Непьющихъ между ними нѣтъ. Пьютъ и женщины и даже дѣти. Какъ напьются, такъ и запоютъ. Опредѣленныхъ пѣсенъ у нихъ нѣтъ, они поютъ про все, что только придетъ въ голову и что передъ глазами. Мотивы тоже уловить невозможно: просто какое-то дикое гортанное завываніе. Пьянство у инородцевъ порокомъ не считается. Пьяный идетъ смѣло по улицѣ и оретъ во все горло, чтобы всѣ видѣли, какъ онъ счастливъ. Смерть въ пьяномъ видѣ считается самою блаженною смертью. Только у верховскихъ Остяковъ за Березовымъ, есть свои

пѣсни съ опредѣленными словами и мотивами, монотонными и заунывными. У верховскихъ Остяковъ есть и свой національный музыкальный инструментъ лебедь вродѣ гуслей.

Многіе изъ Остяковъ и Самоѣдовъ курятъ, но большинство «кладутъ за губу табакъ, смѣшанный съ чагой» *). Оба инородческихъ племени придерживаются многоженства, безразлично крещеные и язычники.

Обыкновенно бываетъ двѣ жены, одна старая другая молодая. Многіе живутъ съ одной женой, такъ какъ не всякому по средствамъ взять другую. За жену приходится платить родителямъ довольно значительный калымъ (отъ 100 до 200 рублей). По этому отецъ имѣющій много дочерей -богатый человѣкъ.

Бѣдный Самоѣдъ, часто отдаетъ въ видѣ калыма все свое имущество и поступаетъ къ своему тестю на положеніе работника.

VI.

Остяки. Ихъ закабаленность. Рыболовство. Гоньба.—Убогость домашней обстановки. Юрты зимнія и лѣтнія.—Артели.

Самоѣды—монголы отличаются отъ Остяковъ—финновъ своимъ характеромъ: Самоѣды менѣе экспансивны, неразговорчивы, держатъ себя съ оттѣнкомъ суроваго достоинства. Остяки наоборотъ, народъ экспансивный, веселый, болтливый и нелишенный остроумія, Въ остяцкомъ языкѣ, гораздо болѣе богатомъ, чѣмъ самоѣдскій, очень много различ-

*) Чага—это мелко искрошенные грибовидные наросты на деревьяхъ.

ныхъ юмористическихъ оборотовъ. Они мѣтко подмѣчаютъ смѣшныя стороны въ человѣкѣ и вообще, мастера давать характерныя прозвища, Остяки, кажется, болѣе способны къ ученью, чѣмъ Самоѣды. Тѣ инородцы, которые получали образованіе, хотя и не представляли изъ себя ничего особеннаго, но были не многимъ ниже средняго уровня русскаго населенія.

Впрочемъ, о способности инородцевъ къ умственному развитію, пельзя говорить въ виду того, что слишкомъ мало для этого дѣлалось.

Остяки преимущественно рыболовы, но кое-кто изъ нихъ занимается оленеводствомъ. Большихъ стадъ Остяки не держатъ и употребляютъ своихъ оленей преимущественно для земской гоньбы. Юрты остяковъ расположены по берегамъ Оби и бываютъ двухъ родовъ: зимнія и лѣтнія. Въ зимнихъ юртахъ остяки живутъ зимой и здѣсь держатъ гоньбу и отчасти ловятъ сквозь проруби рыбу до Января или начала Февраля.

Послѣ этого времени, рыба въ Оби пропадаетъ отъ замора воды. Заморомъ воды называютъ мѣстные жители, какое то измѣненіе ея, въ силу чего она пріобрѣтаетъ непріятный вкусъ и дѣлается негодной для питья; рыба въ ней дохнетъ. Причина замора, кажется, не открыта, хотя существуетъ нѣсколько гипотезъ для объясненія этого явленія. Извѣстно только, что заморъ идетъ сверху рѣки и, обратно, «живая» вода приходитъ тоже (весной сверху).

Лѣтомъ, Остяки переселяются поближе къ Оби и ставятъ чумы, а иногда и юрты у рыболовныхъ мѣстъ и ловятъ рыбу. Рыбу они сдаютъ русскимъ промышленникамъ, которые тутъ же поселяются,

на весьма тяжелыхъ для Остяковъ условіяхъ. Русскіе держатъ Остяковъ въ рукахъ и не позволяютъ имъ продавать рыбу другимъ.

Если вы, проѣзжая лѣтомъ по Оби отъ Березова, встрѣтите Остяка, быстро скользящаго на своей душегубкѣ, нагруженной рыбой, и крикните ему: «Там-хой, тынія хулъ»! (человѣкъ, продай рыбы), то почти навѣрное получите въ отвѣтъ: «андамъ, анъ тыниламъ»! (нѣтъ, не продамъ).

Остяцкая юрта представляетъ изъ себя небольшой бревенчатый домикъ съ плоской крышей, на которой кладется дернъ. Иногда вся юрта состоитъ изъ одного помѣщенія—жилой комнаты, но чаще есть еще небольшія, холодныя сѣни и маленькая кладовая.

Обстановка юрты, очень убогая и не уютная. По стѣнамъ широкія нары, устланныя травянымп плетёными цыновками (тагаръ—цѣна 70 коп.—1 руб.) и оленьими шкурами. Окно, вмѣсто стекла заставлено льдиной, довольно хорошо пропускающей свѣтъ. Остяки находятъ, что льдина лучше стекла, дешевле, теплѣе и не замерзаетъ. Когда льдина покроется инеемъ, то ее отскабливаютъ и она становится совершенно прозрачной; между тѣмъ, какъ если стекло обмерзнетъ, то его не отскоблишь. Если льдина отъ таянья и скобленія сдѣлается слишкомъ тонкой, то ее всегда можно перемѣнить. Въ углу юрты находится чувалъ (очагъ) съ прямой трубой, закрываемый снаружи кускомъ дерна, на длинной палкѣ. На палку, прикрѣпленную поперегъ трубы, Остяки одѣваютъ деревянный крюкъ, на которомъ подвѣшиваютъ котлы и чайники. Здѣсь Остяки готовятъ себѣ пищу: варятъ рыбу, которую потомъ сваливаютъ въ маленькія корытца, такого вида, какъ употребляемыя у насъ для стирки бѣлья, только меньше. Изъ

этихъ корытцевъ они и ѣдятъ. Сами поѣдятъ, а остатки даютъ собакамъ, которые ѣдятъ изъ того же корытца, причемъ вылизываютъ его до чиста, такъ что и мыть не надо посуды; что конечно представляетъ своего рода удобство, но мало понятное европейскимъ хозяйкамъ. На томъ же чувалѣ, Остяки кипятятъ чай и варятъ бурдюкъ. Для приготовленія бурдюка, въ кипятокъ кладутъ: муку, мясо, жиръ. Тутъ-же пекутъ лепешки изъ ржаной муки, втыкая ихъ на палочкахъ въ землю у самаго огня. Кромѣ того, конечно, ѣдятъ мясо и рыбу въ сыромъ видѣ.

Остяки живутъ очень грязно: въ юртѣ постоянная вонь рыбнымъ жиромъ, дымомъ и еще чѣмъ-то кислымъ. Грязь повсюду. Неприглядную картину представляетъ юрта, когда вы въ нее войдете: по нарамъ сидятъ и лежатъ какіе-то грязныя, всклоченныя фигуры, прикрытыя прокопченными, запачканными и ободранными шкурами. По полу вмѣстѣ съ собаками ползаютъ ребятишки, часто совершенно голыя.

Женщины, всегда заняты какимъ нибудь дѣломъ: или шьютъ что нибудь олеиьими жилами *), или возятся съ дѣтьми, или стряпаютъ, или плетутъ цыновки (тагары). Лѣтомъ, Остяки выглядятъ нѣсколько лучше: шалаши, чумы и юртишки, разсыпанныя среди кустовъ и зелени по берегу многоводной, широкой Оби, нашесты для вяленья рыбы, просушиваемыя сѣти, легкія лодочки, костеръ на берегу: наконецъ сами Остяки, всклоченные или-же съ длинными косами (мущины и жен-

*) Вмѣсто нитокъ употребляются для шитья инородческой одежды, сухожилья со спины оленя. Сухожилье расщепляется на тонкія жилки, которыя потомъ скручиваются. Эти жилы чрезвычайно прочны и дешевы, отчего ихъ употребляютъ при шитьѣ мѣховыхъ вещей, не только инородцы, но и русскіе.

щины) перевитыми тесемками—все это представляетъ картину оригинальную и своеобразную по своей дикости. Точно переносишься куда-то въ Америку (какою представлялъ себѣ ее прежде, по романамъ Купера и Эмара), среди вигвамовъ, индѣйцевъ. Хорошо бываетъ въ ясное «погодье», когда солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, выйти изъ каюка на берегъ, послѣ долгаго путешествія по водѣ. Остяцкія станціи (станки) расположены на разстояніи въ 20—30—50 верстъ. Разложишь на берегу костеръ и въ остяцкомъ котлѣ, начисто вылизанномъ собакой, сваришь себѣ рыбы.

Среди этихъ дикарей, всегда чувствуешь себя хорошо. Остяки очень добры и честный народъ. Когда я возвращался изъ Обдорска, то, пока ѣхалъ по юртамъ, я могъ оставлять свои вещи на улицѣ, не опасаясь кражи. И только, когда начались русскія поселенія, то нужно было посматривать, чтобы чего нибудь не стащили. Остяки, часто ловятъ рыбу, соединяясь для того въ небольшія артели, человѣкъ въ пять—шесть не больше. Большихъ неводовъ они не употребляютъ, а маленькіе сажень до 150—200 не больше.

Уловъ дѣлятъ поровну между участниками, мало разбирая кто, что далъ для промысла изъ «орудій производства». Артели эти всегда работаютъ на русскаго или зырянскаго промышленника-скупщика. Очень рѣдко болѣе богатый Остякъ нанимаетъ работниковъ, хотя и бываютъ такіе факты. Большинство работниковъ нанимающихся на рыболовныя заведенія къ Обдорянамъ—Остяки, неимѣющіе средствъ самимъ обзавестись хозяйствомъ. Какъ рыболовные рабочіе, Остяки не лучше Русскихъ. При неводьбѣ большими неводами отъ главнаго распорядителя неводомъ (башлыка) тре-

буется большое умѣнье и опытность, за что ему платятъ дороже, чѣмъ обыкновеннымъ рабочимъ. Башлыкъ получаетъ 40—60 руб., между тѣмъ какъ средняя плата обыкновеннаго рабочаго около 20 р. за лѣто.

Остяки, почти никогда не бываютъ башлыками. Кромѣ того они очень неопрятно готовятъ рыбу (солятъ и вялятъ). За то въ единоличной ловлѣ на лодочкѣ съ колыданомъ въ рукахъ, Остяки не знаютъ себѣ соперниковъ. Вообще они прекрасные гребцы, на маленькой «моржовкѣ» — скорлупкѣ, сшитой ивывоми прутьями, Остякъ смѣло пускается по Оби, не смотря ни на какую бурю. Увѣряютъ, что на остяцкой моржовкѣ въ бурю гораздо безопаснѣе, чѣмъ на большомъ паузкѣ или каюкѣ.

Кромѣ рыбной ловли, Остяки лѣтомъ держатъ земскую гоньбу, право на которую сдается правительствомъ, съ торговъ. Гоньба эта (зимой на оленяхъ, а лѣтомъ на лодкахъ) служитъ для нихъ порядочнымъ подспорьемъ, хотя часто отрываетъ ихъ отъ работы и бываетъ иногда очень тяжела. Правомъ проѣзда на казенный счетъ, вообще, порядкомъ таки злоупотребляютъ, такъ, что часто подводчики Остяки, жалуются, что имъ просто некогда рыбу ловить.

VII.

Христіанство среди Остяковъ.—Миссія и миссіонерское училище. Проекты школы для Остяцкихъ дѣтей и ея значеніе.

Какъ Самоѣды, такъ и Остяки язычники и до сихъ поръ свято чтутъ своихъ шамановъ и соблюдаютъ свои древнія, религіозные обычаи. Правда, значительная часть инородцевъ крещена. Но въ

душѣ они всѣ остались прежними язычниками и 180-ти лѣтняя дѣятельность православной низовой миссіи не произвела на нихъ почти никакого вліянія. Въ настоящее время, центромъ миссіонерской дѣятельности сдѣланъ Обдорскъ (раньше былъ Сургутъ). Въ Обдорскѣ живетъ О. Настоятель миссіи, два священника—помощника, діаконъ, два псаломщика и толмачъ. Толмачъ особенно необходимъ для миссіи, такъ какъ ни одинъ изъ ея членовъ за весь періодъ существованія этого учрежденія не зналъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Исключеніемъ былъ Св. Вологодскій, (жилъ въ 20-хъ или 30-хъ годахъ нашего столѣтія) знавшій языкъ верховскихъ Остяковъ, въ странѣ которыхъ онъ выросъ. Онъ между прочимъ составилъ Остяцкій словарь и отправилъ его въ Академію Наукъ, но Академія признала этотъ трудъ негоднымъ. Былъ еще священникъ Николай Герасимовъ—природный Самоѣдинъ; этотъ конечно зналъ по Самоѣдски. Вообще, чтобы знать инородческіе языки, надо самому быть либо инородцемъ, либо мѣстнымъ уроженцемъ.

Этимъ требованіямъ удовлетворить легко — стоитъ только родиться въ Обдорскѣ; но конечно этого недостаточно, чтобъ быть хорошимъ миссіонеромъ. Большинство миссіонеровъ — пріѣзжіе. Между ними попадаются иногда довольно способныя личности, но способности свои, они къ сожалѣнію не примѣняютъ къ изученію инородческихъ языковъ и вообще, какому-бы то ни было изслѣдованію жизни инородцевъ. Толмачи, берутся изъ мѣстныхъ жителей, хорошо говорящихъ по остяцки и по самоѣдски, но совершенно не образованныхъ (не выше самихъ Остяковъ) и даже мало грамотныхъ. Въ миссіонерской дѣятельности вообще извѣстны три системы:

КОСТРОМСКАЯ Научная библиотека

1) система разъѣздовъ по становищамъ дикарей, съ цѣлью проповѣди и совершенія богослуженія и требъ—эта наиболѣе древняя система, завѣщанная намъ еще отъ временъ Апостоловъ;

2) устройство школъ и интернатовъ для обученія и воспитанія инородческихъ дѣтей, для того чтобы вліять на дикарей съ самаго ранняго возраста и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы развить ихъ и подготовить къ воспріятію христіанскаго ученія; наконецъ въ

3) устройство образцовыхъ колоній, фермъ, въ которыхъ дикари, кромѣ чисто школьнаго образованія, могли бы еще практически ознакомиться, съ формами высшей экономической культуры. Это между прочимъ, дѣлается нѣкоторыми католическими миссіями въ Африкѣ.

Въ Обдорскѣ, приняты разъѣзды по инородческимъ юртамъ и кромѣ того, есть еще миссіонерское училище. Что касается разъѣздовъ по Обдорскому краю, то достаточно взглянуть на карту сѣверной части Тобольской губерніи, чтобъ убѣдиться въ безплодности этого занятія. И. П. Росляковъ въ своихъ статьяхъ „Обдорская миссія и ея дѣятели“, помѣщенныхъ въ „Спбирск. Листкѣ“ за 1894 годъ, указывалъ на то, что миссіонерамъ пришлось бы держать цѣлые табуны оленей и цѣлый флотъ каюковъ, если-бы они захотѣли объѣхать хоть два — три раза въ годъ всѣхъ инородцевъ.

Дѣятельность миссіонеровъ во время разъѣздовъ, сводится къ совершенію богослуженія на непонятномъ для инородцевъ языкѣ, къ проповѣди (очень рѣдко) черезъ мало грамотныхъ толмачей, и къ совершенію требъ, значеніе которыхъ для дикарей довольно темно.

Есть нѣкоторые переводы на остяцкій языкъ,

изъ Св. Писанія, молитвъ и богослуженія, но переводы эти довольно плохи, за исключеніемъ недавнихъ, сдѣланныхъ Росляковымъ, (мѣстный уроженецъ, теперь завѣдующій Обдорской метеорологической станціей). Нужно сказать, что многія мѣста молитвъ совершенно непередаваемы въ переводѣ на остяцкій и особенно на самоѣдскій языки.

Въ Обдорскомъ миссіонерскомъ училищѣ, не учится ни одного Остяка и ни одного Самоѣда. Причина тому очень простая: инородцы не понимаютъ по русски, а миссіонеры не понимаютъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ*). Въ школѣ, поэтому, учатся только Русскіе и Зыряне, также какъ и въ сельской Обдорской школѣ. Послѣднія пять лѣтъ, преподаваніе было поставлено очень хорошо, такъ какъ завѣдывалъ миссіонерской школой священникъ, вполнѣ подготовленный (кончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи и около 10 лѣтъ былъ сельскимъ и городскимъ учителемъ до своего посвященія) и преданный своему дѣлу.

Въ прежнія времена, иногда, выдавался какой нибудь миссіонеръ, который бралъ себѣ на воспитаніе двухъ, трехъ Остяцкихъ сиротъ. Но это бывало рѣдко; обыкновенно, если миссіонеръ и бралъ къ себѣ какого нибудь Остячёнка, то держалъ его у себя на побѣгушкахъ, хотя и требовалъ себѣ денегъ за «воспитаніе пансіонера».

Наконецъ третій способъ миссіонерской дѣятельности—устройство колоній и насажденіе среди инородцевъ высшей экономической культуры, почти

*) Кое какіе попытки учиться дѣлались: бывшій года три тому назадъ Настоятель Священникъ М.—обязалъ своихъ помощниковъ заучивать каждый день по 5 самоѣдскихъ словъ: но потомъ скоро это было брошено. Завѣдующій теперь школой, священникъ, переписалъ Остяцкую грамматику (составленную мною совмѣстно съ П. Росляковымъ) и учился по ней; насколько онъ успѣлъ научиться—не знаю.

невозможенъ въ Обдорскѣ и, конечно вовсе не примѣняется въ настоящее время. (Горе въ томъ, что въ Обдорскѣ невозможно земледѣліе. Это не то, что гдѣ нибудь въ Африкѣ, гдѣ католическіе миссіонеры могли завести цѣлыя плантаціи, ввести культуру различныхъ новыхъ растеній и вообще устроить новыя фермы, на которыхъ занимались-бы чернокожіе воспитанники.

Такой миссіонерскій пунктъ не можетъ приносить громадную пользу, служа разсадникомъ высшей культуры. Введеніе новыхъ культуръ, увеличитъ благосостояніе дикарей и создастъ почву для благотворныхъ вліяній духовнаго характера. Извѣстно, что прогрессъ въ умственномъ отношеніи можетъ въ сущности быть только при осѣдлой жизни съ ея правильностью и удобствами, а также съ тою тѣсной связью между матеріальной и духовной культурой, которую она всегда даетъ. При невозможности земледѣлія, а тѣмъ болѣе обрабатывающей промышленности, Обдорскіе инородцы, стало быть, лишены прочнаго базиса для прогресса въ духовномъ отношеніи. О кочевникахъ Самоѣдахъ и говорить нечего—при кочевой жизни, хоть десятки тысячъ лѣтъ пройди надъ головой оленевода и все онъ останется такимъ-же какимъ былъ.

Что касается Остяковъ, то ихъ рыболовство тоже неособенно благопріятно для прогрессивнаго движенія, тѣмъ болѣе, что оно поставлено въ самыя тяжелыя условія. При теперешней экономической зависимости Остяковъ, о прогрессѣ и думать нечего.

Но даже, если-бы Остяковъ освободить отъ ихъ задолженности, ввести хорошо поставленную (какъ въ Датской Гренландіи) казенную продажу предметовъ первой необходимости, то и тогда еще много пришлось-бы повозиться надъ цивилизаціей этого

народа. Дѣло въ томъ, что Остякъ, какъ и всякій дикарь, обладаетъ чертой характера, котораго Спенсеръ называетъ импульсивностью. Остякъ, живетъ даннымъ моментомъ и весьма непредусмотрителенъ. Деньги, заработанныя сегодня, завтра-же пропиваются. Дѣлать запасы рыбы на зиму Остяку очень трудно. Остякъ ловитъ сколько ему нужно на ближайшее будущее. Потому онъ лѣтомъ сытъ, а зимой сидитъ впроголодь. Да и само по себѣ рыболовство въ Обдорскѣ, поставлено такъ плохо въ силу экономической зависимости отъ крупныхъ тобольскихъ промышленниковъ, что даже изъ Русскихъ никто однимъ рыболовствомъ не живетъ. Жить можно, только соединяя съ рыболовствомъ еще и торговлю, т е. эксплуатируя не только природу, но и человѣка.

За всѣмъ тѣмъ, я нисколько не отрицаю, что для Остяковъ можно-бы сдѣлать кое-что въ указанномъ направленіи. Среди немногочисленной обдорской интеллигенціи возникъ такого рода проектъ: устроить школу съ интернатомъ. Бѣдные Остяки могли-бы отдавать туда ребятишекъ. Въ Обдорскѣ, почти всѣ дѣти занимаются нищенствомъ и живутъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; родителямъ они все равно мало пользы приносятъ. Сперва—начала можно было-бы просто покупать дѣтей для школы, какъ это вообще, практиковалось раньше. Зимой, въ школѣ будутъ идти занятія на Остяцкомъ языкѣ.

Людей, годныхъ для этого дѣла, найти въ Обдорскѣ можно, если только дѣйствительно захотѣть. На лѣто-же можно отправлять ребятишекъ на рыболовное заведеніе, къ какому нибудь промышленнику. Конечно надо выбрать такого, который-бы не эксплуатировалъ труда дѣтей, а давалъ-бы имъ работу по силамъ и вообще обра-

щался съ ними гуманно. Такого человѣка, тоже можно найти въ Обдорскѣ (опять таки, если *захотѣть* поставить дѣло серьезно, а не такъ, что дѣла никакого нѣтъ, а есть только многоглаголивые отчеты съ дутыми, ничего не означающими цифрами, о томъ, напр., что столько-то инородцевъ крестилось, столько-то обвѣнчалось и т. д.).

Живя въ школѣ, въ благопріятной для ихъ духовнаго развитія обстановкѣ, и работая вмѣстѣ, лѣтомъ на промыслахъ, остяцкія дѣти вышли-бы не такими, какъ ихъ забитые и часто пропившіеся родители. Въ школѣ укрѣпилась-бы между ними товарищеская связь, развилась-бы привычка къ совмѣстной работѣ и изъ школы Остяки могли-бы выходить готовыми рыболовными артелями. Конечно, требовалось-бы еще законодательное вмѣшательство для облегченія положенія Остяковъ, но тогда оно могло-бы принести несомнѣнную пользу, такъ какъ встрѣтило-бы въ самомъ населеніи достаточную подготовку для самостоятельной жизни.

При теперешнемъ-же уровнѣ развитія Остяковъ, трудно даже придумать мѣры для ихъ поднятія. Объявить ничтожными ихъ долговыя обязательства не имѣетъ смысла, такъ какъ онѣ большей частью не оформлены, да въ своихъ теперешнихъ видахъ и нынѣ, все равно, закономъ не признаются, а существуютъ de facto. Надѣлить Остяковъ рыболовными угодьями? Но вѣдь и такъ вся земля по закону имъ принадлежитъ!

Если брать одну лишь юридическую сторону дѣла, то Остяки являются крупными собственниками, своего рода лэндъ-лордами, у которыхъ русско-зырянское населеніе только арендуетъ землю. А между тѣмъ этотъ лэндъ-лордъ ходитъ ободранный хуже послѣдняго санкюлота.

VIII.

Религія Остяковъ.—Шаманизмъ.—Разница между древними и современными религіозными понятіями Остяковъ.—Понятіе о грѣхѣ.—Загробный міръ.—Необходимость «этнографическихъ станцій». Шаманы.—Чудеса. Ворожба. Тѣсная связь вѣрованій Остяковъ съ ихъ міровоззрѣніемъ и условіями жизни.—Идолы и ихъ значеніе.

Кромѣ тѣхъ внѣшнихъ условій матеріальной культуры, которыя такъ неблагопріятны для прогресса вообще и для обращенія въ христіанство въ частности, существуютъ еще препятствія изъ области духовной культуры.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что религіозныя понятія каждаго народа тѣсно связаны со всѣмъ его міросозерцаніемъ, которое въ свою очередь складывается на почвѣ бытовыхъ условій его жизни. При постоянствѣ какъ внѣшняго быта, такъ и умственнаго развитія, останутся неизмѣнными и его религіозныя понятія.

Остяки и Самоѣды исповѣдаютъ религію, которая близко подходитъ къ монотеизму, у отдѣльныхъ-же личностей переходитъ въ деизмъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, я буду говорить исключительно о религіи Остяковъ, какъ болѣе мнѣ извѣстной.

Остяки вѣрятъ въ существованія высшаго существа, которое они называютъ—Тóрымъ. Торымъ одинъ для всѣхъ вѣковъ, странъ и народовъ. Это безплотный духъ, которому подчинены прочіе второстепенные духи (кулль). По понятіямъ многихъ Остяковъ, Торымъ мало вмѣшивается въ мірскія дѣла и совершенно безкорыстенъ; жертвъ приносить ему не надо; онѣ нужны только низшимъ ду-

хамъ—куллямъ. Но это воззрѣніе очевидно новѣйшей формаціи: такъ какъ, судя по обрядамъ, особенно похоронным, видно, что и Торымъ требуетъ жертвъ. Такъ при поминовеніи умершаго, ставится три блюда: одно -покойнику, другое водяному духу (йингъ кулль), а третье Торыму.

Непосредственное ближайшее участіе въ жизни людей, принимаютъ кулли. Ихъ призываетъ шаманъ въ случаѣ болѣзни Остяка, тяжелыхъ родовъ, пропажи какой нибудь вещи и т. п.

Кулли всегда требуютъ жертвъ и Остяки всегда удовлетворяютъ ихъ: закалываютъ оленей на священныхъ мѣстахъ и тутъ-же сами съѣдаютъ. Рога вѣшаютъ на вѣтвяхъ священнаго дерева, тутъ-же привѣшиваютъ и разныя тесемочки. На поминкахъ Остяки ставятъ богамъ вареную рыбу и чашку чая. Любопытно, что чай ставятъ только куллямъ, но не Торыму. Торымъ очевидно брезгаетъ такими новшествами, какъ чай. Богамъ ставятъ и водку. Къ сожалѣнію, я не могу сказать, какъ относится Торымъ къ водкѣ.

Кулли, мало вмѣшиваются въ человѣческія дѣла и лишь по столько, по сколько это имъ выгодно или касается ихъ интересовъ.

Область *fas* рѣзко отдѣлена отъ области *jus*. Грѣхомъ считается только проступокъ противъ божества: святотатство, нарушеніе присяги. (Остяки присягаютъ на медвѣжьей лапѣ). Нарушившаго волю боговъ ждетъ отъ нихъ наказаніе, въ видѣ неудачи въ промыслѣ, болѣзни и смерти.

Отъ ожидаемаго наказанія, Остякъ можетъ откупиться, принеся жертву богу. Былъ случай, что Остякъ, стащившій что-то со священнаго мѣста (чрезвычайно рѣдкій случай), откупился пожертвовавъ богу халатъ.

Къ числу грѣховъ относятся также и нѣкото-

рыя нарушенія половой нравственности. Былъ напр. такой случай. У одной Остятки были трудные роды. Позвали шамана. Шаманъ забилъ въ свой пѣньзяръ (бубенъ) и сталъ спрашивать роженицу въ чемъ она согрѣшила.

По воззрѣніямъ Остяковъ трудные роды посылаются въ наказаніе за грѣхъ противъ половой нравственности, и только тогда женщина разрѣшается отъ бремени, когда признается въ грѣхѣ. На вопросъ шамана. Остятка сказала, что она занималась онанизмомъ.

Но роды не наступали и шаманъ говоритъ, что не за этотъ грѣхъ её караютъ боги. Тогда Остятка сказала, что находилась въ противоестественныхъ отношеніяхъ съ собакой (что кажется у нихъ довольно часто бываетъ). Но и это оказалось не то. Наконецъ, Остятка призналась, что жила со своимъ отцомъ и тогда благополучно разрѣшилась отъ бремени.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ боги не вмѣшиваются въ людскія дѣла. Убійство, кража, нанесеніе обидъ и т. п., грѣхомъ не считаются, хотя конечно осуждаются, какъ преступленіе.

Вообще. боги предоставляютъ людямъ жить какъ они хотятъ, лишь-бы приносили имъ жертвы, не нарушали присяги, свято чтили священныя мѣста и т. п.

Остяки вѣрятъ въ загробный міръ—патламъ. Слово патламъ собственно значитъ тьма, темно. Патламъ находится. гдѣ-то на Сѣверѣ. почему Остяки хоронятъ своихъ покойниковъ ногами на Сѣверъ, чтобы «онъ, какъ встанетъ, такъ и пошелъ-бы прямо, куда ему слѣдуетъ». Въ патламъ. идутъ всѣ безъ различія и праведники и грѣшники. Судя по остяцкимъ похоронным обрядамъ, въ патламѣ придется ѣсть и пить, добывая пищу

охотой и рыболовствомъ. Для этого, въ гробъ вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ его одежду, оружіе и прочія вещи.

Покойникъ можетъ вернуться и блуждать вокругъ своихъ близкихъ въ видѣ призрака. Остяки этого очень боятся и совершаютъ разнаго рода обряды для предупрежденія такихъ нежелательныхъ визитовъ: обводятъ по краю гроба бѣличьимъ мѣхомъ и дуютъ въ дверь юрты, чтобы изгнать духъ покойнаго и т. п.

Но среди Остяковъ есть много такихъ, которые отрицаютъ загробный міръ, а также и вмѣшательства боговъ въ земныя дѣла.—«Когда я умру, говорилъ одинъ Остякъ,—то больше уже ничего не будетъ, сгнію и все тутъ».

Нѣкоторые признаютъ существованіе одного Торыма, которому однако не нужно приносить никакихъ жертвъ и просить его, ибо онъ и самъ знаетъ, что кому нужно.

Вообще, при изслѣдованіи религіозныхъ и иныхъ понятій дикарей, мало ограничиваться изученіемъ отъ нихъ обрядовъ и обычаевъ.

Обрядъ есть форма застывшаго понятія. Обрядъ указываетъ на то, что данное понятіе когда-то существовало въ сознаніи общества.

Но прошли вѣка и значительная часть общества придерживается обряда лишь по привычкѣ и рутинѣ. Строго говоря, слѣдовало-бы для изученія міросозерцанія дикарей, примѣнять статистическій методъ поголовнаго опроса. Но это очень затруднительно, да и не удобно по многимъ причинамъ. Единственный исходъ—образованіе на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ кружковъ мѣстной интеллигенціи, преимущественно изъ уроженцевъ даннаго края. Кружки эти были-бы своего рода мѣстными этнографическими обществами или станціями. Они

должны находиться въ постоянномъ общеніи съ столичными учеными обществами, получать отъ нихъ книги, спеціальные журналы, программы изслѣдованія, запросы и т. п.

Такой кружокъ, ведя изъ году въ годъ наблюденія надъ жизнью инородцевъ, могъ-бы постепенно собрать богатый, вполнѣ достовѣрный матеріалъ.

Вернемся однако къ религіи Остяковъ. Посредниками между богами и людьми являются шаманы. Шаманомъ становится всякій, кто чувствуетъ себя на это способнымъ и кого признаютъ такимъ Остяки. Способность быть шаманомъ вѣроятно основывается на извѣстной повышенной нервной дѣятельности, иногда прямо на психозѣ. Остяки, обыкновенно не видятъ сновъ. Тотъ-же изъ нихъ, кто видитъ сны, уже считается способнымъ къ шаманству. Одинъ остяцкій мальчикъ страдалъ какими-то странными припадками: онъ иногда уходилъ одинъ въ лѣсъ, терялъ тамъ сознаніе, и ему являлись видѣнія. Когда онъ разсказалъ объ этомъ одному старому шаману и просилъ вылечить его, тотъ объявилъ: «тебя лечить не надо, ты вовсе не больной, ты шаманъ».

Шамана приглашаютъ для ворожбы, по случаю болѣзни, пропажи и т. п.

Шаманъ является вмѣстѣ съ помощникомъ, повторяющимъ его слова, и съ пеньзяромъ (бубенъ изъ оленьей кожи, въ который бьютъ колотушкой). Ворожба происходитъ такимъ образомъ. Войдя въ чумъ, шаманъ садится рядомъ со своимъ помощникомъ, садятся и всѣ присутствующіе. Потомъ разогрѣваютъ бубенъ для того, чтобы кожа натянулась туже: тогда звукъ громче. Шаманъ начинаетъ бить въ бубенъ, сначала тихо и рѣдко, потомъ все громче и чаще, наконецъ изо всей силы.

Временами бой ослабѣваетъ, потомъ опять уси-

ливаются эти странные звуки, глухо разносясь по тундрѣ. При этомъ шаманъ, а за нимъ присутствующіе кричатъ протяжно: «ко-о-о-о! ко-о-о-о!» Это дѣлается для того, чтобы призвать духовъ. Когда духи слетятся къ шаману, онъ начинаетъ ихъ допрошать и отвѣтъ передаетъ присутствующимъ.

Многимъ подобное богослуженіе можетъ показаться смѣшнымъ и производящимъ впечатлѣніе какой-то дѣтской забавы. Но на самомъ дѣлѣ, это не такъ: бой шаманскаго бубна среди унылой и мрачной обстановки чума, слабо освѣщеннаго костромъ, ночью, въ тундрѣ, производитъ какое-то подавляющее и во всякомъ случаѣ, сильное впечатлѣніе. Становится какъ-то жутко при этихъ глухихъ, рокочущихъ звукахъ, въ которыхъ слышится что-то таинственное и мистическое. Кажется, что духи Обдорской тундры дѣйствительно слетаются со всѣхъ концовъ и рѣютъ надъ чумомъ...

Нервное разстройство, которымъ, вѣроятно, страдаютъ шаманы, рѣзко выражается и въ ихъ гортанныхъ крикахъ, и въ звукахъ пеньзяря, то замирающихъ, то едва слышнаго дребезжанія, то гремящихъ, какъ турецкій барабанъ.

Если все это дѣйствуетъ даже на цивилизованнаго человѣка, чуждаго всякихъ предразсудковъ, то каково-же чувствуетъ себя дикій Остякъ. Все это такъ гармонируетъ со всей обстановкой тундры, что лучшаго и придумать невозможно для выраженія религіознаго чувства Остяка или Самоѣда. Наша-же церковная служба, не представляющая ничего похожаго на вышеописанное, мало говоритъ сердцу инородца. Поэтому, крещеные инородцы очень рѣдко заглядываютъ въ церковь, даже тѣ, которые постоянно живутъ въ Обдорскѣ. Большая часть инородцевъ довольно рѣдко бываетъ въ селѣ; Самоѣды пріѣзжаютъ только разъ въ годъ на ярмарку.

Тутъ они торгуютъ, пьянствуютъ, гуляютъ; но никогда не заглядываютъ въ церковь. Въ Великомъ посту инородцевъ, живущихъ въ Обдорскѣ, приводятъ говѣть иногда при помощи полиціи.

Иногда, хоть и очень рѣдко къ помощи шамана прибѣгаютъ и русскіе. За свой трудъ шаманы получаютъ вознагражденіе довольно умѣренное и во всякомъ случаѣ однимъ шаманствомъ, рѣдко живутъ. Я видалъ одного шамана, который въ тоже время былъ и кузнецомъ.

Шаманы кромѣ того извѣстны своими чудесами, чѣмъ напоминаютъ индусскихъ факировъ. Чудесъ этихъ я не видалъ; но слыхалъ отъ многихъ очевидцевъ, между прочимъ отъ такихъ, правдивость которыхъ выше всякаго подозрѣнія, какъ напр., упоминаемый выше Росляковъ.

Факты, которые мнѣ передавали про шамановъ, совершенно невѣроятны, и я никогда-бы не сталъ писать о нихъ, если-бы ихъ не передавали очевидцы вполнѣ достовѣрные.

Росляковъ разсказывалъ такой случай: пришлось ему какъ-то ночевать въ остяцкой юртѣ, гдѣ между прочимъ былъ шаманъ.

Проснувшись рано утромъ, онъ увидѣлъ совершенно ясно, (было уже свѣтло) что шаманъ влѣзъ въ окно раздѣтый, безъ рубашки съ большимъ шестомъ, насквозь прокалывавшимъ его бока. Крови не было видно, и шестъ шаманъ потомъ вытащилъ изъ тѣла.

Затѣмъ, приходилось слышать много разсказовъ, что для отысканія вора, шаманы употребляютъ такой пріемъ: послѣ обычнаго призыванія духовъ, шаманъ снимаетъ малицу и, втыкаетъ себѣ въ животъ, въ голое тѣло, ножъ по самую рукоятку. Послѣ этого всѣ присутствующіе подходятъ по очереди и стараются вытащить ножъ. Какъ кто ни ста-

рается, не можетъ. Наконецъ одинъ вытягиваетъ, при чемъ, ясно слышенъ звукъ тренія ножа о мясо. Этотъ и считается воромъ. Многіе шаманы, могутъ, стуча палкой о ящикъ, извлекать цѣлые снопы искръ, освѣщающихъ чумъ. Это—духи, которые въ видѣ искръ вылетаютъ вонъ подъ вліяніемъ шаманской ворожбы.

Далеко не всякій шаманъ, обладаетъ даромъ чудесъ. Мнѣ такъ и не довелось видѣть такого.

Въ достовѣрности приведенныхъ фактовъ, я лично почти не сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что подобныяже вещи удостовѣрены относительно индусскихъ фокусниковъ и факировъ. Если не ошибаюсь, подобныя штуки объясняются искусствомъ производить оптическія галлюцинаціи.

Такимъ образомъ, шаманы завѣдуютъ своеобразнымъ богослуженіемъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ къ характеру Остяка, лечатъ его отъ болѣзней и, даже, творятъ чудеса.

Изъ изложеннаго видно, до какой степени трудно нашимъ миссіонерамъ бороться съ такой силой.

Скажу еще два слова, объ остяцкихъ идолахъ. На священныхъ мѣстахъ иногда можно встрѣтить *) крайне-уродливыя, грубыя человѣко-подобныя изображенія изъ дерева. Видя такихъ идоловъ, многіе называютъ Остяковъ и Самоѣдовъ идолопоклонниками и фетишистами. Это однако совершенно невѣрно. Идолъ есть только изображеніе бога, но не самъ богъ.

Кормленіе идоловъ у Остяковъ и Самоѣдовъ,

*) Идолы ставятся въ уединенныхъ мѣстахъ и встрѣчаются крайне рѣдко. Я не видалъ ни одного (кромѣ какъ въ Тобольскомъ Музеѣ) и не отъ кого изъ знакомыхъ не слышалъ о мѣстонахожденіи какого-нибудь идола. Обыкновенно вмѣсто идола на священномъ мѣстѣ стоитъ священное дерево, обвѣшанное оленьими рогами и тесемками. Это я видалъ близъ Обдорска на Ангальскомъ мысу.

наказанія (сѣченіе) идоловъ, наблюдаемыя путешественниками у Остяковъ и Самоѣдовъ (я не слыхалъ, чтобы обдорскіе инородцы наказывали своихъ божковъ) и т. п. имѣетъ символическое значеніе.

Религія ихъ, основывается на одухотвореніи природы. Каждое мѣсто имѣетъ своего духа (водяного или лѣсного).

Надъ всѣмъ-же міромъ царитъ недосягаемый Торымъ, который олицетворяетъ высшее духовное начало, проникающее всю природу и котораго только и почитаютъ за настоящаго бога Остяки. Такимъ образомъ, эта религія сильно приближается къ монотеизму, у отдѣльныхъ-же представителей остяцкаго племени даже къ деизму.

КОСТРОМСКАЯ
Центр. Научная Библиотека

IX.

Взглядъ Остяковъ на крещеніе.—Смѣсь язычества и православія.—Вліяніе крещенія на нравственность дикарей вообще и въ частности на Остяковъ.

Не легка работа православнаго миссіонера въ обдорскомъ краѣ. Инородцы, довольно рѣдко отдаютъ крестить своихъ дѣтей и почти никогда не хоронятъ своихъ покойниковъ. Это происходитъ отъ того, что Остяки придаютъ наибольшее значеніе именно похоронным обрядамъ. Отъ способа погребенія зависитъ, какъ будетъ жить покойникъ въ патламѣ, а также вернется-ли онъ домой къ ужасу своихъ, или-же будетъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ въ царствѣ тѣней. Только остяцкій обрядъ достигаетъ своей цѣли и потому, Остяки, если и похоронятъ по православному, то потомъ все таки продѣлываютъ надъ покойникомъ все, что требуетъ

остяцкій обычай. Крещенію-же Остяки не придаютъ большаго значенія. На крещеніе, Остяки смотрятъ какъ на посвященіе и отдачу себя подъ покровительство «русскаго бога» (Русь-Торымъ, или чаще Никола-Торымъ т. е. Святитель-Николай, въ честь котораго построена въ Обдорскѣ церковь). Крещеніе обыкновенно обусловливается какою нибудь случайностью. Напр., поѣдетъ Остякъ черезъ Обь весной, по тонкому льду и вдругъ ледъ затрещитъ, а кругомъ образуются полыньи. Вотъ въ такомъ-то случаѣ Остякъ иногда и даетъ обѣтъ Николѣ-Торыму креститься, въ случаѣ чудеснаго избавленія. Но, крестившись, онъ все-таки не забываетъ и своихъ родныхъ боговъ, остается въ многоженствѣ и обращается къ шаманамъ.

Одинъ миссіонеръ разсказывалъ мнѣ такой случай: приходитъ къ нему Остякъ и проситъ окрестить своего сынишку.—«А ты самъ-то крещеный? спрашиваетъ миссіонеръ.

— «Нѣтъ! у насъ и въ роду не было крещеныхъ».—«Ну, а жена твоя крещеная?» «Нѣтъ! мы и не вѣчались по вашему.» «Ну, братъ, такъ я твоего сынишку не могу окрестить, потому—что у насъ нужно, чтобы родители воспитывали крещеную младенца по нашей вѣрѣ, а ты съ женой, чему его учить будешь? отвѣчаетъ миссіонеръ. —«Нѣтъ, батька, самъ я не крещусь, а вотъ парнишку окрести, сдѣлай милость.» «Да ты съ чего надумался его крестить?»

«Да, видишь-ли батька, пошолъ я на охоту, ходилъ, ходилъ и все звѣря не могъ встрѣтить; такая неудача. Вотъ я взмолился Николѣ: Никола, говорю я, пошли ты мнѣ счастье, я тебѣ за это окрещу своего сына. Ну и точно, что помогъ Никола».

«Ну, у насъ такъ нельзя: крестись самъ съ женой, тогда и сына крестимъ.»—«Нѣтъ, я такъ

не хочу, потому, мнѣ еще не зачѣмъ. Я ужъ не буду крестить сына, а ужъ лучше Николѣ положу 1 рубль въ кружку, а то онъ на меня гнѣваться будетъ, что не сдержалъ обѣщанія.» — «Это, какъ ты хочешь, только я тебѣ скажу, что Николѣ твоего рубля не надо, напрасно это ты безпокоишься, а лучше всего крестись самъ.» — «Нѣтъ, батька, не хочу» отвѣчалъ Остякъ и пошёлъ.

Крестившись, Остякъ переноситъ на новую религію все свое старое міровоззрѣніе. Приведу слѣдующую картинку съ натуры: Въ лѣтній день на травѣ около самой церкви сидитъ группа Остяковъ мужчинъ и женщинъ и пьетъ водку. Одна Остятка отдѣлилась отъ группы и съ бутылкой въ рукѣ подошла къ самой церковной оградѣ. Тутъ она стала клапяться и креститься, при чемъ время отъ времени отливала водку изъ бутылки на землю. Своего рода древне-греческія возліянія богамъ.

Часто, во время своихъ поѣздокъ, миссіоперы встрѣчали совершенно сознательное упорство язычниковъ. Г. Росляковъ, сопровождавшій въ качествѣ толмача одного миссіонера, передавалъ такой эпизодъ. По пріѣздѣ въ одинъ юрты, миссіонеръ встрѣтилъ одну Остятку, которая жаловалась на своего мужа: «онъ у меня крещеный, а между тѣмъ взялъ себѣ вторую жену, да кромѣ того занимается еще шаманствомъ.» Миссіонеръ велѣлъ Остяткѣ позвать къ нему своего мужа. Когда тотъ явился, то пастырь сталъ упрекать заблудшаго за его дурное поведеніе. — «Ты, говоритъ, крещеный, развѣ не знаешь, что законъ не дозволяетъ имѣть больше одной жены?» — «У насъ можно», отвѣчаетъ съ увѣренностью Остякъ. — «Какъ это у насъ; да ты кто? ты вѣдь православный, а не язычникъ, и шаманствомъ еще занимаешься, это развѣ полагается христіанамъ?» Остякъ молча выслушалъ увѣщева-

нія священника и говоритъ:— «Вотъ, что, батька, я тебѣ скажу: я къ тебѣ въ Обдорскъ не ѣзжу, въ твои дѣла не мѣшаюсь, ну и ты ко мнѣ не ѣзди и въ мои дѣла не мѣшайся!» Затѣмъ онъ всталъ и ушелъ.

Отъ многихъ мнѣ приходилось слышать, что крещеные инородцы начинаютъ жить хуже въ нравственномъ отношеніи. Одинъ Обдорянинъ разсказывалъ мнѣ про новообращеннаго Самоѣда, который раньше. когда былъ язычникомъ, всегда аккуратно платилъ свои долги. Когда-же крестился, то пересталъ платить.

Ему и говорятъ: «что-же это ты, раньше былъ такой честный, а теперь мошенничаешь! а еще крещеный!

— «Что-же, отвѣчаетъ Самоѣдъ. я теперь такой-же крещеный, какъ и вы Русскіе; ну и мошенничаю также, какъ вы всѣ тутъ мошенничаете! оно такъ и слѣдуетъ быть.»

Многіе путешественники уже давно отмѣчали довольно странный фактъ: обращенные въ христіанство дикари, отличались нисколько не лучшей, а часто даже худшей нравственностью, чѣмъ ихъ собратья язычники.

Тоже самое мы видимъ и среди обдорскихъ инородцевъ: обращенные въ христіанство Остяки и Самоѣды по своей нравственности нисколько не выше язычниковъ. Наоборотъ, замѣчается, что среди крещеныхъ больше воровъ, пьяницъ и лѣнтяевъ. чѣмъ среди шаманистовъ. Какъ объяснить это странное явленіе?

Мнѣ приходилось слышать слѣдующія объясненія. 1) Крестятся обыкновенно тѣ Остяки и Самоѣды, которые чаще трутся около Русскихъ и, слѣдовательно болѣе цивилизованы; а такъ какъ цивилизація касается дикарей своими худшими

сторонами, то естественно, что крестится болѣе испорченная часть инородческаго населенія.

2) Въ виду того, что инородецъ и послѣ крещенія не разстается съ вѣрованіями предковъ, крещеніе получаетъ значеніе чисто формальнаго перехода въ православіе, обусловливаемаго какими нибудь практическими видами (полученіе бѣлой рубашки и т. п.) Такимъ образомъ, крестятся тѣ инородцы, которые всего индифферентнѣе относятся къ вопросамъ нравственности, которые мало дорожатъ вѣрой отцовъ и вообще какой-бы то ни было вѣрой.

3) Приходилось слышать и такого рода предположеніе: будто инородецъ, глядя, какъ живутъ Русскіе, принимаетъ крещеніе какъ своего рода разрѣшительный билетъ на всякаго рода пороки, наблюдаемые имъ у Русскихъ.

Предположеніе это однако, трудно допустить въ виду особенности остяцкой религіи, о которой мы упомипали выше—именно: индифферентпости остяцкаго бога къ грѣхамъ людей. Правда, Торымъ наказываетъ людей за лжеприсягу, святотатство, ловлю рыбы изъ священнаго мѣста и т. п., но этимъ и ограничивается его нравственное вліяніе, стало быть незачѣмъ бросать столь удобную вѣру, если хочешь грѣшить.

Можно еще предположить, что крестившійся инородецъ, тѣмъ самымъ отпадаетъ до извѣстной степени отъ своего общества и освобождается отъ нравственнаго авторитета своихъ сородичей. Въ тоже время онъ не пристаетъ и къ своему новому обществу и такимъ образомъ является какимъ-то отщепенцемъ, отставшимъ отъ одного берега и не приставшимъ къ другому. Брошенный на произволъ судьбы и предоставленный исключительно своимъ силамъ, дикарь легче подвергается дурнымъ раз-

вращающимъ вліяніямъ. Много вредитъ и то обстоятельство, что Остяки лишены какого-бы то ни было школьнаго образованія и воспитанія, а также мало видятъ гуманнаго къ себѣ отношенія. Замѣтимъ въ утѣшеніе себѣ, что и на всемъ земномъ шарѣ, а не только у насъ однихъ, миссіонерство есть дѣло въ высшей степени тяжелое.

X.

Обычаи Остяковъ. — Общественныя празднества. — Родъ.— Образъ.—Черты ихъ уголовнаго права: наказанія, очистительная присяга.—Профессоръ А. И. Якобій въ Обдорскѣ и его дѣятельность. —Сообщеніе «Русск. Вѣд.» о мѣрахъ принятыхъ въ помощь Остякамъ.

У Остяковъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя явленія, которыя можно объяснить остатками первобытнаго коммунизма. Разъ въ годъ — осенью, нѣсколько остяцкихъ родовъ (ватага по мѣстному русскому наименованію, абразъ—по Остяцки) собираются къ священному мѣсту для общаго празднества. Недалеко отъ Обдорска есть такое священное мѣсто. Туда собирается 7 родовъ и празднество продолжается 7 дней.

Каждый день одинъ родъ по очереди угощаетъ всѣхъ остальныхъ. Остяки ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ. У нихъ для этого построена особая юрта. На этихъ празднествахъ Остяки маскируются. Маски дѣлаются изъ бересты. Мнѣ передавали, что подъ конецъ попойки, всѣ участвующіе предаются „свальному грѣху“. Не знаю насколько это вѣрно.

На эти празднества очень трудно попасть; онѣ несомнѣнно имѣютъ религіозный характеръ.

Въ своихъ брачныхъ и наслѣдственныхъ обыча-

яхъ, Остяки строго придерживаются гентильнаго родства. Родство опредѣляется принадлежностью къ роду. Родственниками считаются члены рода,— абрась. Изъ названій нельзя вывести родоваго характера того союза, который Остяки называютъ, абрась. Большинство изъ этихъ названій представляютъ слова, ничего не означающія въ остяцкомъ языкѣ напр.: Яги, Пандо, Тальчопъ. Хотя есть и такія родовыя прозванія, какъ Серас -хой (богатый человѣкъ). Личныя имена наоборотъ большею частью производны: Вуул—хой (большой человѣкъ *) Ай—пеньзяръ (маленькій барабанъ), Хуу—ленгъ (запачканный), Лась—нингъ (снѣжная женщина), Ерт—иги (дождевой старикъ), Пилянгъ—(парный, близнецъ), Нем—ли (безъимянный), Навы (бѣлый), Йири (дѣдушка) и т. п.

Часто крещеные Остяки сохраняютъ свои языческія имена, даваемыя обыкновенно по случаю какого-нибудь обстоятельства при рожденіи ребенка (напр. снѣгъ шелъ, дождь).

Браки возможны только между членами различныхъ родовъ. Эндогамическіе браки не допускаются.

Степени нашего кровнаго родства, а также свойства у Остяковъ почти не имѣютъ значенія, разъ только они не переходятъ границы даннаго рода. Такимъ образомъ единоутробные братъ и сестра, хотя-бы и происходящіе отъ отцевъ, принадлежащихъ къ двумъ разнымъ родамъ—жениться не могутъ: здѣсь стало быть имѣетъ еще значеніе кровное родство. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ строго приводится агнотическое родство, а именно: отецъ съ сыномъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ. Пасынокъ можетъ жениться на мачихѣ.

*) Такое прозвище дали Остяки между прочимъ профессору Якобію, къ которому они вообще почувствовали большое уваженіе.

Отецъ можетъ передать сыну свою молодую жену. Два брата могутъ жениться на родныхъ сестрахъ. Если одинъ братъ женится на хорошей, здоровой женщинѣ, то стараются и для другого брата взять ея сестру, въ надеждѣ, что и та будетъ хорошая (порода значитъ такая). Младшій братъ можетъ взять жену старшаго брата, но обратно—нельзя *). Дядя можетъ жениться на племянницѣ.

Вдова можетъ выйти въ родъ своего мужа, но въ свой прежній родъ воротиться не можетъ.

Одинъ и тотъ-же мущина можетъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ и т. д. Однимъ словомъ, обычай не признаетъ только тѣхъ браковъ, которые совершались-бы между членами одного и того-же рода, хотя за давностью лѣтъ, родственныя отношенія членовъ рода уже опредѣлены быть не могутъ.

По маловажнымъ преступленіямъ, гдѣ обѣ стороны—инородцы, Остяки и Самоѣды судятся по своимъ обычаямъ у своихъ старшинъ, которые часто бываютъ пристрастны и иногда берутъ взятки. Наказаніе обыкновенно замѣняется платой въ пользу обиженнаго.

За кражу взыскивается съ вора двойная или тройная стоимость похищеннаго. Въ прежнее время пеня была четверная. Сокращеніе пени, вѣроятно объясняется или обѣдненіемъ инородцевъ или учащеніемъ кражъ. Бѣднаго вора, съ котораго взять нечего—сѣкутъ. Большое значеніе имѣетъ очистительная присяга: она часто освобождаетъ обвиняемаго даже при наличности прямыхъ уликъ. Присяга состоитъ въ томъ, что обвиняемый кусаетъ медвѣжью лапу, при чемъ говоритъ: «если я виновенъ, то пусть меня съѣстъ звѣрь».

*) Обязательнаго «ужичества» или левирата однако не существуетъ.

Остяки, при личныхъ сношеніяхъ съ ними, производятъ очень хорошее впечатлѣніе—кроткаго, добраго и честнаго народа. Остяки довольно рѣдко воруютъ: остановившись въ остяцкой юртѣ, вы можете не опасаться за цѣлость вашего багажа. Остяки очень любятъ дѣтей: я лично никогда не видѣлъ, чтобы родители били своихъ ребятишекъ. Остяцкія дѣти никогда не бьютъ и не мучаютъ животныхъ, игры ихъ не имѣютъ въ себѣ ничего звѣрскаго и жестокаго. Иногда говорятъ о нѣкоторой половой распущенности Остяковъ; но распущенность эта не особенно велика и не представляетъ ничего особеннаго, сравнительно съ уровнемъ общечеловѣческой нравственности; да и объясняется она скорѣе чисто физіологическими причинами: Остятки отличаются довольно страстнымъ темпераментомъ, чѣмъ отличаются, кажется, отъ Самоѣдокъ.

Въ остяцкой юртѣ всегда чувствуешь себя какъ-то хорошо: гостепріимные хозяева рады угостить чѣмъ могутъ и, поговорить о своихъ дѣлахъ. Сколько восторга возбуждаетъ въ дѣтяхъ какой нибудь кусокъ сахару или булки, который дашь этимъ замазаннымъ, растрепаннымъ, но милымъ и довѣрчивымъ малышамъ.

За послѣднее время, газеты часто сообщали извѣстія о поѣздкѣ заслуженнаго профессора Казанскаго Университета А. И. Якобія въ сѣверныя области Тобольской губерніи. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ въ прошломъ году въ Обдорскѣ и не могу удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Съ цѣлью изслѣдовать на мѣстѣ, причины вымиранія инородцевъ, выяснить мѣры къ облегченію ихъ участи, а также и самому непосредственно

участвовать въ организаціи помощи инородцамъ, проф. Якобій предпринялъ рядъ поѣздокъ въ Березовъ, Сургутъ, въ Обдорскъ и оттуда дальше къ Обской Губѣ, въ отдаленный Надымскій край. Преклонный возрастъ и слабое здоровье не помѣшали взяться за дѣло съ замѣчательной энергіей. Во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ сквозитъ горячая любовь къ дикарямъ, желаніе поднять ихъ и защитить.

Отношеніе стараго профессора къ Остякамъ, производитъ трогательное впечатлѣніе: бывало онъ заходилъ въ ихъ бѣдныя юрты, носилъ дѣтямъ игрушки, все осматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ.—И Остяки очень полюбили этого добродушнаго, словоохотливаго, симпатичнаго старика. Въ остяцкой юртѣ, профессоръ какъ-бы олицетворялъ собою первый лучъ свѣта той могучей и далекой цивилизаціи, которая до сихъ поръ такъ мало добраго принесла дикарямъ.

Подобно всѣмъ дикарямъ, обдорскіе инородцы сталкивались преимущественно съ хищническими элементами—вообще съ оборотной стороной русской цивилизаціи. Въ лицѣ-же проф. Якобія, они встрѣтили одного изъ представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русскаго общества, которая живетъ любовью къ родинѣ на основѣ общечеловѣческихъ идеаловъ. И Остяки по своему оцѣнили этого представителя русской интеллигенціи: они относились къ нему съ довѣрчивою любовью и уваженіемъ и прозвали его: вуул—хой (большой человѣкъ).

Пламенный, чисто юношескій энтузіазмъ и горячій идеализмъ этого человѣка, минувшаго поколѣнія, идетъ рука объ руку съ трезвеннымъ отношеніемъ къ дѣлу и умѣньемъ вѣрно оцѣнивать людей. Распрашивая Остяковъ, онъ вникалъ въ мель-

чайшія подробности, строя свои планы, онъ все взвѣшивалъ и расчитывалъ.

Только ужъ слишкомъ много надеждъ возлагалъ старикъ на помощь нашего общества; да еще замѣчался одинъ недостатокъ: горячо преданный Остякамъ, онъ слишкомъ скептически и худо относился къ мѣстному русскому и зырянскому населенію и пренебрегалъ его интересами.

А между тѣмъ—именно это русско-зырянское населеніе дало профессору тѣхъ даровитыхъ и преданныхъ помощниковъ, безъ которыхъ ему-бы не собрать никогда точныхъ свѣдѣній о краѣ, которые сопровождали его въ путешествіи и которые въ сущности только и могутъ быть хорошими исполнителями задуманныхъ плановъ.

Одна изъ главныхъ мѣръ, которую задумалъ А. И. Якобій—это учрежденіе миссіонерскаго пункта съ культурными и образовательными задачами въ мѣстности, удаленной отъ вліянія русскихъ купцовъ и промышленниковъ.

Вліяніе это сказывается не только на Остякахъ, но и на самихъ миссіонерахъ. Затѣмъ, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы правительство на сколько возможно, взяло-бы въ руки снабженіе инородцевъ необходимыми для нихъ товарами.

Въ № 208 „Русск. Вѣд.“ за 1895 г., я съ удовольствіемъ прочиталъ корреспонденцію изъ Тобольска, гдѣ сообщается о томъ, что проф. Якобій прочиталъ еще въ Мартѣ двѣ публичныхъ лекціи объ Остякахъ.

«По окончаніи доклада проф. Якобія», говорится въ корреспонденціи, „Начальникъ Тобольской губерніи Н. М. Богдановичъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, гдѣ происходило чтеніе, сказалъ краткую рѣчь на ту тему, что благодаря энергіи профессора освѣщены темныя стороны жизни сѣ-

вера, и для того, чтобы профессоръ былъ увѣренъ, что его труды не пропали даромъ, что хоть часть изъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагалъ профессоръ для улучшенія положенія инородцевъ, будетъ исполнена, онъ лично даетъ обѣщаніе профессору, что тѣ мѣры, которыя въ его власти, будутъ проведены въ жизнь безъ канцелярскихъ проволочекъ, съ 1-го Января 1896 года, именно: запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ, ограниченіе въѣзда Зырянъ, насколько это дозволяетъ законъ, и расширеніе дѣятельности казенныхъ магазиновъ снабженіемъ ихъ не только мукой, но и другими предметами, необходимыми для инородцевъ".

XI.

Кругооборотъ обдорской жизни въ продолженіи года.—Замѣчанія о климатѣ.—Масляница въ Обдорскѣ.—Обдорская весна.—Бѣлыя ночи.—Начало рыболовнаго сезона «Вонзь идетъ!»—Прибытіе Тоболяковъ. — Рыбный промыселъ.—Тундра лѣтомъ и осенью.—Возвращеніе съ промысловъ.—Прибытіе пароходовъ.—Свистокъ парохода подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. Сдача рыбы и прижимки со стороны Тоболяковъ.—Зима. — Ѣзда на собакахъ. Тундра зимой. — Сравнительная таблица температуры въ Обдорскѣ и въ Петербургѣ.—Сѣверныя сіянія.

Жизнь въ Обдорскѣ, идетъ правильнымъ годовымъ кругооборотомъ, опредѣляясь смѣной временъ года. Обозрѣніе этого кругооборота общественной и торговопромышленной жизни Обдорска, всего удобнѣе начать съ Февраля. Кстати будемъ говорить и о климатѣ Обдорска; можетъ быть это и пригодится кому нибудь изъ читателей, которому почему нибудь придется прогуляться въ „тундры Сѣвера". Пока скажемъ о климатѣ вообще, что въ

Обдорскѣ онъ хотя суровъ, но довольно здоровъ. Въ Обдорскѣ нѣтъ никакихъ лихорадокъ и т. п. мѣстныхъ болѣзней, которыя такъ отравляютъ жизнь, на другихъ—южныхъ нашихъ окраинахъ.

Читатель пожалуй улыбнется, когда я ему скажу, что изъ разговоровъ съ лицами, бывавшими въ Туркестанѣ и на Кавказѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ Обдорскѣ можно прожить съ гораздо меньшимъ ущербомъ для здоровья, чѣмъ въ упомянутыхъ „благословенныхъ краяхъ“. За четыре года своего пребыванія на Сѣверѣ, я не замѣтилъ никакихъ ухудшеній въ своемъ здоровьѣ, тоже скажутъ и всѣ долго бывшіе въ Обдорскѣ, если только жизнь ихъ была обставлена сколько нибудь сносно въ матеріальномъ отношеніи.

Если, что вредно отзывалось на многихъ пріѣзжихъ, такъ это тоска, являвшаяся слѣдствіемъ отсутствія общества и развлеченій, хотя и въ этомъ отношеніи Обдорскъ, какъ увидимъ дальше, ни сколько не хуже многихъ уѣздныхъ городовъ.

И такъ начнемъ съ Февраля.

Зима еще въ полной силѣ. Зима продолжается въ Обдорскѣ около 8-ми мѣсяцевъ, считая съ половины Сентября до половины Мая; морозы доходили при мнѣ до—45° по R. Средняя температура зимы около—15° R. Вообще въ Западной Сибири, зимой не такъ холодно, какъ въ Восточной, подъ тѣми-же сѣверными широтами, за то и лѣтомъ не такъ жарко. Обдорская зима не столько страшитъ своими морозами, сколько надоѣдаетъ своей продолжительностью. Въ началѣ Февраля утихаетъ сумятица ярмарки, купцы уѣзжаютъ съ пушнымъ товаромъ въ Ирбитъ. Начинается самый глухой сезонъ обдорской жизни. До самаго вскрытія рѣкъ, замираетъ торгово-промышленная жизнь Обдорска. Самоѣды со своими стадами уходятъ по направле-

нію на Сѣверъ, запасаясь у Обдорянъ необходимыми для нихъ предметами: печенымъ хлѣбомъ, сукномъ, разнаго рода утварью, (котлы, чайники, чашки), оружіемъ и инструментами (ножи, топоры, напилки, ружья, арканы, капканы, пешни *) и украшеніями (разнаго рода погремушки и колокольчики, которыми обвѣшиваютъ свои капоры Самоѣдки).

Все это забирается преимущественно въ кредитъ съ обязательствомъ отдать долгъ пушнымъ товаромъ къ слѣдующей ярмаркѣ. Напр.: даетъ Обдорянинъ Самоѣду 1 пудъ хлѣба, который ему стоитъ, положимъ, 1 рубль, а Самоѣдъ ему долженъ возвратить песца, цѣною около 2 р. 50 коп.

Нѣсколько оживляются Обдоряне на масляницѣ. Еще за недѣлю начинаютъ устраивать катушки (ледяныя горы), чтобы кататься съ нихъ на „кованкахъ“, „санкахъ“, а то такъ просто на желѣзныхъ листахъ или на кожѣ.

Катушки освѣщаются цвѣтными фонарями, которые сами клеютъ устроители катушки. Катушки устраиваются компаніями, нарочно для этого составляемыми. Одни сгребаютъ снѣгъ, устраиваютъ бѣгъ, другія возятъ воду и поливаютъ „катушку“.

Это единственный случай въ Обдорскѣ, гдѣ вполнѣ успѣшно примѣняется принципъ ассоціаціи.

Обыкновенно конкуррируютъ двѣ или три компаніи; каждая старается какъ можно лучше украсить катушку, чтобъ ходило больше народу, особенно барышень. Вечеромъ зажигаютъ фонари и

*) Пешня—желѣзный наконечникъ въ видѣ острія копья для шеста, которымъ погоняютъ оленей. Пешня—служитъ украшеніемъ, а частью оружіемъ отъ волковъ, а также, чтобы отталкиваться, когда въ гололедицу олени не могутъ идти при противномъ вѣтрѣ. Пешня кромѣ того перетягиваетъ шестъ (хорей), такъ его удобнѣе держать. Оленей погоняютъ другимъ концемъ, на которомъ придѣланъ деревянный шарикъ.

катушка оживляется; несмотря на жестокіе морозы, Обдоряне веселятся отъ души.

Въ этомъ году почти всю маслянку стояли морозы около 45° R. Морозная пыль и паръ отъ дыханья толпы, стояли надъ катушкой. Синіе, красные, желтые и зеленые фонари тускло мерцали сквозь облако пара и ночную мглу. Фигуры Обдорянъ, то бѣгущихъ съ санками на гору, то стрѣлой—съ шумомъ и грохотомъ летѣвшихъ внизъ по бѣгу, имѣли какой-то фантастическій видъ: точно адъ съ чертями. Иногда эта картина освѣщалась такимъ свѣтомъ, передъ которымъ меркнетъ всякая иллюминація человѣческихъ рукъ: на небѣ разыгрывалось сѣверное сіяніе. Веселый говоръ, смѣхъ, грохотъ «кованковъ» (салазки) какъ-то раззодаривали и манили на катушку. Мнѣ сперва казалось, что при такомъ страшномъ морозѣ, какое ужъ катанье?

Но потомъ, я соблазнился и побѣжалъ съ санками къ толпѣ. Оказалось, что ничего, можно: малица и пимы прекрасно защищали отъ холода и не прошло и получаса, какъ я уже немного даже вспотѣлъ. Катаются и по одному и по двое: кавалеръ съ дамой. Въ прощёное Воскресенье, иногда устраиваютъ проводы масляницы: какъ-то разъ, идя по улицѣ, я услыхалъ какіе-то странные дикіе звуки: тутъ былъ и звонъ колокольцевъ, и грохотъ бубна, и пронзительные звуки гармошки. Обернувшись въ ту сторону, я увидалъ оригинальное зрѣлище: въ крестьянскіе дровни, завѣшанные рогожей, была впряжена лошадь, тоже вся въ рогожѣ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ. На ноги лошади, были натянуты старые рваные портки и даже сапоги. Изъ подъ рогожнаго шатра, укрѣпленнаго на дровняхъ вмѣстѣ съ какимъ-то соломеннымъ чучеломъ, неслись дикіе звуки. Это были проводы широкой

КОСТРОМСКАЯ Центр. Научная Библиотека

масляницы. Старый русскій обычай еще хранится на дальнемъ Сѣверѣ. Вечеромъ, въ прощенное Воскресенье еще разъ катаются на катушкѣ. Катаются до ночи, съ особеннымъ оживленіемъ, больше ужъ не придется за цѣлый годъ. Догораютъ свѣчи и гаснутъ одинъ за другимъ разноцвѣтные бумажные фонари.

Катушка темнѣетъ. Пора расходиться. Жалко Обдорянамъ разставаться съ катушкой, и грустной ноткой звучатъ прощальныя слова расходящейся молодежи: «прощай катушка! простите всѣ!» *)

Наступаетъ Великій Постъ и религіозное населеніе Обдорска начинаетъ „поставать“ (говѣть)— „Полно ужъ вамъ чертей мутить“ ворчатъ на молодежь старушки, и церкви наполняются сокрушающимися о своихъ грѣхахъ. Посты въ Обдорскѣ соблюдаютъ строго, хотя и попадаются вольнодумцы, разсуждающіе на ту тему, что, дескать, „не входящее въ уста, а исходящее изъ устъ оскверняетъ человѣка“.

Скучно и однообразно проходятъ конецъ Февраля, Мартъ, Апрѣль и начало Мая. Въ это время за то больше всего читаютъ. Число выданныхъ книгъ изъ обдорской библіотеки, разрѣшеніемъ которой село обязано теперешнему Губернатору Н. М. Богдановичу, доходитъ въ это время до 300.

Весна долго заставляетъ себя ждать. Зима страшно надоѣдаетъ, тѣмъ болѣе, что въ это время всего чаще бураны и рѣже сѣверныя сіянія эта краса нашего крайняго Сѣвера. Понемногу прибываетъ день.

Въ началѣ Апрѣля я уже ходилъ безъ фонаря

*) Особенность обдорской масляницы, между прочимъ, та, что почти вовсе не пекутъ блиновъ.

на метеорологическую будку въ 9 час. вечера; а съ 5—7 Мая можно уже читать безъ огня всю ночь на пролетъ. Съ этого времени вплоть до Іюля пойдутъ бѣлыя ночи. Солнце только на поль-часа зайдетъ за Уралъ и опять снова показывается. Меня это раздражало, даромъ, что Петербуржецъ. Стоитъ круглыя сутки солнце на небѣ; что день, что ночь—все одно. Начинаешь тосковать по звѣздномъ небѣ и по лунѣ.

Таянье снѣга начинается только съ конца Апрѣля и съ начала Мая, но зато, какъ скоро идетъ дѣло этого незаходящаго солнца въ открытой, безлѣсной тундрѣ. На тундрѣ, по буграмъ, чернѣютъ проталинки, гремятъ ручьи, прилетаютъ вороны, лебеди, гуси, утки, пѣтушки.

Но не радуетъ сердца обдорская весна. Воздухъ не наполняется ароматами распускающихся почекъ, (да есть-ли почки у тѣхъ розогъ и палокъ, которыя замѣняютъ деревья въ Обдорскѣ? замѣчу я какъ не ботаникъ); птички не оглашаютъ своимъ веселымъ щебетаньемъ унылой, грязно-бурой тундры и блѣднаго полярнаго неба; только одни пѣтушки гнусливо курлыкаютъ по буграмъ. Весна въ Обдорскѣ, если такъ можно выразиться, исключительно метеорологическая: измѣняется температура, таетъ снѣгъ, прибываетъ день.

Все это достаточно для записыванья въ «книжку наблюденій» и для составленія ежемѣсячныхъ таблицъ, представляемыхъ потомъ въ Главную Физическую Обсерваторію, но для души, для самочувствія живаго человѣка, всю долгую зиму мазавшаго свой носъ гусинымъ жиромъ отъ отмороженья— это слишкомъ мало.

Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а иногда и

въ началѣ Іюня *). Съ начала Апрѣля и до начала Іюня, благодаря распутицѣ, Обдорскъ не получаетъ почты **) и вообще отрѣзанъ отъ всего остального міра.

Понятно съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ждутъ почты. На «яру» (крутой высокій берегъ), гдѣ стоитъ бесѣдка, построенная лѣтъ 10 тому назадъ политическимъ ссыльнымъ Щетинскимъ, постоянно толпится народъ съ биноклями и подзорными трубами. Всѣ высматриваютъ, не плыветъ-ли каюкъ съ почтой, или паузокъ тобольскаго промышленника, поспѣшающаго на рыбный промыселъ.

Со вскрытіемъ рѣкъ, Обдорскъ оживаетъ. Рыбопромышленники дѣятельно снаряжаются къ отправкѣ на низъ. Оригинальную и оживленную картину представляетъ тогда берегъ Полуя. Песчаная береговая полоса вся усѣяна разнаго рода „посудами“; тутъ и тяжелые „неводники“ (большія лодки), и маленькія городовушки и бадьяновки.

Мѣстами виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ, каюковъ и паузковъ, уже совсѣмъ оснащенныхъ и готовыхъ къ отправкѣ. По берегу горятъ костры, на которыхъ кипятъ котлы со смолой. Промышленники суетятся около своихъ посудъ, конопатятъ, смазываютъ, сталкиваютъ ихъ на воду. Хорошо въ это время въ ясный весенній день пройтись по берегу. Что-то здоровое, бодрящее въ этомъ воздухѣ, на-

---

*) Число, дней, когда рѣки свободны отъ льда, среднія за 6 лѣтъ: Полуй—127; Обь—141 день.

**) Почтоваго отдѣленія въ Обдорскѣ нѣтъ. Почта идетъ (два раза въ мѣсяцъ) изъ Тобольска до Березова, а оттуда съ оказіей передается въ Обдорскъ. Отправки изъ Обдорска и полученія—бываютъ около двухъ разъ въ мѣсяцъ. Письмо идетъ отъ Обдорска до Петербурга 5—6 недѣль. Зимой—скорѣе, чѣмъ лѣтомъ, когда держатъ вѣтра. Послѣ распутицы приходилось иногда получать 10-го Іюня, письма отправленныя изъ Петербурга 20-го Февраля или 1-го Марта.

коенномъ запахомъ смолы и дыма и въ оживленномъ говорѣ дружно работающей толпы.

Сѣверяне промышленники представляются здѣсь съ своей лучшей, симпатичной стороны и невольно желаешь имъ всѣмъ отъ души хорошаго улова. Всѣ ждутъ „воньзя“. Воньзь (остяцкое слово) означаетъ первый подъемъ рыбы съ моря. Тутъ рыбы бываетъ всего больше и уловъ воньзя, нерѣдко окупаетъ затраты на весь лѣтній рыболовный сезонъ. Слова: „воньзь идетъ“, какъ электрическій токъ пролетаютъ по селу, и всѣ встрепенутся и засуетятся. Больше нельзя ждать ни одного дня.

Между тѣмъ, къ Обдорску начинаютъ подплывать съ верху тобольскіе купцы и промышленники. Это опасные конкурренты для Обдорянъ: значительная часть всей низовой рыбы (едва-ли $^{9}/_{10}$) ловится ими. Они ловили-бы и больше, но дальность разстоянія и бури многоводной Оби держатъ ихъ суда и мѣшаютъ имъ попасть къ воньзю.

Тоболяки приплываютъ на паузкахъ и баржахъ. Баржи, кромѣ законтрактованныхъ въ Тобольскѣ рабочихъ и разныхъ предметовъ, необходимыхъ для рыбной ловли, везутъ еще товары: хлѣбъ (всего отъ 20 до 40 тысячъ пудовъ ежегодно), соль, разнаго рода мануфактуры, частью закупленныя на Ирбитской ярмаркѣ, частью издѣлія кустарей Тобольскаго округа, (рыболовныя принадлежности: неводная мережа, сѣти, кибасы (грузила), наплавы, (поплавки), варавины и веревки, лодки и пр.—представляютъ издѣлія кустарей преимущественно тобольскаго округа). Товары эти частью принадлежатъ тобольскимъ купцамъ Бронникову и Корнилову, имѣющимъ въ Обдорскѣ свои лавки, частью привозятся по заказу обдорскихъ купцовъ, у которыхъ тоже лавки въ селѣ.

Баржи идутъ безъ всякаго буксира „по низъ

воды", т. е. по теченію. Для того, чтобы баржу не пришивало къ берегу, употребляется «рыскъ», состоящій въ слѣдующемъ: если баржу прибьетъ слишкомъ близко къ берегу, то завозятъ якорь въ направленіи отъ баржи къ другой сторонѣ рѣки перпендикулярно къ береговой линіи и бросаютъ его. Тогда теченіемъ рѣки баржа, естественно; отдаляется отъ берега и выравнивается по линіи, идущей вдоль русла отъ той точки, гдѣ брошенъ якорь. Когда мѣшаетъ встрѣчный вѣтеръ, то употребляютъ „водяной парусъ". Для этого къ носовой части баржи привязывается за корень—цѣлое дерево (ель) съ необрубленными вѣтвями верхушкой внизъ. Къ верхушкѣ привязывается камень, чтобы «парусъ» опустился въ воду отвѣсно. Напоръ воды двигаетъ баржу внизъ по теченію, не смотря на встрѣчный вѣтеръ.

Если иногда приходится плыть противъ теченія, напр. подымаясь по Сосьвѣ къ Березову или по Полую къ Обдорску, то плывутъ „завозомъ", т. е. завозятъ впередъ баржи якорь, бросаютъ его и потомъ притягиваются къ нему (при этомъ иногда бываютъ несчастія съ людьми, если канатъ лопнетъ).

Такого рода передвиженіе, хоть и не очень скоро, но за то очень дешево, благодаря чему цѣны на продукты въ Обдорскѣ не очень высоки, если принять во вниманіе отдаленность его отъ рынковъ *).

*) Такъ пудъ ржаной муки обыкновенно около 90 к. (отъ 65 к.—1 р. 40 к.), смотря по привозу. Керосинъ 8—10 к. за фунтъ; свѣчи стеариновыя 25—30 к. фунтъ; сахаръ 20—25—30 к. фунтъ; медъ 25 к. за фунтъ, масло коровье «чухонское»—20—25—30 к. за фунтъ, спички безопасныя—10—12, рѣдко 15 к. пачка; водка углевка—50 к. бутылка; столовая водка за печатью—70 к. бутылка; соль—2—3 к. фунтъ; уксусная эссенція на 4 бут.—40 коп. стклянка. Обувь въ Обдорскѣ тоже не дорога (опойковые сапоги—6 руб.; личные—4 –5 рублей).

Многіе продукты привозятся довольно плохого качества. Тоже можно сказать объ обуви и о разнаго рода матеріяхъ. Раньше было еще хуже, но и теперь московскіе и др. фабриканты любятъ сбывать въ Сибирь браковку.

Товаръ закупается на Ирбитской ярмаркѣ, потому, что все равно туда надо ѣхать сбывать пушнину.

Въ другихъ мѣстахъ Сибири купечество уже завязало непосредственныя сношенія съ русскими фабрикантами.

Время вскрытія рѣкъ открываетъ начало охотничьяго сезона Здѣсь стрѣляютъ гусей, лебедей, утокъ, пѣтушковъ (родъ куликовъ). Прежде дичи бывало гораздо больше, хотя и теперь хорошій стрѣлокъ возвращается часто весь обвѣшанный утками. Утки очень дешевы, особенно въ періодъ линянія, когда Остяки ловятъ ихъ сѣтями («кисканы») копѣекъ 5 за штуку. Гуси, гуменники доходятъ до 1 руб. Лебяжьи шкуры очень дешевы: копѣекъ 10 за штуку.

Наконецъ, большая часть населенія уѣзжаетъ «на низъ». Обдорскъ пустѣетъ. Проходя по улицѣ, часто видишь избы съ заколоченными ставнями. Въ иныхъ домахъ остаются только женщины и дѣти; впрочемъ тѣ, которые уѣзжаютъ далеко и впродолженіи лѣта не паѣзжаютъ въ село, берутъ съ собой и семейства.

Рыбу ловятъ, какъ и вездѣ по Оби, преимущественно, неводами. Есть и разные другіе способы рыбной ловли, но о нихъ мы говорить не будемъ, такъ какъ очерки наши и безъ того растянулись. Общественная форма промысла почти исключительно предпринимательская, если не считать ловли съ «полуневода», т. е. уловъ дѣлится пополамъ, между

хозяевами лодки и невода съ одной стороны, и работавшими безъ своихъ орудій—съ другой.

Большинство обдорскихъ промышленниковъ—мелкіе, нанимающіе около 5—7—12 рабочихъ. Нѣкоторые имѣютъ и больше, иные и до 100 человѣкъ; рабочими являются частью Русскіе и Зыряне изъ обдорскихъ жителей, частью (значительное большинство)—Остяки. Рабочая плата колеблется отъ 5—7 руб. до 30—50 руб. за лѣто. Какъ среднюю цифру можно принять 20 рублей. Такъ какъ многія работы не требуютъ ни силы, ни умѣнья, то нанимаютъ часто мальчиковъ, почти дѣтей, а также стариковъ и калѣкъ. Вотъ этимъ-то и дается такая нищенская плата, какъ 5—7 руб. за лѣто. Работа на промыслахъ не идетъ непрерывно, а спорадически—во время хода рыбы и её нельзя назвать особенно тяжелой; большинство хозяевъ сами неводятъ на ряду со своими рабочими. Содержаніе рабочихъ хозяйское: хлѣбъ, рыба, чай; кромѣ того хозяинъ выдаетъ рабочему пару бродней и суконный гусь.

Рыболовные пески снимаются въ аренду у инородцевъ. Плата на песокъ въ лѣто обыкновенно отъ 20 до 70 рублей, доходитъ и до 300, бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ и больше. Промыселъ начинается въ низовомъ краю съ конца Мая или начала Іюня и продолжается до конца Августа.

Начинается лѣто. Оживаетъ чахлая растительность. Острова и отмели Полуя покрываются травой; на лазури водъ ярко выступаютъ изумрудно-зеленые луга этихъ логунъ, гдѣ потомъ около Петрова дня Обдоряне будутъ косить сѣно. Оживаетъ и печальная тундра: грязно-бурая окраска ея переходитъ въ зеленѣющую. Подальше отъ села, особенно по южнымъ склонамъ, встрѣчаются разные

цвѣточки: колокольчики, шиповникъ, незабудки, а также ягодные цвѣты.

Лѣто въ Обдорскѣ короткое, не больше полутора мѣсяца, съ половины Іюня до Августа: въ это время можно даже купаться, хотя больше 20—25 разъ мнѣ ни въ одно лѣто не приходилось купаться. Обдоряне купаются очень рѣдко и большинство вовсе не умѣютъ плавать.

Остающіеся въ Обдорскѣ, преимущественно служащіе, устраиваютъ иногда прогулки на лодкахъ и пикники въ окрестности Обдорска. Но все удовольствіе прогулки уничтожается тучами мошекъ и комаровъ, отъ которыхъ ничто не спасаетъ. Многіе надѣваютъ на лицо сѣтки смазанныя дёгтемъ, но и это не помогаетъ. Въ самомъ селѣ, мошекъ и комаровъ нѣтъ, но стоитъ только выйти въ тундру, такъ и облѣпятъ. Только, когда подуетъ холодный вѣтеръ съ Урала, мошкора исчезаетъ, но тогда и гулять не особенно пріятно. Термометръ лѣтомъ не подымается выше $+20^{0}$ R., что бываетъ очень рѣдко. Обыкновенная температура $+10—12^{0}$ R. въ тѣни.

Съ середины Августа начинается уже осень: тундра темнѣетъ, принимая какой-то бурый колоритъ. Съ Сентября начинаются заморозки. Часто снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ Сентября, хотя долго не держится. Окончательно покрывается земля снѣгомъ около 1-го Октября.

Къ концу Августа снова оживляется Обдорскъ: къ этому времени съѣзжаются промышленники съ своихъ рыболовныхъ заведеній, разбросанныхъ почти до самой Обской Губы. Выйдя на яръ, всегда увидишь каюки, идущіе на веслахъ или парусахъ по Полую. Скоро весь берегъ усѣянъ лодками. Всюду толпится народъ. Воздухъ пропитанъ запахомъ рыбы, идетъ оживленный говоръ объ удачахъ и

неудачахъ промысла. Всѣ ждутъ пароходовъ, которые пріѣдутъ за рыбой. Первый пароходъ приходитъ обыкновенно 29—30 Августа, послѣдній—не позже 5—7 Сентября, Всего пароходовъ приходитъ въ это время 5—6. Изъ Тобольска они идутъ по теченію и притомъ безъ буксируемыхъ баржъ, отчего почти 1500 верстъ до Обдорска проходится очень скоро 3—4 дня.

Стоитъ проѣздъ довольно дешево: каюта рублей 10—15; это самое удобное, въ смыслѣ дешевизны и быстроты, время для того, чтобы пріѣхать въ Обдорскъ. Только вотъ обратный путь дологъ. Назадъ въ Тобольскъ пароходы идутъ около 3-хъ недѣль.

Приходъ пароходовъ ожидается съ нетерпѣніемъ. На яру толпится публика, многіе съ биноклями: всѣ напряженно смотрятъ на свѣтлую полосу Оби, не покажется-ли дымокъ изъ трубы. Въ это время, Обдоряне напоминаютъ какихъ-то Робинзоновъ, ожидающихъ на своемъ островѣ, не покажется-ли европейское судно.

Прибытіе перваго парохода составляетъ цѣлое событіе. Особенно эффектно выходитъ, когда пароходъ подходитъ въ темную, осеннюю ночь.

Издали видны снопы искръ, вылетающихъ изъ трубы, гулко раздается по водѣ шумъ колесъ. Весь яръ покрытъ народомъ: тутъ и ряса священника-миссіонера и мундиръ засѣдателя и малицы, малицы безъ счета. Вся эта толпа забытыхъ обитателей тундры напряженно ждетъ. Вотъ раздается свистокъ... Читатель, не бывавшій на крайнемъ Сѣверѣ, никогда не представитъ себѣ того впечатлѣнія, которое производитъ свистокъ парохода подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ!.. На минуту забывается тоска и чувство одиночества и заброшенности. Пароходный свистокъ кажется какимъ-то голосомъ

изъ родной стороны, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ среди всякихъ благъ цивилизаціи и широко развитой общественности. И хотя въ глубинѣ души понимаемъ, что и «тамъ» въ родной сторонѣ жизнь въ сущности такъ-же безцвѣтна, пошла и безцѣльна, какъ и здѣсь въ тундрѣ, но все таки хоть на минуту чувствуешь какую-то иллюзію, какія-то надежды.

Вотъ наконецъ пароходъ присталъ. Спускается трапъ и толпа валитъ на палубу. Кто встрѣчаетъ пріѣхавшихъ знакомыхъ и родныхъ, кто спѣшитъ покупать разные, рѣдкіе фрукты, какъ-то: огурцы, капусту, рѣпу, а иногда яблоки и арбузы, привозимые изъ степнаго края.

Костромская Центр. Городская Библиотека

Другіе, просто толкаются по палубѣ и дивятся на давно не виданные предметы. Особенно интересуетъ Обдорянъ, пароходная машина. Съ чувствомъ непонятнаго для читателя волненія, подхожу и я къ этой машинѣ и не нагляжусь на сталь и мѣдь ея могучихъ и блестящихъ рычаговъ, валовъ и поршней... Людямъ, къ которымъ никто не пріѣхалъ и, которымъ некого ждать, остается послѣ этого отправиться въ буфетъ пить пиво, котораго въ обдорскомъ кабакѣ не достанешь. Они это и дѣлаютъ, и когда потомъ спотыкаясь и ковыляя, они бредутъ по домамъ, то для всякаго встрѣчнаго вполнѣ несомнѣнно, что пароходъ пришелъ.

Постоявъ день, пароходъ идетъ дальше на низъ Оби забирать баржи и паузки крупныхъ рыбопромышленниковъ. Потомъ снова приходитъ «тудъ-хапъ» (огненная лодка) въ Обдорскъ и продолжаетъ нагружаться рыбнымъ товаромъ. Дней десять продолжается пароходное время и понемногу начинаешь привыкать къ мысли, что пароходъ, собственно говоря, вовсе ужъ не такое чудо, чтобы бѣжать на него дивиться. 10—14-го Сентября

*

уѣзжаетъ изъ Обдорска послѣдній пароходъ, увозя за собой баржи и паузки, нагруженные обдорской рыбой. Всего вывозится рыбы изъ Обдорска по приблизительному расчету мѣстныхъ жителей около 200,000 пудовъ на сумму около 300,000 рублей (покупная цѣна въ Обдорскѣ).

Обдоряне сдаютъ соленую „стоповую“ рыбу тобольскимъ купцамъ. Тѣ, пользуясь выгодами своего положенія (перевозочныя средства въ ихъ рукахъ, самихъ ихъ немного, можно всегда стакнуться) даютъ за рыбу очень дешево: мѣрный муксунъ *). (12 верш.) фунтовъ 6—8 вѣсомъ, идетъ иногда по 12—13 к. штука, какъ это было въ 1893 году. При этомъ безпощадно бракуютъ рыбу. Если не хватаетъ до мѣры (12 верш.) хоть полъ-пальца, то это уже не муксунъ, а недомуксунокъ, и цѣна ему 7—8 коп. Иногда употребляютъ такой пріемъ: сгибаютъ рыбу въ дугу и мѣряютъ по хордѣ.

Плачутся Обдоряне, да куда съ рыбой дѣнешься? Ну и приходится продавать по чемъ дадутъ. Истинную цѣну, по которой сдается рыба, не всегда можно узнать. Часто Тоболякъ, купивъ у Обдорянина муксуна по 15 коп., беретъ съ него обѣщаніе говорить всѣмъ, что продалъ по 12—13 коп., чтобы такимъ образомъ не повышать цѣны.

Иногда покупщикъ, купивъ партію по 13 коп., прибавляетъ продавцу рублей 100, о чемъ конечно умалчивается: такъ что прочіе Обдоряне думаютъ, что сдача произведена по 13 коп. (о прибавкѣ не знаютъ) и сами тоже продаютъ по той-же номинальной цѣнѣ, но уже безъ прибавки.

Уѣхали пароходы и сново затихаетъ „Сѣверная столица“. Замираетъ и природа. Тундра имѣетъ

---

*) Свѣжій мороженный муксунъ продается теперь въ Петербургѣ въ рыбныхъ лавкахъ по 30 к. фунтъ.

самый безотрадный видъ. Далеко въ безпредѣльное пространство, уходитъ ея неровная бугристая поверхность, покрытая мхомъ и пожелтѣвшей теперь осокой. Чахлыя деревца съ облетѣвшими листьями, кажутся издали какой-то паутиной, покрывающей неровности почвы.

Печальны теперь ямы и озерки, гдѣ уже не встрѣтить, какъ прежде, цѣлыхъ стай дикихъ утокъ.

Вода сбыла, и обнажилась грязная „няша“ (илъ, глина) Полуйскихъ береговъ. Во время весенняго половодья вода разливается на такое пространство, что рѣки Полуй и Обь сливаются въ одно сплошное, водное пространство, такъ, что Обдорскъ точно стоитъ на берегу какого-то моря, усѣяннаго островками, гривками и полу-затопленными талами (ива).

Когда вы ѣдете по Оби, то иногда трудно сказать, гдѣ верховье рѣки, гдѣ низъ, гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона. Рѣка разливается по „сорамъ“ *) мѣстами верстъ на 40 въ ширину, раздѣляется на многочисленные рукава. Вы плывете, то по какому-то озеру, которое кажется замкнутымъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, то въѣзжаете въ узкую протоку, идущую черезъ наполовину затопленный лѣсъ. Только правый высокій берегъ нѣсколько помогаетъ ориентироваться.

Но вотъ наступаетъ зима съ ея морозами и буранами. Рѣки замерзаютъ въ серединѣ Октября, а въ концѣ этого мѣсяца уже переходятъ за Обь оленеводы, идущіе мимо Обдорска на Юго-Востокъ, гдѣ потеплѣе. Оленеводы—Зыряне привозятъ мерзлое оленье мясо и нѣсколько дней оживляютъ село

*) Соръ—это озеро, остающееся послѣ спода воды. Соръ то сливается съ Обью, то остается отдѣленнымъ отъ нея.

своей джигитовкой съ уханьемъ и свистомъ. День становится все короче. Въ Декабрѣ, читать безъ огня можно только отъ 10 ч. утра до 1 ч. дня.

Все покрыто снѣгомъ; по улицамъ скользятъ легкія нарты, запряженныя оленями и небольшія саночки, на которыхъ собаки возятъ дрова и воду. Ѣзда на собакахъ довольно неудобна. Это животное, вообще весьма не глупое, никакъ не можетъ помириться съ своею ролью двигательной силы и сколько нибудь серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ. Собаки то и дѣло забѣгаютъ во всѣ встрѣчныя ворота и грызутся съ другими собаками, опрокидывая санки и проливая воду. Если вы на улицѣ встрѣтите собакъ въ упряжкѣ, то совѣтую посторониться, иначе они бросятся и покусаютъ васъ.

Остяцкія собаки (бѣлыя съ лисьей мордочкой, съ торчащими ушами и съ загнутымъ кверху пушистымъ хвостомъ) вообще довольно смирныя и умныя, когда же везутъ, всегда находятся въ самомъ озлобленномъ настроеніи и яростно бросаются на всѣхъ встрѣчныхъ. Зима въ Обдорскѣ не столько страшна своими морозами (на морозѣ человѣкъ скорѣй бѣгаетъ) *) сколько надоѣдаетъ своей продолжительностью.

Часто въ лунный вечеръ, я отправлялся погулять по тундрѣ. Тундра тогда довольно хороша. Снѣгъ весь облитъ серебристымъ свѣтомъ и луна бросаетъ рѣзкую, почти черную тѣнь на волнообразную поверхность бѣлаго покрова. Небо чисто и прозрачно, какъ кристалъ. Кругомъ нѣмая тишина. Только иногда по дорогѣ раздается тихій

*) Относительно морозовъ Обдоряне говорятъ, что тогда они себя легче и здоровѣе чувствуютъ. Да и я всегда предпочту обдорскій морозъ—петербургской слякоти.

топотъ и шелестъ—то Самоѣды ѣдутъ на оленяхъ. При лунномъ свѣтѣ они имѣютъ какой-то фантастическій видъ. Олени бѣгутъ изумительно легко по снѣгу, точно не касаясь земли, и легкія нарты точно также беззвучно скользятъ по снѣгу.

Мохнатыя фигуры Самоѣдовъ неподвижно сидятъ съ шестами въ рукахъ. Тундра въ эту пору на меня производитъ впечатлѣніе очень трудно передаваемое. Особенно унылаго нѣтъ ничего, страшнаго тоже нѣтъ; такъ что-то совсѣмъ безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, кромѣ тишины, спокойствія и какого-то величаваго равнодушія. Кажется, что тундра спитъ тихимъ сномъ. А какъ красиво

Кстати приведу выписку изъ «Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи». Я возьму 1889 годъ, какъ заключающій наиболѣе полныя данныя. Прилагаемая таблица содержитъ показанія температуры по Цельзію въ Обдорскѣ и въ Петербургѣ за 1889 г. и потомъ въ Обдорскѣ—среднія за 6 лѣтъ (1883—89 г.г.)

	Температура по новому стилю въ Петербургѣ.	по С. за 1889 г. въ Обдорскѣ.	Средняя температура въ Обдорскѣ за 6 л.
Январь	— 7,8	— 21,8	— 25,4
Февраль	— 11,1	— 19,9	— 19,5
Мартъ	— 7,3	— 15,9	— 18,2
Апрѣль	+ 2,1	— 6,6	— 11,7
Май	+ 12,6	— 3,2	— 4,3
Іюнь	+ 15,7	+ 6,8	+ 6,3
Іюль	+ 17,6	+ 12,0	+ 14,2
Августъ	+ 15,3	+ 12,2	+ 10,8
Сентябрь	+ 9,6	+ 6,7	+ 4,4
Октябрь	+ 7,3	— 6,3	— 5,4
Ноябрь	+ 2,0	— 16,9	— 17,1
Декабрь	— 3,8	— 18,3	— 21,4
Средняя за годъ	+ 4,4	— 5,9	— 7,4

бываетъ, когда разыграется сѣверное сіяніе! Долго стоишь и смотришь, какъ переливаются и играютъ зеленоватые лучи, то собираясь въ бахрому на подобіе гигантскаго волнующагося занавѣса, то распускаясь въ пучки вверхъ отъ горизонта. Раза 4 за все время, я видѣлъ и багровыя пятна и полосы; что довольно рѣдко бываетъ. Обыкновенныя-же сіянія желтовато-зеленаго цвѣта, наблюдаются около 20—30 разъ въ зиму. Въ зиму 1893 г. я видѣлъ въ Ноябрѣ два раза такія сіянія, которыхъ не запомнятъ даже старожилы: широкая разноцвѣтная, точно рѣка расплавленнаго металла, шла полоса по всему небу черезъ зенитъ. Обыкновенныя-же сіянія бываютъ только на сѣверной сторонѣ неба и только отдѣльные лучи достигаютъ зенита.

XII.

Свадьба въ Обдорскѣ.—Свадебныя пѣсни.—Святки.—Маскированье.—Вечера, хороводы, пѣсни.

Осенью, чаще всего бываютъ свадьбы въ Обдорскѣ. Я часто съ удовольствіемъ бывалъ на нихъ. Обдорская свадьба сохранила много чертъ старинnаго народнаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, проникла значительная примѣсь новѣйшихъ городскихъ обычаевъ. Поэтому, подробное описаніе Обдорской свадьбы не представляетъ этнографическаго интереса. Только на одно можно обратить вниманіе: это свадебныя пѣсни и величанья. Свадьба продолжается обыкновенно четыре дня: въ первый день дѣвишникъ, во второй «баня», въ третій вѣнчанье и свадебный вечеръ, въ четвертый „пированье“.

Всѣ эти дни, на каждый случай поются особыя пѣсни, носящія яркій отпечатокъ далекой старины. Въ этихъ пѣсняхъ постоянно упоминаются: князья и бояре, „стольный Новгородъ“, древнее оружіе, теремъ и т. п.

Понятно, что въ самой Сибири эти пѣсни возникнуть не могли (особенно въ Обдорскѣ): уже по тому одному, что упоминаются между прочимъ такія растенія, цвѣты и плоды, которыхъ въ Сибири нѣтъ, напр. „розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый“, „груша зеленая“, „кремъ (?) деревцо“, и т. д.

Сами Обдоряне говорятъ: „такъ наши отцы пѣли, мы тѣ-же пѣсни поемъ, прежде однако гораздъ больше было пѣсенъ, теперь забываются которыя“. Да, забываются, а со временемъ и вовсе исчезнутъ. А жаль! Помимо того историко-этнографическаго интереса, который возбуждаютъ эти пѣсни, онѣ замѣчательны еще въ чисто музыкальномъ отношеніи по своимъ прекраснымъ напѣвамъ, полнымъ задушевности и архаической простоты *). Многія обдорскія пѣсни, какъ образцы сѣверно-русскаго, народнаго, музыкальнаго творчества, могутъ быть поставлены наравнѣ съ „Ваней клюшникомъ“, „Подуй, подуй погодушка съ родимой стороны“, „Ваня разудала твоя голова“, и т. п.

Приведу нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ:

„Выпадала порошенька
„На землю, землю талую,
„Что по той по порошенькѣ
„Выбѣгалъ сѣрый заюшка,
„А за заюшкой лисанька,

*) При мнѣ еще кое-кто въ Обдорскѣ началъ собирать обдорскія пѣсни и записывать не только слова, но и мотивы.

„А за лисанькой добрый конь.
„На добрѣ—то конѣ молодецъ,
„Онъ *тугой—отъ лукъ* натягивалъ,
„*Калену стрѣлу* накладывалъ,
„Самъ—отъ стрѣлкѣ приговаривалъ:
—„Ты лети-ко моя стрѣлонька
Выше лѣсу стоячаго
Ниже облака ходячаго
Высоко по поднебесью
Далеко по сырой землѣ.
Ты подстрѣль, подстрѣль заюшку
Что подъ правую подъ пазушку.
Увидала его мамонька
Изъ высокаго *терема*
Изъ *косящата* окошечка
Изъ *нѣмецкаго* стеколышка
Исполать тебѣ... (имя жениха)
Исполать тебѣ... (отечество)
Ты умѣлъ хорошъ родитися,
Хорошо снарядитися
Предъ *князьями—боярами*
Предъ своей меньшей братіей“.

— -- —

Какъ во стольномъ *Новомъ городѣ*
Во столовой новой горницѣ
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ столъ,
За столомъ сидѣлъ молодецъ,
Онъ чесалъ кудри русыя
Черепаховой гребелочкой.
Онъ чесалъ самъ приговаривалъ:
—„Приходи-ко моя барышня,
„Ты катись груша зеленая,
„Прилетай-ко моя ласточка.
„Проблести искра алмазная“.
Не успѣлъ рѣчи окончить онъ,

Какъ вдругъ двери растворилися,
На пятѣ остановилися.
Какъ отвѣтъ держитъ дѣвица,
Отвѣчаетъ свѣтъ (имя невѣсты)
—«Если-бъ я была боярышня,
Я ходила-бы со мамками.
Если-бы я была груша зеленая,
Я-бъ висѣла въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду у батюшки,
Если-бъ я была ласточка,
Я-бъ летала во синемъ небѣ.
Если-бъ я была искра алмазная,
Я была-бы въ золотомъ перстнѣ,
Въ золотомъ перстнѣ у молодца
У... (имя и отчество жениха)».

Изъ обдорскихъ свадебныхъ пѣсенъ въ музыкальномъ отношеніи особенно хороши слѣдующія: 1) „Увивается ласточка, увивается косатая», и т. д. 2) „Какъ по рѣчкѣ, рѣкѣ“. 3) „Какъ по сѣнямъ сѣничкамъ“, 4) вторая изъ приведенныхъ нами: „Какъ во стольномъ и т. д. 5) „Кремъ (?) деревцо пошатнулося“. 6) „Черезъ рѣчку рябинка лежала“ и другія.

Пѣсни эти поются дѣвушками—подругами невѣсты. На меня всегда производили сильное впечатлѣніе старинные напѣвы, которые особенно хороши въ хорѣ. Раньше приходилось встрѣчать подобныя вещи развѣ только въ сборникахъ Рыбникова, Якушкина и др., а тутъ слышишь и видишь все это во очію и мысленно переносишься за нѣсколько вѣковъ назадъ, и дивишься, какъ могъ сохраниться этотъ осколокъ русской старины среди

Остяцкой тундры. Слова о боярахъ и боярышняхъ гуляющихъ въ зеленыхъ садочкахъ, среди деревьевъ и цвѣтовъ средней Россіи, производятъ впечатлѣніе грустнаго и трогательнаго контраста, когда онѣ поются подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ въ печальной и дикой тундрѣ...

Время подходитъ къ Святкамъ. Обдорскъ опять просыпается отъ своей обычной спячки.

Начинается маскарадная потѣха.

Выйдя на улицу вечеромъ, то и дѣло встрѣчаешь группы „маскированныхъ“. Рядятся Остяками, Остятками, стариками, чертями и т. п. Но встрѣчаются и довольно изящные, оригинальные костюмы: казаковъ и казачекъ, малороссовъ, генераловъ какихъ-то фантастическихъ армій, турокъ, дураковъ и проч.

Любимый маскарадный костюмъ въ Обдорскѣ— костюмъ дурака: широкій балахонъ, шаровары и колпакъ, все это обвѣшано бубенчиками. Маскированные (не только мѣстные жители, но и заѣзжая интеллигенція) ходятъ изъ дома въ домъ, танцуютъ, поютъ и дурачатся. Святки проходятъ очень оживленно. Болѣе богатые изъ купцовъ, устраиваютъ вечера, на которыхъ часто бываетъ очень весело: танцуютъ (польку, вальсъ, кадриль, казачка), поютъ разнаго рода пѣсни: мѣстныя обдорскія и другія, даже малороссійскія, занесенныя сюда, студентами - хохлами, иногда попадавшими въ Обдорскъ. Въ перерывахъ между танцами, дѣвушки водятъ хороводы. Молодежь устраиваетъ разнаго рода игры съ пѣснями. Этихъ игръ въ Обдорскѣ очень много, нѣкоторыя довольно оригинальны. Напр. такая: выходятъ трое (обыкновенно двѣ женщины, изъ которыхъ одна держитъ шапку, а другая трость и одинъ кавалеръ) и поютъ:

„Пошла наша черёмха
Изъ города въ деревню.
Да дѣва ай-люли, да радость моя
(припѣвъ).

„Что крестьянину на пашню,
„Крестьянкѣ въ избушку.
Да дѣва ай-люли и проч.
(подходятъ къ одному изъ публики, изображающаго „крестьянку").

„Ты позволь намъ хозяюшка
„Здѣсь расположитися
„Со всею семьею
„Еще шапку-то на спичку,
(при этомъ одна изъ играющихъ вѣшаетъ на стѣну шапку).

„Еще тростку-то на лавку,
„А повозникъ—отъ подъ лавку.
(изображающій повозника остается).

„Не пора-ли собираться,
„Со хозяиномъ прощаться.
„Еще гдѣ-то моя шапка?
(играющій подходитъ къ хозяину, который подаетъ шапку).

„Это шапка-то не наша.
„У меня была шапка:
„Околъ соболиный,
„А верхъ бархатиный.
„Если хошь меня ограбить,
„Прикину я тебѣ".
(бросаетъ „хозяину" шапку).

„Еще гдѣ-то моя тростка?
„Эта тростка-то не наша,
„У меня была тростка
„Бѣла камышева,
„Кольцо золотое.
(бросаетъ хозяину тростку).

„Еще гдѣ-то мой повозникъ?
„Это повозникъ—отъ не нашъ вѣдь.

„У меня былъ повозникъ
„Бѣлый кудряватый,
(растрепываетъ „повознику“ шевелюру).
„Холостъ неженатый.
„Если хошь меня ограбить,
„Прикину я тебѣ
(толкаетъ повозника къ хозяину).

Потомъ снова поютъ: „не пора-ли собираться“ и проч., опять подходятъ къ хозяину и спрашиваютъ шапку, тростку и повозника. Во второй разъ все оказывается „нашимъ“ и игра кончается.

Изъ игровыхъ пѣсенъ и хороводовъ многіе извѣстны и въ другихъ мѣстахъ Россіи, какъ напр.: 1) „какъ по морю, морю сѣнему... плыла лебедь“, 2) „а мы просо сѣяли“, 3) „во лузьяхъ“ 4) „ходитъ царь вкругъ „Нова-города“, 5) „ходитъ царь-царевичъ, да сынъ царевъ“, 6) „ужъ я сѣяла, сѣяла ленокъ. Но есть и такія игровыя пѣсни, которыя если и извѣстны въ другихъ мѣстахъ Россіи, то очень рѣдко встрѣчаются, напр.: 1) „научи-ко меня, мати, научи-ко сударыня, какъ леночекъ мнѣ мочити“. 2) „хожу гуляю я во народѣ“, 3) „какъ во полѣ было во полѣ, въ широкомъ раздольѣ“, 4) „сидитъ дрема“ (двѣ послѣднія пѣсни занесены изъ подъ Самаровскаго—село при впаденіи Иртыша въ Обь). 5) „па колѣночки козелъ припадаетъ“, 6) „ты заря-ли моя зоренька“, 7) „отворяйтеся широкія ворота, я поѣду въ Китай городъ гуляти“, 8) „шелковая ниточка къ стѣнкѣ льнетъ“, 9) „олень“ и мн. другія. Пока молодежь танцуетъ и поетъ, болѣе солидные люди сидятъ за винтомъ. Винтъ и преферансъ не только успѣли проникнуть въ Обдорскъ, но и весьма прочно укорениться въ немъ. Теперь, только Остяки и Само-

ѣды не играютъ въ винтъ, хотя съ картами и они знакомы, но дуются больше въ „дураки“. Одѣта публика по городски: мущины въ крахмальныхъ сорочкахъ и черныхъ сюртукахъ, дамы въ платьяхъ, чуть-ли не по послѣдней модѣ. Во время моего пребыванія въ Обдорскѣ, появилась мода на дамскія платья съ широкими рукавами и пуфами. Когда я въ первый разъ въ Обдорскѣ увидалъ такія платья, то подумалъ,—что это—обдорская мода, и былъ очень удивленъ, когда узналъ, что такъ скоро проникло на дальній Сѣверъ послѣднее слово искусства. Въ прежнія времена пьянство въ Обдорскѣ, было развито до гомерическихъ размѣровъ. Теперь уже не то. Конечно и теперь на вечерахъ напиваются (безъ этого-жъ нельзя), но очень рѣдко бываетъ, чтобъ гости лишались способности самостоятельнаго передвиженія.

XIII.

Обдорская ярмарка.—Внѣшній видъ ярмарки.—Ловля Самоѣдовъ.—Толмачи.—Скупка пушнины на дому у обывателя.—Угощенье.—Преобладаніе торговли въ кредитъ.—Сравненіе съ Сурутской ярмаркой. Цѣны на пушнину.

Въ началѣ Января открывается въ Обдорскѣ ярмарка и застаетъ жителей въ самомъ разгарѣ святочныхъ удовольствій. Днемъ, Обдорянинъ торгуетъ съ нарты «на тундрѣ» среди пестрой толпы наѣхавшихъ Самоѣдовъ, а вечеромъ онъ уже отплясываетъ трепака наряженный чертомъ или фантастическимъ «казакомъ».

Шумъ Обдорскаго карнавала довольно курьезно сливается съ ярморочной суматохой и бѣготней. Улицы кишатъ Самоѣдами, которые въ своихъ мох-

натыхъ и пестрыхъ «гусяхъ» и «паркахъ» сами-то похожи на маскированныхъ; а тутъ-же среди нихъ подъ вечерокъ пронесется, гремя бубенчиками тройка «дураковъ» или проковыляетъ «чертъ», ѣдущій верхомъ на метлѣ.

Непривычная для европейскаго глаза, обдорская дѣйствительность сливается съ произведеніями обдорской фантазіи, и удивленный путешественникъ можетъ съ недоумѣніемъ спросить: гдѣ-же тутъ кончается міръ реальный, и начинается міръ фантастическій?

Но скоро конецъ веселью. Послѣ крещенья грѣшно чертей мутить. Маскарадные костюмы прячутся въ сундуки до слѣдующаго года, и Обдоряне съ жаромъ принимаются за Самоѣдовъ.

Обдорская ярмарка, играющая не послѣднюю роль въ торговлѣ пушниной, вообще въ Россіи, открывается 2-го Января. Къ этому времени съѣзжаются Самоѣды съ пушнымъ товаромъ, также отчасти съ мамонтовою костью, моржовыми клыками, тюленьими шкурами и другими болѣе второстепенными предметами. Самоѣды сдаютъ свой товаръ Обдорянамъ, частью за наличныя деньги, частью въ обмѣнъ за товаръ, преимущественно-же въ видѣ отдачи долга сдѣланнаго за годъ и больше, передъ данной ярмаркой. Числа 10—15-го пріѣзжаютъ въ Обдорскъ тобольскіе купцы или ихъ „довѣренные“ человѣкъ 5—6. Сами Тоболяки непосредственно отъ Самоѣдовъ, пушнины не скупаютъ, а берутъ то, что собрано Обдорянами. Исключеніе составляются только двое купцовъ: Корниловъ и Бронниковъ, имѣющіе въ Обдорскѣ своихъ постоянныхъ довѣренныхъ, непосредственно ведущихъ дѣла съ инородцами.

Съ пріѣздомъ Тоболяковъ, первый процессъ ярмарки—собираніе пушнины—кончается и начи-

нается второй—сдача товара Тоболякамъ. Числа 20-го кончается ярмарка.

Тоболяки нагружаютъ нарты пушниной и обыкновенно по двое, по трое для безопасности ѣдутъ въ далекій обратный путь до Тобольска, а оттуда въ Ирбитъ на ярмарку. Въ концѣ Января туда-же собираются и нѣкоторые обдорскіе кущы, чтобы самимъ продавать товаръ, а главное для того, чтобы насладиться разнаго рода вокально-музыкально-скандальными прелестями большой ярмарки въ культурномъ городѣ. Въ Обдорскѣ на сей послѣдній счетъ совсѣмъ, совсѣмъ плохо...

Самоѣды, спустившись къ Обдорску, останавливаются обыкновенно въ тундрѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ отъ села. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ отправляются съ небольшимъ количествомъ пушнины, такъ сказать, на развѣдки, разузнать цѣны на товары. Потомъ уже и остальные начинаютъ наѣзжать въ Обдорскъ со всѣми своими товарами.

Обдорская ярмарка расположена въ концѣ одной изъ улицъ, выходящихъ въ тундру. По обѣимъ сторонамъ разбросаны амбары, въ которыхъ Обдоряне производятъ свою торговлю.

Впереди этихъ амбаровъ стоятъ еще по обѣимъ сторонамъ улицы нарты, съ которыхъ тоже производится торговля, преимущественно мѣновая. На этихъ нартахъ разложены товары, необходимые Самоѣдамъ: кирпичный чай, сукно разныхъ цвѣтовъ для лѣтнихъ гусей и для прошивки женской зимней одежды, мѣдныя побрякушки, которыми обвѣшиваются Самоѣдки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огнива, ружья, сѣти, ящики, желѣзные листы, на которыхъ разводится костеръ въ чумѣ, капканы, разнаго рода деревянная посуда, изготовляемая Зырянами: ложки, чашки всѣхъ вели-

чинъ. Тутъ-же и Остяки со своими убогими произведеніями: тагарами (травяныя цыновки), травяными подстилками, чагой (грибовидные наросты на деревьяхъ), замороженнымъ жиромъ и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоящая торговля происходитъ однако не здѣсь, а по домамъ. Съ нартъ-же на ярмаркѣ торгуютъ преимущественно бѣднѣйшіе Обдоряне. Товаръ они берутъ въ кредитъ у обдорскихъ-же купцовъ, которые ставятъ при этомъ цѣны выше лавочныхъ и вообще сильно эксплуатируютъ обдорскую мелкоту.

Въ сущности сами обдорскіе кущы иначе почти и не могутъ поступать, такъ какъ отчасти зависятъ въ свою очередь отъ Тоболяковъ. Мелкіе торговцы такимъ образомъ находятся подъ двойнымъ прессомъ, и съ своей стороны волей-неволей должны налегать на инородцевъ, которые выносятъ уже тяжесть, такъ сказать, тройнаго давленія. Жалко смотрѣть бываетъ на мелкаго русскаго торговца: морозится бѣдный цѣлый день на холоду, («сопли выжимаетъ»), а выручитъ за день какой-нибудь рубль— два.

Иные за всю ярмарку выручаютъ всего рублей 10—15, да и то рады, что хоть безъ убытку остались; а и это бываетъ, особенно когда «купецъ» при расчетѣ еще возвыситъ цѣны своего товара, не смотря на то, почёмъ раньше договорился, когда отпускалъ въ кредитъ.

Съ виду ярмарка имѣетъ очень оживленный и оригинальный видъ. Такого зрѣлища нигдѣ не увидишь. Всюду толкаются неуклюжія фигуры Самоѣдовъ. Въ своихъ мохнатыхъ гусяхъ разукрашенныхъ лоскутьями шкуръ, подбитыхъ цвѣтнымъ сукномъ, они напоминаютъ какихъ-то бѣлыхъ медвѣдей. Особенно оригинальны Самоѣдки: вмѣсто малицы и гуся, онѣ носятъ «ягушки». Ягушка—

шуба подбитая снизу оленьимъ мѣхомъ, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцвѣтнаго сукна, такъ, что внизу по подолу идетъ полоса бѣлой собачины, затѣмъ выше полоса краснаго сукна (вершка 3 шириной), потомъ полоса черной собачины, далѣе желтое сукно.

Ягушка застегивается спереди и обхватывается широкимъ поясомъ, состоящимъ изъ разнаго рода мѣдныхъ колецъ и щитковъ. На животѣ у пояса мѣдная пряжка около 1/4 арш. въ діаметрѣ. Но всего замѣчательнѣе огромная шапка въ видѣ капора (фасонъ напоминаетъ киргизскія шапки) съ большими полями изъ собачьяго мѣха, отчего лицо Самоѣдки точно окружено сіяньемъ кругомъ вершковъ на 5. Чтобы такое сооруженіе могло держаться на головѣ, къ нему сзади подвѣшиваются всевозможныя побрякушки, мѣдные круги, колокольчики, бусы—всего фунта 4—5. Все это конечно звенитъ и гремитъ на ходу.

Трудно передать, на что похожа Самоѣдка въ своемъ національномъ костюмѣ: что-то пестрое, яркое, пушистое и мохнатое и вдобавокъ тяжелое и не граціозное. Между неуклюжими Самоѣдами мелькаютъ юркія фигуры Зырянъ въ малицахъ съ бѣлой опушкой вокругъ лица.

Зыряне, какъ «халевы» (чайки) носятся по всей ярмаркѣ, зорко высматривая товаръ. Лишь только пройдетъ Самоѣдъ съ какой нибудь шкуркой, сейчасъ-же на него набрасывается цѣлая стая Зырянъ и обступаютъ со всѣхъ сторонъ, стараясь поскорѣе перекупить. Раньше бывало и такъ: налетитъ Зырянинъ на оторопѣвшаго Самоѣда, выхватитъ у него изъ рукъ шкурку, а самъ—стрекача, ищи его потомъ въ толпѣ. Теперь такіе примитивные пріемы уже выводятся,

Такъ какъ значительная часть товаровъ отпу-

скается въ кредитъ, то Обдоряне стараются ловить своихъ должниковъ, а тѣ съ своей стороны стараются утечь отъ кредитора, чтобы продать товаръ за деньги, что гораздо выгоднѣе для Самоѣда. Происходитъ настоящая ловля Самоѣдовъ, принимающая подчасъ довольно курьезный характеръ. Для этого служатъ такъ называемые „толмачи“. Толмачъ собственно значитъ, какъ извѣстно, переводчикъ, но не много переводятъ обдорскіе толмачи. Это—скорѣе зазывальщики. Проходя по улицѣ въ той части ея, съ которой видна дорога въ тундру, вы еще задолго до времени открытія ярмарки, увидите гдѣ нибудь на оградѣ кладбища, или на бревнахъ, неподвижно сидящія человѣческія фигуры, пристально смотрящія въ безконечную даль тундры. Это толмачи. Издали они напоминаютъ какихъ-то хищныхъ птицъ. Бѣлыя опушки малицъ у Зырянъ придаютъ имъ видъ кондоровъ. Вотъ вдали показывается самоѣдская нарта, и скоро угрюмый инородецъ, погоняя хареемъ своихъ оленей, въѣзжаетъ въ село. Въ одну минуту, толмачи срываются со своихъ мѣстъ и, какъ ястребы налетаютъ на добычу, предлагая или тутъ-же продать, или-же большею частью зазываютъ къ хозяину въ домъ.

Если пройтись нѣсколько разъ по ярмаркѣ, то скоро начинаешь удивляться отсутствію сколько нибудь цѣннаго пушного товара у Самоѣдовъ; видишь преимущественно разныя лапки: лисьи, песцовыя, крестоватиковыя, да изрѣдка промелкнетъ шкурка бѣлаго песца или олепина. Неужели только и всего привезли Самоѣды? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что главная, настоящая торговля идетъ не здѣсь на тундрѣ, а по квартирамъ обывателей.

Пріѣхавъ въ село, Самоѣдъ направляется къ кому либо изъ Обдорянъ. Здѣсь его гостепріимно

встрѣчаютъ, угощаютъ мерзлой рыбой, олениной, рыбьимъ жиромъ, и прежде всего водкой. Какого вкуса эта водка, лучше и не говорить. Въ прежнія времена Самоѣдовъ не пускали въ дома, а торговали съ ними на дворѣ; потомъ стали пускать въ кухни. А теперь уже во время ярмарки Самоѣдовъ можно встрѣтить во всѣхъ „залахъ“ и „гостинныхъ“.

Домъ Обдорянина превращается въ маленькую ярмарку: дикіе сыны тундры со своими семействами сидятъ прямо на полу, ѣдятъ, пьютъ и, напившись, начинаютъ пѣть свои безконечныя, дикія пѣсни и кричать.

Послѣ угощенія начинается торговля, бываетъ, что и не начинается, ибо Самоѣды часто ходятъ изъ дома въ домъ, вышиваютъ, ѣдятъ, поютъ и въ заключеніе—ничего не продаютъ.

Конечно, иногда, напившійся Самоѣдъ и нарвется, и продаетъ свой товаръ за безцѣнокъ. Вообще въ этой торговлѣ отношенія между продавцами и покупателями довольно оригинальны. Обдоряне стараются всячески воспользоваться простодушіемъ и пьянствомъ дикарей, а Самоѣды стараются о томъ, чтобы какъ можно больше съѣсть, выпить, не продавая ничего до времени. Часто Самоѣдъ, который торгуетъ, приводитъ съ собой товарищей, у которыхъ ничего нѣтъ; но вѣдь и имъ хочется выпить и закусить. Нужно впрочемъ опять повторить, что торговля производится главнымъ образомъ въ кредитъ, и только тутъ она даетъ дѣйствительныя выгоды. Прямо-же на деньги довольно рѣдко удается купить дешево, особенно, если принять во вниманіе расходы на угощеніе и толмачей. Исключительно дешевыя покупки у Самоѣдовъ въ настоящее время довольно рѣдки и во всякомъ случаѣ не характеристичны для положенія дѣла. Кредит-

ный характеръ торговли (а также и мѣновой) объясняютъ намъ, почему пріѣзжающіе на ярмарку Тоболяки, сами непосредственно не скупаютъ пушнины у Самоѣдовъ, а представляютъ это Обдорянамъ.

Кромѣ Обдорска есть еще самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ. Судя по статьямъ Г. Неклепаева (Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ) въ «Сибирскомъ Листкѣ» за 1893 годъ, между обѣими ярмарками очень много общаго. Разница только въ томъ, что въ Сургутѣ нѣтъ «толмачей» и, что должники тамъ болѣе закабалены: они тамъ точно подѣлены между Сургутянами и почти не смѣютъ отойти къ другому, не заплативши первому постояннному кредитору. Разница эта, вѣроятно, объясняется конкурренціей Зырянъ въ Обдорскѣ *). Зыряне увеличиваютъ собою число скупщиковъ пушнины, набиваютъ цѣны, и такимъ образомъ создаютъ болѣе выгодное положеніе для Самоѣдовъ. У Самоѣда въ Обдорскѣ болѣе соблазна измѣнить своему постоянному кредитору, чѣмъ въ Сургутѣ. Обиліе-же покупателей, и притомъ значительное колличество зырянскаго пролетаріата, а также и все возростающаго русскаго объясняютъ, по моему мнѣнію, и появленіе толмачей: при болѣе сильной конкурренціи необходимо употреблять и болѣе сильныя средства для привлеченія Самоѣдовъ. Между тѣмъ, въ Сургутѣ, гдѣ постоянно живущихъ скупщиковъ сравнительно меньше, да и къ тому-же—свои люди, одного племени, легче стѣснить инородца, да и особыхъ зазывальщиковъ не требуется; дескать, «куда Самоѣдамъ дѣться? Все равно къ намъ придутъ, ну, а мы лучше подѣлимъ ихъ между собою,

*) На эту благотворную роль Зырянъ, нельзя не обратить вниманія въ виду нѣкоторыхъ предположеній о запрещеніи имъ въѣзда въ Обдорскъ.

да и будемъ каждый своихъ обрабатывать, другъ другу, значитъ не мѣшая». Изъ это слѣдуетъ, что въ Обдорскѣ экономическая жизнь бьетъ болѣе сильнымъ ключемъ, чѣмъ въ Сургутѣ, идетъ интенсивнѣй; а стало быть тутъ болѣе долженъ быть замѣтенъ тотъ экономическій процессъ, который за послѣднее время все явственнѣе обозначается въ Обдорскомъ краѣ—процессъ концентраціи торгово-промышленной дѣятельности въ рукахъ все меньшаго числа лицъ *).

*) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пушномъ и другомъ товарѣ и о цѣнахъ на него въ Обдорскѣ:

Песецъ бѣлый (зимній)—2 р.—2 р. 50 к. за шкурку не выдѣланную.

Крестоватикъ (лѣтній песецъ) 70—90 к.—1 р.

(Полный подборъ крестоватика для шубы 40 р.).

Песецъ голубой (очень красивый мѣхъ сѣродымчатаго цвѣта) 10—15—25—30 руб.

Лисица (сиводушка и бѣлодушка) 4—6—8 руб.

Лисица чернобурая 38—40—55 руб., (совсѣмъ черныхъ лисицъ я не видалъ, гѣ доходятъ и до 100 руб. и даже дороже за шкурку).

Бѣлка сѣрая 18—20 коп.

Горностай 35—50 коп.

Россомаха 4—6 руб., (идетъ между прочимъ въ Обдорскѣ на капоры Самоѣдокъ).

Бѣлый медвѣдь, хорошая шкура 60—70 руб.

Разнаго рода оленьи шкуры, какъ-то:

Оленья постель (выростокъ) 1 р. 50 к.—2 р.

Неплюй (олень молодой) 2 р. 50 к.—3 р.—4 р.

Пѣшка (олень сосунъ) черная 1 р. 50 к.—1 р. 85 к.—2 р.

Пѣшка рыжая 50—70 к.

Лебяжья шкурка 5—10—15 к.

Шейка тагары ½—2 к.

Волчепокъ 20—30 к.

Тюлень 3—4 руб.

Цѣны на шкурки мѣняются на каждой ярмаркѣ. Сравнительно прочно стоятъ цѣны на лисицъ. Измѣненія цѣнъ зависятъ частью отъ улова, частью отъ требованія въ Ирбитѣ и за-границей (Лейпцигъ). Приведенныя цѣны—тѣ, по которымъ Обдоряне сдаютъ Тобольякамъ пушнину.

Что касается до того, почемъ сами Обдоряне берутъ отъ Самоѣдовъ, то это очень трудно свести въ какую-бы то ни было таблицу, такъ какъ все это дѣло случая.

Въ общемъ мнѣ кажется, что при кредитной торговлѣ получается прибыли въ среднемъ 30—50%. При покупкѣ же на наличныя деньги—въ среднемъ 10—20%.

XIV.

Развитіе концентраціи торгово-промышленной дѣятельности въ Обдорскѣ.—Причины концентраціи въ торговлѣ пушниной и въ рыбопромышленности.—Артельное рыболовство, какъ желательный исходъ для мелкихъ промышленниковъ.—Попытки поднять артель на Мурманскомъ берегу.—Артель Латышей на Западной Двинѣ.

Казалось-бы, что въ Обдорскѣ, лежащемъ подъ самымъ полярнымъ кругомъ, на промерзлой, никогда не оттаивающей глубже 1½ арш. почвѣ, самая жизнь должна была застынуть въ разъ отлившіяся формы. Жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, какъ сказалъ Г. Спенсеръ. Стало быть степенью сложности этихъ «внѣшнихъ отношеній» и должны опредѣляться жизненныя процессы и явленія того или другого края. При бѣдности и однообразіи природы и вообще условій обдорскаго края, мы вправѣ ожидать, что жизнь тамъ должна была отлиться въ извѣстныя, опредѣленныя формы, наиболѣе подходящія къ данной мѣстности, и уже болѣе нечего ожидать никакого развитія, или, по крайней мѣрѣ, оно будетъ совершаться такъ туго, что его трудно будетъ примѣтить.

Но дѣло въ томъ, что Обдорскъ находится въ зависимости и подъ вліяніемъ другихъ мѣстностей, главнымъ образомъ Тобольска, и это вліяніе хотя и отдаленнаго рынка постепенно вноситъ разнаго рода измѣненія въ экономической и бытовой жизни сѣвернаго села.

Намъ приходилось часто читать, что не въ одномъ Обдорскѣ, а и въ другихъ «сѣверныхъ столицахъ», въ разныхъ Туруханскахъ, Верхоянскахъ, Средне-Калымскахъ, и проч. населеніяхъ,

подходящихъ по условіямъ къ Обдорску, замѣчалось сосредоточеніе торгово-промышленной дѣятельности всё въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Но всѣ эти замѣтки были отрывочны и кратки и почти вовсе не давали отвѣта на вопросъ: всегда-ли такъ было, или мы только нынѣ замѣчаемъ извѣстный процессъ развитія въ ту или другую сторону? Поэтому мы должны пожелать побольше отвѣтовъ на этотъ вопросъ, основанныхъ на фактическомъ изученіи данной мѣстности.

Экономическая жизнь Обдорска зиждется на торговлѣ пушниной и на рыбномъ промыслѣ.

Въ торговлѣ пушниной, концентрація стала замѣчаться не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ. Въ прежнія времена крупные купцы, державшіе въ Обдорскѣ своихъ довѣренныхъ, почти не покупали ничего у инородцевъ непосредственно. Это дѣло находилось въ рукахъ мелкихъ промышленниковъ, составляющихъ постоянное, осѣдлое населеніе Обдорска. Мало по малу, дѣло стало измѣняться: довѣренные Тобольскихъ купцовъ сами стали зазывать къ себѣ Самоѣдовъ и скупать пушнину у нихъ непосредственно. Въ настоящее время только тѣ Тоболяки, которые не имѣютъ своихъ довѣренныхъ въ Обдорскѣ и наѣзжаютъ только на ярмарку, обращаются къ посредничеству Обдорянъ.

Мало по малу, всѣ выгоды торговли съ Самоѣдами сосредоточиваются въ рукахъ болѣе богатыхъ, преимущественно тобольскихъ купцовъ, имѣющихъ въ Обдорскѣ своихъ постоянныхъ довѣренныхъ.

Происходитъ это такимъ образомъ:

Какъ мы уже сказали, торговля главнымъ образомъ мѣновая и притомъ кредитная. Товаръ, который отпускаютъ инородцамъ, закупается въ Тобольскѣ и др. мѣстахъ, и доставляется въ Обдорскъ

на баржахъ и пароходахъ. Отсюда и понятно громадное преимущество Тоболяковъ, а отчасти и тѣхъ богатыхъ Обдорянъ, которые имѣютъ возможность нанимать пароходы для перевозки своихъ товаровъ. Хлѣбъ и прочее, Тоболяки перевозятъ на собственныхъ пароходахъ. Къ тому-же перевозка эта еще окупается рыбопромышленностью. Приходя въ Обдорскъ съ товаромъ, пароходъ возвращается тоже не пустымъ, а съ рыбой. Въ виду удаленности Обдорска отъ рынковъ, доставка товаровъ и проч. находится въ рукахъ небольшаго числа лицъ, такъ что привезя товары они всегда могутъ установить цѣны по своему произволу. Если-бы не слабая конкурренція 5—6 обдорскихъ купцовъ, изъ которыхъ одинъ (И. И. Карповъ) завелъ лѣтомъ 1894 года свой пароходъ (первый пароходъ, принадлежащій Обдорянину), то Тоболяки являлись-бы единственными господами положенія.

Въ самомъ дѣлѣ: допустимъ, что Тоболякъ купилъ муку по 50 к. за пудъ. Доставка на собственномъ пароходѣ не обойдется и 10 к. съ пуда. Итого стало быть 60 коп. За этотъ пудъ хлѣба онъ вымѣниваетъ песца.

Между тѣмъ Обдорянинъ покупаетъ этотъ пудъ хлѣба иногда за 1 р. 40 к. (какъ напр. въ 1892 году) и обмѣниваетъ этотъ хлѣбъ на того-же песца. Тоболяку песецъ, значитъ, стоитъ дешевле. И такъ относительно всѣхъ прочихъ товаровъ. Купцы нарочно продаютъ хлѣбъ и проч. Самоѣдамъ дешевле, чѣмъ своимъ конкуррентамъ Обдорянамъ.

Вслѣдствіе этого, торговля пушниной поневолѣ должна сосредоточиться въ немногихъ рукахъ. Дѣло стоитъ такъ, что для конкурренціи съ Тоболяками приходится чуть-ли не самимъ пароходы заводить.

Такимъ образомъ, мелкіе торговцы должны съ теченіемъ времени все болѣе стушевываться, пре-

вращаясь въ ярмарочныхъ толмачей и т. п. пролетаріевъ.

Тоже самое приходится сказать и о рыбопромышленности.

На сторонѣ Тоболяковъ, всѣ преимущества крупнаго капитала, которыя еще болѣе усиливаются отъ слабости конкурренціи въ виду отдаленности Обдорска отъ рынковъ.

Перевозочныя средства всѣ въ рукахъ Тоболяковъ. Выше я уже говорилъ, какъ пользуются они выгодами своего положенія, назначая, при скупкѣ рыбы цѣны по своему усмотрѣнію.

Къ особенностямъ дѣла въ обдорскомъ краѣ (удаленность Обдорска и малочисленность скупщиковъ) присоединяются и тѣ общіе экономическіе факторы, которые по законамъ политической экономіи всегда даютъ перевѣсъ крупной промышленности надъ мелкой.

Здѣсь это можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: для невода длиною въ 400 саженъ требуется въ Обдорскѣ 10 человѣкъ рабочихъ, между тѣмъ, какъ для невода въ 150 саженъ требуется 6 человѣкъ. Ясно, что чѣмъ длиннѣе неводъ, тѣмъ больше можно поймать рыбы. Слѣдовательно при увеличеніи невода почти втрое (что даетъ почти втрое большій доходъ) число рабочихъ приходится увеличить меньше, чѣмъ вдвое. Такимъ образомъ при увеличеніи рыбнаго промысла расходъ пропорціонально доходу уменьшается. И наоборотъ, чѣмъ меньше промыселъ (здѣсь мы измѣряемъ крупность производства длиной невода), тѣмъ большій пропорціональный расходъ.

Конечно, если мы обратимся ко всѣмъ мелкимъ промышленникамъ (Остякамъ и Русскимъ, остающимся на лѣто въ Обдорскѣ), къ такимъ, которые промышляютъ сами, безъ работниковъ сѣтями, а

не неводами, которые даже аренды ни гроша не платятъ (да и что съ нихъ возьмешь?) такъ эти, конечно, несутъ меньшій расходъ, сравнительно съ доходомъ. Такіе мелкіе рыболовы большею частію и рыбу-то не солятъ, а сдаютъ прямо сырой, если есть на лицо покупатель (коп. 10 за муксуна). А если нѣтъ, то рыбу хоть собакамъ бросай, потому что не соленая она скоро портится. Но вѣдь такихъ рыболововъ нельзя принимать въ расчетъ; такой промыселъ, хотя и не требуетъ большаго расхода. (иногда почти никакого расхода т. к. сѣтку, лодку можно и у добраго человѣка попросить), но зато и даетъ самый незначительный доходъ; больше всего ловятъ такимъ родомъ не для дохода, а для собственнаго потребленія. Да и промыселъ такой возможенъ только вблизи мѣста постояннаго жительства. Словомъ, это ужъ не промыселъ, а такъ себѣ—пропитаніе по образу птицъ небесныхъ, которыя не жнутъ, не сѣютъ и въ житницу не собираютъ. Впрочемъ, многіе изъ промышленниковъ доведенные до отчаянія низкими цѣнами на рыбу, говорили иногда: «Да изъ-за чего мы бьемся? Только рабочихъ кормимъ! Себѣ въ убытокъ! Не лучше-ли ловить рыбу самимъ для себя сѣтями, по крайней мѣрѣ, хоть сытъ будешь». Конечно, это можно сказать только въ минуту отчаянія, когда опускаются руки въ виду того, что труды почти цѣлаго лѣта пропадаютъ почти даромъ.

Что-же дѣлать? спроситъ читатель. Хорошо, если-бы мелкіе промышленники соединялись въ артели. Тогда они могли-бы устроить промыселъ на началахъ крупной промышленности и въ тоже время эта промышленность была-бы народной, а не индивидуалистической и капиталистической. Да! конечно это было-бы хорошо! Много есть вообще хорошихъ вещей! Вопросъ только въ томъ, насколько они исполнимы.

Вотъ на Мурманскомъ берегу бывшій архангельскій губернаторъ ген. Барановъ въ половинѣ 80-хъ годовъ задумалъ было устраивать рыболовныя артели. Приступлено къ дѣлу было въ высшей степени раціонально, именно: былъ созванъ съѣздъ поморовъ-промышленниковъ и имъ самимъ предложено было обсудить мѣры къ организаціи артелей. Выработали проектъ: артель должна была состоять изъ 4—5 человѣкъ, причемъ она имѣла право на казенную ссуду до 450 рублей *), но дѣло въ концѣ концовъ не выгорѣло.

Артели часто не возвращали ссудъ, которыя уходили на уплату старыхъ долговъ, способы рыбной ловли не совершенствовались. Правда, свѣдѣній мы за послѣднее время не имѣемъ, судя по началу, трудно допустить, чтобы поморы съумѣли съорганизоваться въ самостоятельныя артели, независимыя отъ скупщиковъ и проч. А вотъ Латыши по р. Западной Двинѣ, судя по словамъ г. Красноперова **), издавна еще со временъ среднихъ вѣковъ ведутъ тотъ-же рыбный промыселъ на артельномъ началѣ. И какая артель! Въ нее входятъ почти всѣ жители данной мѣстности. «Латыши, читаемъ мы у г. Красноперова, издавна занимаются рыбной ловлей по р. Западной Двинѣ, на протяженіи 18-ти верстнаго теченія вплоть до устья и всѣ сѣти плетутъ сами, силами членовъ своей семьи (Обдоряне-же, замѣтимъ мы отъ себя, плетеніемъ сѣтей вовсе не занимаются)... Латыши образуютъ свою прекрасно организованную общину, подобія которой мы не встрѣчаемъ среди нашихъ русскихъ

*) Объ этомъ см. статьи: „Максимова. Съ береговъ Финмаркена. Русск. Бог. 92, № 6—7. Съ Мурманскаго берега. «Русская Мысль» 93 г.“.

**) Русск. Бог. 94 г. № 6. «Осташи».

рыболововъ, вслѣдствіе чего они и живутъ зажиточнѣе нашихъ рыболововъ...

Члены этой рыболовной общины — главною цѣлью своею по отношенію другъ къ другу, ставятъ взаимопомощь во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ на началахъ равенства и братства.

Латышская община, состоящая изъ 20-ти семей, покупаетъ на общинный капиталъ пеньку или ленъ берковцами, платя по 50—60 руб. за берковецъ. Затѣмъ, пенька эта раздается каждой семьѣ для пряжи и плетенія сѣтей, кто сколько хочетъ. Условіемъ ставится, чтобы никто не имѣлъ права продавать пеньку ни въ сыромъ, ни въ обработанномъ видѣ, а каждый пользовался-бы ею только въ предѣлахъ своей общины... Община выбираетъ изъ своей среды на 1—3 года старшину и члены ея называютъ другъ друга братьями... Кулачества здѣсь не видно и слѣда т. к. все держится взаимопомощью.

За право ловли община платитъ городу 2000 р. ежегодной ренты. Ловъ рыбы раздѣляется на дневной и ночной, причемъ первый практикуется единовременно всей общиной подъ руководствомъ своего старшины, въ ночное-же время каждый ловитъ рыбу для себя и даже можетъ продавать ее. Пойманная днемъ рыба продается общиной и деньги составляютъ общинный капиталъ, часть котораго идетъ на уплату аренды за право ловли, другая отчисляется въ неприкосновенный капиталъ на общинныя нужды, пропала-ли у кого лодка, или неводъ, сгорѣлъ-ли у кого домъ, община помогаетъ ему: на общинный капиталъ купитъ новую лодку, выдастъ пеньки для сѣти, выстроитъ новый домъ. Умеръ-ли въ семьѣ единственный работникъ, община и тутъ приходитъ къ осиротѣлой семьѣ на помощь: она хоронитъ на общинный счетъ своего собрата,

выдаетъ вдовѣ и дѣтямъ на вспомоществованіе. Остальныя деньги, вырученныя отъ продажи общинной рыбы, дѣлятся поровну между всѣми общинниками".

Такъ вотъ каковы Латыши! Значитъ можно такъ устроиться. Положимъ, что у Латышей могла возникнуть такая идеально совершенная артель отчасти потому, что ловъ рыбы сгруппированъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ (всего 18 верстъ), но вѣдь общая заготовка сѣтей и образованіе общиннаго капитала возможны и при большой разбросанности промысла. Положимъ далѣе, что этихъ латышей немного, и ловятъ они рыбу впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій, такъ что община ихъ представляетъ продуктъ многовѣковаго опыта на почвѣ приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Между тѣмъ въ Обдорскѣ населеніе многочисленнѣе, да къ тому-же сбродное, пришлое. Много вредитъ также и національная разношерстность населенія: тутъ и Русскіе, и Зыряне, и Самоѣды, и Остяки. При теперешнемъ уровнѣ развитія Обдорскаго населенія объ артеляхъ почти нечего и думать (хотя ниже я укажу кое какіе зародыши будущихъ артелей).

„Народъ у насъ несогласный", часто доводилось слышать. Но вѣдь все идетъ впередъ. Вѣдь все, что выгодно для человѣка, и что зависитъ отъ его силъ, рано или поздно, должно совершиться. И можно сказать съ увѣренностью, что какъ-бы страннымъ и невозможнымъ ни казался извѣстный порядокъ, но если онъ дѣйствительно выгоденъ, то наступленіе его представляетъ лишь вопросъ времени. Жалко, что время это для Обдорска не скоро еще настанетъ.

Изъ мѣръ скорѣе осуществимыхъ, многіе предлагаютъ учрежденіе срочнаго пароходства по Оби

до Обской Губы. Пароходы ходили-бы себѣ все лѣто и понемногу забирали-бы рыбу. Тогда цѣна на нее поднялась-бы, облегчился сбытъ, привозъ сталъ-бы болѣе равномѣренъ и т. д. Но это предположеніе, кажется мнѣ, довольно трудно осуществимымъ: при громадности разстояній, расходъ на содержаніе парохода не окупался-бы. Не такъ много ужъ ловятъ здѣсь рыбы (всего, какъ я ужъ говорилъ около 200.000 пудовъ), да и способъ приготовленія ея —крутой засолъ дѣлаетъ ее товаромъ малоцѣннымъ.

XV.

Рабочій вопросъ въ Обдорскѣ.—Необходимость промысловой инспекціи.—Какъ отразится концентрація на техникѣ рыбнаго дѣла, на положеніи рабочихъ и на положеніи обдорскаго населенія.—Толки въ Обдорскѣ объ устройствѣ артели изъ Русскихъ и Остяковъ.—Необходимость этого дѣла для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ обдорской жизни. Заключеніе.

Разбирая вопросъ о концентраціи рыбнаго промысла, мы не можемъ обойти здѣшняго рабочаго вопроса, т. к. измѣненіе формы промысла существенно отразится на положеніи рабочихъ, вѣдь промыселъ въ низовомъ краю исключительно предпринимательскій т. е. все рыболовное населеніе раздѣляется на рабочихъ и на хозяевъ.

При изученіи отношеній между хозяевами и рабочими, васъ прежде всего поразитъ разнорѣчіе мнѣній, масса фактовъ самаго противурѣчиваго характера, такъ, что за отсутствіемъ въ краѣ статистическихъ изслѣдованій, трудно составить вполнѣ опредѣленный взглядъ на дѣло. Хозяева во всемъ винятъ рабочихъ, рабочіе—хозяевъ. И тѣ, и другіе

жалобы часто не лишены основанія. Хозяева говорятъ: „нѣтъ никакого сладу съ этими караванными *), вѣдь значительная часть ихъ —это поселыцики, варнаки; на иного и смотрѣть-то боязно— все равно, что каторжникъ. А вѣдь я (хозяинъ) среди нихъ одинъ, а ихъ-то человѣкъ со 100 бываетъ. Меня не то, что избить, а и убить могутъ. Закобянится одинъ, двое—и вотъ всѣ рабочіе при неводѣ ничего дѣлать не могутъ, потому—что для неводьбы нужно опредѣленное число лицъ; и это бываетъ въ самое горячее время, когда рыба валомъ валитъ, когда два, три дня могутъ чуть-ли не всѣ затраты оправдать. Да и работаютъ лѣниво, когда почешутся, да когда поворотятся. Ипымъ подавай каждый день непочатый хлѣбъ; чуть маленько зачерствѣлъ: «не надо», бросаютъ. Мы изъ за чего и коровъ часто съ собой возимъ на промысла— много лишняго хлѣба бросается, такъ пусть коровы ѣдятъ, все-же даромъ не пропадаетъ и т. д. и т. д.

Жалуются и обдорскіе хозяева на своихъ рабочихъ—Остяковъ: «имъ-бы только напиться, да спать завалиться». Съ другой стороны и рабочіе жалуются на низкую плату (относительно Остяковъ низкая плата обусловливается осеннимъ наймомъ играющемъ ту-же самую экономическую роль, какъ и наши осеннія наемки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ).

Конечно съ обѣихъ сторонъ есть много преувеличеній, но есть и доля правды.

Въ 1892 году были выработаны врачебной управой въ Тобольскѣ правила о наймѣ и содержаніи рабочихъ. Многое въ этихъ правилахъ было хотя и хорошо задумано, но непримѣнимо собственно для низового края, такъ напр., обязательство кор-

*) Караванный—рыболовный рабочій изъ-подъ Тобольска.

мить рабочихъ, кромѣ мяса, рыбы, хлѣба и чая еще капустой, картофелемъ, масломъ. Нужно замѣтить, что эта пища (овощи и масло) здѣсь очень дорога, такъ что сами хозяева ею не часто лакомятся, кормить-же рабочихъ, особенно Остяковъ, которые ее и не ѣдятъ никогда почти, было-бы совсѣмъ убыточно. Запрещалось еще доставлять рабочихъ *завозомъ* *) на баржахъ, а непремѣнно буксиромъ. Это уже совсѣмъ неосновательное требованіе, т. к. иначе здѣсь невозможно, какъ именно завозомъ и рыскомъ. Опредѣленъ былъ еще минимумъ рабочей платы—30 руб. за лѣто. Минимумъ этотъ, если и возможенъ для Тоболяковъ, то къ обдорскимъ хозяевамъ онъ не приложимъ. Во первыхъ потому—что здѣсь на рыбный промыселъ сплошь и рядомъ нанимаются и старики, и дѣти и всякіе калѣки, т. к. всегда найдется нетрудная работишка и для такихъ (вродѣ чистки и соленья рыбы), а этимъ рабочимъ себѣ въ убытокъ платить 30 руб. Во вторыхъ нужно припомнить крайне тяжелыя условія, въ которыхъ находятся обдорскіе промышленники, прижатые Тоболяками, и поневолѣ принужденные прижимать своихъ рабочихъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми-же условіями, какія находимъ на Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ въ Архангельской губерніи. Тамъ тоже дурныя отношенія Поморовъ къ своимъ рабочимъ, вызываются тѣмъ, что сами Поморы эксплуатируются съ одной стороны Норвежцами, съ другой архангельскими купцами.

Тамъ эксплуатація эта развивается на почвѣ тѣхъ-же условій, какія мы описывали въ Обдорскѣ т. е. главнымъ образомъ дальности разстоянія отъ рынка сбыта и закупки необходимаго для промысла

*) Термины—завозъ и рыскъ мною объяснены выше.

и своего пропитанія, а также неимѣнія въ своихъ рукахъ перевозочныхъ средствъ при слабой конкурренціи. Такимъ образомъ, Норвежцы и Архангелогородцы жмутъ Поморовъ, а тѣ въ свою очередь жмутъ своихъ рабочихъ и покрученниковъ. Тоже и въ Обдорскѣ.

Говоря объ урегулированіи отношеній между рабочими и хозяевами, слѣдуетъ остановиться на предположеніи учредить либо постоянную промысловую инспекцію, либо временныя командировки съ инспекторскими цѣлями. Эти временныя командировки, систематически производимыя, скоро накопили-бы достаточный матеріалъ для выработки наиболѣе цѣлесообразныхъ правилъ, а также для организаціи надзора. Въ тоже время промысловый инспекторъ могъ-бы, разрѣшая на мѣстѣ болѣе незначительные споры и столкновенія, предупреждать и пресѣкать разнаго рода злоупотребленія и самоуправства. Рабочіе, видя, что ихъ справедливыя жалобы быстро и удачно удовлетворяются, пріучались-бы къ отстаиванію своихъ интересовъ на почвѣ законности и порядка, а не при помощи бунтовъ, мордобитій и т. п. (мнѣ говорили, что бывали случаи, что хозяевъ или ихъ прикащиковъ, особенно нелюбимыхъ, рабочіе убивали, сталкивая, напр. темною ночью съ посуды въ воду,—конечно это очень и очень рѣдкіе случаи—за послѣдніе 5—6 лѣтъ ни одного такого факта я не слыхалъ). Съ другой стороны и хозяева воздержались-бы отъ самодурства и эксплуатаціи. Лѣтомъ 1894 г. черезъ Обдорскъ проѣзжалъ докторъ Дунаевъ, командированный изъ Тобольска съ цѣлью ознакомленія съ санитарно-гигіеническими условіями жизни рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вникалъ и въ отношенія между хозяевами и рабочими. Очевидно, что эта командировка можетъ послужить основаніемъ

для будущаго промысловаго надзора, основаннаго на точномъ изученіи мѣстныхъ условій. Было-бы очень желательно (насколько это возможно) соединить санитарно-полицейскія цѣли съ задачей распространенія болѣе совершенныхъ способомъ приготовленія и сохраненія рыбы *).

Возвращаясь теперь къ вопросу о концентраціи рыбнаго промысла, мы выскажемъ убѣжденіе, что явленіе это почти неизбѣжно. Сохранить мелкую форму промышленности почти невозможно; организовать артели тоже очень трудно; по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, та или другая экономическая политика можетъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе. Въ виду этого является вопросъ, нужно-ли считать эту концентрацію явленіемъ желательнымъ или нѣтъ? Тутъ возможны собственно нѣсколько отвѣтовъ.

Во первыхъ съ точки зрѣнія техники промысла. Несомнѣнно, что чѣмъ болѣе промыселъ будетъ поставленъ на началахъ крупной промышленности, тѣмъ успѣшнѣе будетъ ловля и приготовленіе рыбы, т. к. только крупный промышленникъ можетъ примѣнить усовершенствованные пріемы. Только, кажется, не Обдорянамъ и даже не Тоболякамъ завести здѣсь раціональную рыбопромышленность.

Часто доходятъ въ Обдорскъ слухи, то о норвежскихъ, то о датскихъ компаніяхъ, которыя собираются заняться рыбопромышленностью по Оби, Было даже извѣстіе о какой-то французской компаніи (съ участіемъ сына извѣстнаго Лессепса), затѣмъ говорили объ одномъ московскомъ рыботорговцѣ, который послалъ своего сына для развѣдокъ

*) Лѣтомъ 1895 года Мин. Земл. командировало на низовья Оби ихтіолога съ цѣлью изслѣдованія нужд обской рыбопромышленности и выработки болѣе раціональныхъ способовъ приготовленія продуктовъ рыболовства.

на низъ Оби, но тотъ, убоявшись путешествія въ каюкѣ въ такую даль, какъ Обдорскъ, возвратился вспять.

До сихъ поръ эти слухи такъ слухами и остаются и многіе полагаютъ, что отдаленность обдорскаго края отъ рынковъ, будетъ надолго отпучивать крупные капиталы, т. к. при затруднительности сбыта овчинка не стоитъ выдѣлки.

Второй вопросъ, на которомъ стоитъ остановиться, это—вліяніе на измѣненіе быта рабочихъ. По этому вопросу трудно дать категорическій отвѣтъ. Съ одной стороны рабочему лучше у мелкаго промышленника, потому что тотъ съ нимъ на равной ногѣ, вмѣстѣ съ нимъ и работаетъ, и ѣстъ, вообще отношенія бываютъ почти товарищескія. На большемъ же заведеніи этого конечно быть не можетъ. Но зато, мелкій промышленникъ поставленъ въ столь тяжелыя условія, что ему иногда приходится голодать вмѣстѣ со своими рабочими. Между тѣмъ крупный промышленникъ имѣетъ возможность лучше содержать своихъ рабочихъ, да и надзоръ удобнѣе устроить, разъ промыселъ будетъ менѣе разбросанъ.

Аналогичный вопросъ возбуждался въ сибирской печати недавно относительно рабочихъ на золотыхъ пріискахъ по поводу изслѣдованій объ этомъ В. И. Семевскаго (печатавшихся года два тому назадъ въ „Р. Б.“ и „Р. М.“) Многіе полагали, что въ интересахъ самихъ рабочихъ, нужно желать сосредоточенія золотопромышленности въ немногихъ рукахъ, т. к. тогда стало-бы гораздо легче наблюдать за благосостояніемъ рабочихъ. Мнѣніе это несомнѣнно должно быть принято въ расчетъ особенно въ виду того, что рабочіе на рыбныхъ промыслахъ и на золотыхъ пріискахъ рекрутируются приблизительно изъ одного и того-же элемента, т. е. наиболѣе бѣднаго и неразвитого. Только

кажется на золотыхъ пріискахъ больше такъ назыв. «шпаны» — посельщиковъ, бродягъ и т. п., на рыбныхъ промыслахъ большая часть рабочихъ— крестьяне Тобольской губерніи.

Однако, какъ ни много имѣетъ за себя это мнѣніе, я бы не высказался категорически за него, т. к. при болѣе близкомъ знакомствѣ именно съ мелкими и средними рыбопромышленниками, находилъ много чертъ, ускользающихъ отъ наблюдающаго издалека. Вопросъ неизбѣжно усложняется. Прежде всего—какъ быть съ мелкими рыбопромышленниками, если осудить ихъ на раззореніе. Легко сказать –раззорить чуть-ли не половину села! Нужно сказать, что именно мелкіе и средніе промышленники представляютъ изъ себя такъ сказать самую здоровую часть населенія. Уровень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія можетъ быть даже выше, чѣмъ крупныхъ коммерсантовъ, которые при внѣшней своей полированности все таки въ душѣ остаются Китъ Китычами. Въ Обдорскѣ значительная часть среднихъ промышленниковъ читаетъ и выписываетъ газеты и журналы: одинъ выписываетъ даже „Вѣстникъ рыбопромышленности“, изъ чего видно стремленіе къ раціональной постановкѣ промысла.

Именно въ этой средѣ выражается съ наиболѣе симпатичной стороны національный типъ сына родной земли—залогъ и основа развитія края. Эти данныя культурно-общественнаго характера чего нибудь да стоятъ. Да и вообще концентрація промысла, основанная на раззореніи мелкихъ и среднихъ промышленниковъ, и образующая два класса: кучку богачей вверху, и массу безхозяйныхъ пролетаріевъ внизу, мало встрѣтитъ защитниковъ въ русскомъ обществѣ. Какъ-то не глянется такой порядокъ русскому интеллигентному человѣку. На Западѣ

еще туда—сюда. Тамъ на такой порядокъ еще можно смотрѣть какъ на неизбѣжную переходную ступень и проч. и проч. Но у насъ эта „переходная ступень“ можетъ затянуться на слишкомъ долгое время: «пока-же солнце взыйдетъ, роса очи выѣстъ“. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что процессъ концентраціи торгово-промышленной дѣятельности идетъ не такими еще быстрыми шагами, чтобы кричать: караулъ! и требовать немедленно категорическаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать?

Въ прошломъ году среди небольшой компаніи Обдорянъ поднялись толки о необходимости устройства артели, сначала дроворубной, а потомъ рыболовной. Компанія была не велика: всего 4—5 человѣкъ. Все народъ молодой, изъ русскихъ крестьянъ, раззорившихся вслѣдствіе непосильной борьбы съ крупными промышленниками и служившій у нихъ въ работникахъ или торговавшій въ кредитъ на ярмаркѣ. Средствъ на обзаведеніе и первоначальные расходы у нихъ не было вовсе, и потому дѣло ограничивалось одними разговорами. Фактъ самъ по себѣ незначительный, но я все таки не могу неупомянуть о немъ. Идея этого дѣла очень ужъ симпатична и потому каждая мелочь достойна вниманія.

Всѣ члены этой компаніи—люди хорошіе, трудолюбивые и честные. Планы у нихъ были самые широкіе; раздобывшись деньжонками на рубкѣ дровъ, они думаютъ потомъ устроить рыболовную артель. Вмѣсто арендованія песка у Остяковъ, они предполагаютъ вступить съ ними въ компанію, принявъ и ихъ въ свою артель. Въ качествѣ мѣстныхъ аборигеновъ, члены кружка хорошо знакомы съ остяцкимъ населеніемъ и могутъ выбрать изъ него наиболѣе подходящихъ людей. Остяки, хотя народъ довольно вялый и самъ по себѣ лишенный

духа инициативы, но въ обществѣ нѣсколькихъ Русскихъ, которые къ нимъ будутъ хорошо относиться и съумѣютъ заслужить ихъ довѣріе, они представятъ превосходный артельный элементъ. У Остяковъ и теперь существуютъ небольшія артели, только онѣ несамостоятельны и работаютъ на кулаковъ, точно также, какъ работаетъ на тѣхъ-же кулаковъ и значительная часть русскаго-же населенія. Духъ самостоятельности и энергіи внесетъ въ остяцкую артель лучшая въ нравственномъ отношеніи, часть русскаго населенія, которая къ тому же поставлена въ такія тяжелыя условія, что соединеніе съ Остяками на почвѣ самостоятельнаго артельнаго труда является для нея самой, единственнымъ исходомъ. Сами члены этой русской компаніи мечтали о томъ, что ихъ остяцко-русская артель станетъ разсадникомъ членовъ будущихъ такихъ-же артелей, которыя со временемъ должны реорганизовать рыбопромышленность низового края. Были голоса говорившіе, что въ будущемъ когда дѣло окрѣпнетъ и разовьется, можно завести и свою кооперативную лавочку въ Обдорскѣ, а потомъ и свой пароходъ. Все это, конечно, пока только мечты и разговоры; въ дѣйствительности есть только люди... безъ денегъ, но съ прекрасными и искренними намѣреніями. Но въ этой мечтѣ столько увлекательнаго, и трогательнаго, что хочется вѣрить. Въ самомъ дѣлѣ: среди русскаго населенія, до сихъ поръ, только эксплуатировавшаго инородцевъ, возникаетъ мысль о соединеніи съ ними на почвѣ братскаго труда!

Идея эта можетъ вызвать сочувствіе со стороны многихъ мелкихъ промышленниковъ. Дѣло въ томъ, что если Остяки, объединенные въ самостоятельныя артели, съумѣютъ освободиться отъ кабалы крупныхъ кулаковъ, то они перестанутъ, какъ теперь, сда-

вать имъ свою рыбу за безцѣнокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, поднимется и цѣна на рыбу. Тогда рыбопромышленность станетъ возможна какъ честный и себя окупающій трудъ. Теперь-же промышленникъ только тогда можетъ вести дѣло съ выгодой, когда онъ держитъ въ своихъ когтяхъ десятки и сотни Остяковъ, отдающихъ свою рыбу за безцѣнокъ. Это создаетъ такое положеніе, что кто-бы вздумалъ исключительно самъ ловить рыбу, неминуемо раззорился-бы, т. к. рыба закабаленныхъ Остяковъ страшно понижаетъ рыночную цѣну. Какъ ни трудно осуществимы изложенные мною планы кружка, но они представляютъ единственное средство для рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ обдорскаго края; инородческаго и рыбопромышленнаго. Я оставилъ Обдорскъ, когда идея эта еще только возникала. Но я думаю, что дѣло одними разговорами не кончится и если оно обнаружитъ какіе нибудь признаки жизненности, то вполнѣ заслуживаетъ общественной и правительственной поддержки. Конечно одной помощью артели нельзя ограничиться. Необходимо еще поставить, какъ слѣдуетъ, дѣло школьнаго образованія Остяковъ, хотя-бы въ такомъ видѣ, какъ мы указывали выше въ главѣ объ Остякахъ. Тогда будущее остяцкое поколѣніе, воспитанное въ школѣ и въ образцовомъ рыбопромышленномъ заведеніи, дастъ изъ своей среды контингентъ годныхъ членовъ артели.

При повышеніи уровня развитія остяцкаго населенія, станутъ возможны и дадутъ практическіе результаты правительственныя мѣры къ облегченію ихъ положенія. Главная задача этихъ мѣръ должна состоять въ томъ, чтобы освободить инородческое населеніе отъ неоплатной задолженности ихъ мѣстнымъ кулакамъ. Но для того, чтобы эти мѣры могли-бы приносить дѣйствительную пользу, Остяки

должны представлять кое-какія данныя, которыя указывали-бы на ихъ способность воспользоваться государственною помощью къ своему благу. При теперешнемъ-же ихъ состояніи и духовномъ, и экономическомъ, даже трудно указать такія мѣры, которыми они могли-бы воспользоваться. Нужно что-бы они постепенно сами развивали-бы свою самодѣятельность. Хорошо поставленная школа съ лѣтними занятіями учениковъ на образцовомъ рыбопромышленномъ заведеніи и устройство рыболовныхъ артелей съ участіемъ добросовѣстныхъ русскихъ рыболововъ, мнѣ кажутся вѣрнымъ, хотя и медленнымъ путёмъ для поднятія благосостоянія обдорскихъ инородцевъ.

Если первоначальные покорители Сибири и много зла принесли инородцамъ, то въ настоящее время бѣднѣйшая часть «потомковъ Ермака» можетъ стать во главѣ возрожденія края, тѣмъ болѣе, что самый роковой ходъ экономической эволюціи въ Обдорскѣ диктуетъ этимъ «потомкамъ» въ ихъ собственныхъ интересахъ эту благородную задачу. Въ заключеніе замѣчу, что ни какія благія правительственныя начинанія не будутъ имѣть успѣха и останутся на бумагѣ, если онѣ не встрѣтятъ сочувствія хотя бы въ малой части обдорскаго русскаго населенія, отъ котораго только и можетъ зависѣть практическое осуществленіе въ Обдорскѣ этихъ благихъ начинаній.

Конецъ.

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬ
Инв. №